

ДАНТЕ АЛИГИЕРИ

БОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДИЯ

А Д

Перевод Бориса Зайцева

УМСА - PRESS
ПАРИЖ

ДАНТЕ

А Д

ДАНТЕ АЛИГИЕРИ

БОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДИЯ

А Д

Перевод Бориса Зайцева

УМСА - PRESS
ПАРИЖ

ДАНТЕ АЛИГИЕРИ.

*Единый план Дантова "Ада"
Есть уже плод высокого чинья....*

П у ш к и н

“Божественная Комедия” написана терцинами. Предлагаемый перевод первой части ее (“Ад”) сделан ритмической прозой, строка в строку с подлинником. Форма эта избрана потому, что лучше передает дух и склад дантовского произведения, чем перевод терцинами, всегда уводящий далеко от подлинного текста и придающий особый оттенок языку. Мне-же как раз хотелось передать, по возможности, первоизданную простоту и строгость дантовской речи.

Перевод всегда есть только отражение подлинника поэтического, задача его скромна, труд упорен и кропотлив. Все-же я благодарен за те дни и годы, которые прошли в общении с Данте в России (1913-1918), и в Париже (1942), когда весь перевод вновь был проверен, строка за строкой, по тексту и комментариям. В тяжелые времена войны, революции и нашествия иноплеменных эта работа утешала и поддерживала.

Д А Н Т Е
И Е Г О П О Э М А

На *via Данте* во Флоренции есть дом, узенький и высокий, из грубого камня, сжатый соседними, более новыми домами. Он трехэтажный, не считая низа, где как будто была лавка или склад. Темноватая лестница ведет наверх — там две-три комнаты с простой обстановкой — деревянные столы, резные тяжелые стулья, окна с полуovalами вверху, в стеклянных кругляшках, по старинному; через них идет свет, но рассмотреть что-либо на улице трудно.

Считается, что здесь родился Данте. Установлено это не вполне твердо, но если и не в этом доме, то в подобном, где-нибудь очень близко (во всяком случае — в этом же квартале), появился на свет в 1265 г. Данте Алигиери Флорентинец, и какая-нибудь гвельфская, или гибеллинская башня, на подобие *torre della Castagna*, подымалась на другой стороне, отнимая свет у комнат. Да и переулок не широк: если спесивый мессер едет верхом, широко расставив ноги в длинных шпорах, то встречному надо прижиматься к стенке, иначе заденет. Флоренция тогда мало походила на теперешнюю: вся в башнях, темноватая, наверно с запахами, вечно кипевшая враждой; вечно баррикадировались в своих домах-башнях гвельфы и гибеллины, черные и белые, и при случае резали друг друга; временами бывали огромные пожары; а по вечерам черно и пусто становилось в улицах.

Коммуна только что зарождалась. Жизнь еще груба, во многом первобытна. Люди ходят в шерстяных простых одеждах, с откидными капюшонами. Существует гетто. Евреев хоронят за городом, как зачумленных. Служительницы Афродиты носят колпаки с колокольчиками, чтобы отличаться от честных женщин. Все еще впереди: блеск, великолепие, литература, гуманизм, великая живопись, великая скульптура. Лишь природа та же: наверно, с кампаниллы S. Maria Novella или со стен Palazzo Vecchio такой же вид открывался на холмы Тосканы, на извив Арно, так же мягок, приветлив, прозрачен был голубоватый пейзаж: голубокая душа страны. И как теперь, весенний ветер приносил запах фиалок.

В этом городе возрастал мальчик Данте. Со времен очень древних — от Боккачио идет весть о соседях семьи Алигиери—Портинари. Имя Беатриче Портинари, первой, полудетской и мечтательной любви Данте, возведенной затем в сан Мудрости Божественной, обошло мир. “Я скажу о ней то, чего не было сказано еще ни о ком”, обещал Данте в конце юношеского своего творения “Vita nuova”. И действительно — в “Божественной Комедии” сказал. Что же касается девушки Беатриче, рано вышедшей замуж и рано умершей, то ее краткая жизнь, кроме великой славы вызвала и великие сомнения в потомстве. Ушедший XIX-й век особенно старался подкопаться под нее. Главный предмет спора был тот: да о ней ли именно говорит Данте? Воспевает-ли действительный свой роман, или пользуется именем Беатриче условно, имея в виду

вообще какую-то даму. Спор этот незакончен. Все-же можно, хоть приблизительно, определить исход его так: отождествление Беатриче литературной с Беатриче соседкой, которую мальчик Данте впервые увидел в церкви, нельзя твердо обосновать. Однако, отрицать, что любовная поэзия “Vita пшова” шла из жизненного источника, тоже нельзя. Действительность и вымысел так слиты, что разделить их теперь невозможно. Д’Анкона сказал: “Действительная жизнь Беатриче приобрела второе, таинственное бытие в душе и воображении поэта”. Думаю, этот д’Анкона прав. Вряд-ли повесть любви записана точно, и наверно, сюда вошло многое от литературы того времени (Гвиничелли, Гвидо Кавальканти, Провансальские трубадуры); все-же явственно тонкое, духовное опьянение Любовью, все-же присутствует Аморе не условный и выдуманный, а живой — лишь в одеждах эпохи. Данте был человек острых, сложных и сильных чувств — в те годы любовный мечтатель и мистик, со скрытно-огненным темпераментом; никак не видишь в нем сухого схоласта, сочиняющего по схемам. Нет в нем еще и черт суровости, гневности, означившихся позднее. “Vita пшова” (Новая жизнь, как бы новое рождение в любви) — ряд сонетов, канцон, баллады, с прозаическим сопровождением. Есть мнение, что стихи написаны между 1283-1292 г. (когда умерла Беатриче), прозаический же комментарий позже, около 1300 г. Предмет произведения — любовь — возвышенная, патетическая, протекающая в сновидениях, восхваления Мадонны Беатриче и оплакивание ее смерти.

Как бы ни спорили о портрете Данте, сохранившемся на фреске во Флорентинском Барджелло, сколь ни основательно мнение, что во времена Джотто не было еще реалистических портретов, а с другой стороны, данный портрет подправлен в прошлом столетии — все-таки Данте времен “Vita nuova” представляешь себе именно таким, как изображен он: юношей с тонким, острым и очаровательным профилем, юношей готическим, с сосредоточенным, задумчивым, почти печальным взглядом, скромным, уединенным и уже горделивым. Есть и подземные стихии в нем, но они еще не выбились наружу.

Мы очень мало знаем, как он жил в это время. По собственным его признаниям — много читал, учился, но был самоучкою. Несомненно, знал по латыни, знал провансальский и старофранцузский язык, занимался риторикой, философией. Греческим вряд ли владел. Читал Боэция, Цицерона, Вергилия. Очень много работал духовно, мы ниже скажем над чем, и как. Нельзя, однако, утверждать, что был чужд светского: напротив, были у него и веселые друзья, и дела какие-то веселые, наверно, мимолетные, но жгучие очарования. Их отголоски, хоть и глухие, видят в сонетах Данте к Форезе Донати, приятелю его молодости, и в ответных стихах последнего. Данте женился молодым. Известно, что ко времени изгнания (1302 г.) у него уже было четверо сыновей. Его жену звали Джемма Донати. Он, прославивший Беатриче, не обмолвился ни словом о жене, за всю свою жизнь; когда его изгнали, в странствия она с ним не пошла. Его семей-

ная жизнь для нас — тьма; и может быть, это просто серое, или пустое место.

Мы знаем еще, что он был воином, в 1289 г. сражался в рядах флорентийских войск, при Кампальдино, с аретинцами. В том же году присутствовал при занятии пизанской крепости Капроны.

Знаем, что он не был богат, вероятно. происходил из среднего дворянства и обладал познаниями в медицине, быть может, применял их. Между 1293-1300 годами занял 37.000 лир, с поручительством брата своего, Франческо — неизвестно, для каких целей. 6 июля 1295 г. голосовал в Совете Ста. 14 дек. принимал участие в выборе Приоров. Между 1297-1300 приписался к цеху медиков и аптекарей, а в мае 1299 г. был посланником республики в С. Джиминьяно. Тут начинается его общественная, политическая жизнь, нанесшая главный удар его существованию, приведшая к изгнанию.

Быть может если бы с 15 июня по 15 августа 1300 г. не состоял Данте приором (один из шести высших магистратов республики), если-бы в апреле 1301 г. не был ему поручен надзор за городскими постройками, и 14-го числа не высказался он в Совете Ста против папы Бонифация VIII, то иначе повернулась бы его жизнь; может быть, его не выгнали бы из Флоренции, не бродил бы он по Италии, нищим поэтом и философом, учителем поэзии и высокомерным приживальщиком. Но тогда, возможно, иной была бы и “Божественная Комедия” — мы не знаем, какой именно. Ибо

слишком много гнева, тоски, скорбных раздумий дало ему как раз изгнание.

Данте пострадал потому, что принадлежал к партии Белых. Эта партия родом из Пистойи, мрачного и озлобленного городка близ Флоренции, который в "Аду" сурово покарал словом своим Данте. Оттуда разделение на Белых и Черных перешло во Флоренцию, вместе с явившимися представителями враждующих родов. Так, что кроме старого деления — гвельфы (сторонники папы), и гибеллины (императора) — явилось новое. Все же Черные ближе стояли к папе, чем Белые. Бонифаций VIII воспользовался этими раздорами, чтобы присоединить Тоскану, как наследие маркграфини Матильды, к владениям церкви. В 1301 г., 1-го ноября Карл Валуа, "миротворец" посланный папою, вступил в город без вооруженной свиты. 5 ноября в S. Maria Novella Синьория (Правительство Республики), на собрании представителей духовных и светских властей обратилась к Карлу Валуа с речью о полномочиях и мире в городе. Он обязался поддерживать общее благоденствие и водворить порядок. Но тотчас после этого вооружил свиту и впустил в город Корсо Донати, вождя Черных, стоявшего с друзьями недалеко за стенами. Синьория (из Белых) пала. Пять дней грабил плетс дома Белых, а власть захватили Черные и Валуа. К Рождеству все вожди Белых бежали, среди них и Данте. А 27 января 1302 года был обнародован декрет об изгнании Данте и его товарищей. Декрет скреплен именем подеста Флоренции — Канте да Габриеле да Губбио — имя это увекове-

чено печальной славой. Данте обвинялся во взяточничестве, вымогательстве денег, подкупности и т. п. Главным же образом во враждебности папе и принцу Карлу.

Последнее было верно. Если Данте ненавидел, то ненавидеть умел. И Бонифаций, место которому уготовано в “Аду”, в огненной дыре, головою вниз и с пылающими подошвами, — Бонифаций дорого заплатил за несправедливое дело с Данте Алигиери Флорентинцем. 10 марта последовал второй декрет, присоединявший еще десять осужденных. Теперь говорилось определеннее: если кто-либо из них появится на Флорентинской земле, тот будет сожжен живьем. Для величайшего из своих людей, говорит Лоуэлль, флорентинцы не нашли ничего лучшего, как осудить его на смерть: “*igne comburatur sic quod moriatur*”. Можно согласиться, что в этом есть “бесконечно-трагическое и высоко-поучительное”.

Изгнанники пробовали возвратиться. Несколько раз добивались они этого с оружием в руках, но безуспешно. В 1302-06 г.г. были они разбиты при Муджелло. Данте отделился от них; повидимому, был он против гражданской войны. С товарищами-же по несчастью разошелся вовсе, и отозвался о них в “Раю” резко.

В 1303 г. он находился уже в Вероне, при дворе Бартоломмео делла Скала. Началась жизнь, о которой позже скажет он устами предка своего Каччягвиды прославленные слова:

Tu proverrai, si comme sa di sale
Lo pane altrui, e com' è duro calle.
Lo scendere e l' salir per l'altrui scale.

Par. XVII, 57.

В 1304 г. Бартоломмео умер, и Данте удалился из Вероны. Куда? Считают, ссылаясь на Боккаччо, что в Болонью, знаменитую тогда Университетом.

Будто бы он учился там. Будто бы, прожил до 1306 г. Но в точности это неизвестно. Твердо установлено его пребывание в Падуе, в 1306 г. Сохранившийся документ говорит, что 27 августа 1306 г. Данте был свидетелем при займе 1075 лир в Падуе. В том же году, но позже, он является в Луниджанском Кастелло Виллафранка, у маркиза Маласпина, в качестве посредника при заключении мира между маркизом Франческино и епископом Антонио да Луна. Об этом говорят две грамоты в архивах Сарцаны. По Фратичелли, и сейчас уцелела в середине старого Кастелло башня, называемая башней Данте, а вблизи — дом Данте, где, повидимому, он останавливался.

В дальнейшем пребывание его в Форли, у Орделаффи, не обосновано. Путешествие в Париж, 1308-09 г.г. весьма возможно. Вероятно также, что он посетил Прованс, на что указывают некоторые места "Комедии". Что он делал в Париже? Одни считают, что преподавал поэзию и итальянский язык; другие — что сам учился. Краус склоняется к последнему. По его мнению, вряд-ли можно было в то время заинтересовать в Париже итальян-

ским языком; а второе — философские и теологические взгляды Данте сильно выросли и окрепли как раз с этого времени. Очень правдоподобно, что именно схоластикой он и занимался там (впрочем, Краус не отрицает возможности и преподавания, — напр., реторики). Видеть Данте в средневековом Париже, где знаменитые схоластики читали на rue de la Fouarre ученикам, сидевшим на соломе, кажется правдоподобным и естественным, это без усилия входит в его биографию — как видим, не менее загадочную, чем его творение. Англичане очень настаивают на его посещении Англии, но это гораздо менее вероятно — дает почву для споров и поддерживается преимущественно англичанами, быть может, по местному патриотизму.

Затем следуют годы, наверно очень тревожные и острые для Данте, когда Фортуна, о которой говорит он в “Аду”:

Ты можешь теперь видеть, сын, сколь кратко
дуновение
Земных благ, даруемых нам Фортуною,

когда она, “вращающая свою сферу”, на краткий срок поманила его надеждами на Флоренцию, на возвращение и победу над врагами — и отвернулась окончательно.

27 ноября 1308 г. преемником убитого Альбрехта Австрийского был избран граф Генрих Мотцельбургский. Его короновали в Аахене. Он стал королем Генрихом VII. В сентябре 1310 г. спустился он в Италию, занял Виченцу, Кремону, долго

осаждал и взял, наконец, Брешию. Он стремился в Рим, за короной императора из рук папы. Данте в это время был настроен решительно гибеллински, и надеялся, с помощью Генриха, вновь увидеть Флоренцию, “приятнейший из всех городов мира”. Как и многое в его жизни — его отношения к Генриху неясны. Есть мнения, что он был с ним знаком до 1309 г. Сохранилось письмо его к Генриху от весны 1311 г., где он призывал его к продолжению похода на Рим и упрекал за задержку в Верхней Италии, вместо того, чтобы двинуться на юг (и на Флоренцию). Это письмо всеми признавалось за подлинное; но затем стали сомневаться. Если письму верить, то весной 1311 г. Данте находился в долине верхнего Арно (*sul fonte Sarni*). По одним — в Порчиано, замке графов Гвиди, по другим в Поппи, у графа Гвидо Сальватико. Также следует из письма, что Генриха VII Данте уже видел. Где? В Асти, Турине, Милане или Генуе. Есть большие основания полагать, что он подстрекал Генриха к походу на Флоренцию, но сам за оружие не взялся; как упоминалось, был он против гражданской войны.

Генрих потому задержался на севере, что должен был обеспечить себе обладание крепостями в тылу (армия его была не весьма сильна). В апреле 1312 г. он появляется в Пизе, в мае — в Риме, и 29 июня папа коронует его, наконец, императорской короной. Но в Риме оставаться ему опасно. Вновь он выступает на север (к Пизе), чтобы готовиться к борьбе с Робертом Неаполитанским. В Буонконvento он заболевает (вероятно, его отра-

вил один доминиканский монах ядовитой остией), и умирает в августе. Во Флоренцию он не попал. Белых, и с ними Данте, в правах не восстановил. Стало ясно, что дело гибеллинов в Италии проиграно. "Итальянская политика Генриха", говорит Краус: "была, конечно, мечтой, как и представление Данте о всемирной монархии была мечта".

К этому времени Данте не был еще автором "Божественной Комедии". Вопрос о времени ее возникновения имеет свою историю. Раньше считалось, что первые семь песен написаны до изгнания, и первая строка 8-ой: *Io dico seguitando...* понимались, как продолжение прерванного ((которое, будто-бы, было отправлено маркизу Мороелло Маласпина, прочитавшему с восторгом эти песни, настаивая, чтобы Данте продолжал поэму). Ныне принимают, что комедия писалась между 1314-1321 г.г., начата не ранее 1314, когда умер папа Климент V. Ссылаются на многочисленные указания в ней событий, которые ранее не могли быть автору известны. Да и ход духовного развития поэта говорит за то. Правда, семь лет кажутся малым сроком для такого поэтического дела, приходится, на наш взгляд, допустить, что в эти годы творение писалось; внутренне же вызревало раньше долгими годами, и нет, правда, доказательств, что отдельных песен не существовало (в черновиках) и до этого.

Здесь касаемся мы важного и темного дела — вопроса о внутреннем развитии поэта, "истории его души". Как и во всем, касающемся Данте, фак-

ты скудны. Строятся лишь догадки. Догадка первая, классическая, принадлежит Витте. По ней выходит, что со смертью Беатриче Данте проявляет к ней неверность. Он увлекается другим. Это другое — не женщина, но Философия. В сочинении своем “Convivio” (“Пир”), он определенно говорит о философии (и даже одной из целей написания “Convivio” было желание защищаться от упреков в легкомысленной, якобы, любви к женщине. Он утверждает, что любовь эта — к философии). Аллегорически философия названа здесь Donna pietosa, (о ней есть уже и в “Vita nuova”).

На время, следовательно, Беатриче как бы вытесняется, заменяется этой Donna pietosa. Новой властительнице Данте предан. Можно думать, что период неверности довольно долог, в несколько лет. По “Vita nuova” начинается он чрез год после смерти Беатриче, “Convivio” говорит о тридцати месяцах, в течение которых автором владела новая любовь. Именно на то время, по смерти Беатриче и до изгнания, выпадает обостренная духовная работа над философскими и метафизическими вопросами, фаустовское вопрошание об истине. Вначале чувствует он некие обещания, и возможность духовного мира, но оказывается это обманчивым. На пути мирской философии, Боэция и Цицерона, успокоения не найти. “Convivio”, натур-философский и метафизический комментарий к канцонам (осуществлен лишь для трех), написанным в честь Donna pietosa, относится к 1306-08 г.г., следовательно, в это время Данте не вернулся еще к Беатриче. Витте считает этот период

как бы неким отпадением от веры, церкви и поклонения молодых лет; в своем роде это тоже “темный лес”, *selva oscura*, из которого в конце концов спасает Беатриче, символ Теологии. Третий период — время написания “Божественной Комедии”, где скромная девочка Беатриче Портинари возведена в сан Божественной Мудрости, спасительницы заблудших душ. Здесь поэт вновь возвращается к вере и богопочитанию своей молодости, вновь он во власти Беатриче и религии, дающих ему последнее утешение.

Скартаццини также видит три периода в духовном восхождении поэта: первый период — чувства, второй — разума, третий — высшего примирения между ними, в религии. Первый до смерти Беатриче, второй до смерти Генриха VII и крушения земных, политических надежд; третий — до конца дней самого Данте. — Нетрудно видеть, что в построениях этих есть схематизм; тезис, антитезис, и синтез; все-же главное они, вероятно, выражают. В новейшее время сделал свои добавления Краус. Первый период делит он на раннюю юность, время первых любовных канцон, и юность позднюю, куда входит “*Vita nuova*”. Содержание же второго, критического периода, он расширяет: не одни умственные, познавательные борения наполняют его, но и страсти политические, и дань, отданная земной любви. В последнем приходится присоединиться к Краусу, против Скартаццини. И указания древних, и тот облик Данте, какой знаем мы из его творений, говорят внятно, что в этом человеке была горячая кровь,

душа любовно-страстная, могучая плоть, очень далекая от безразличия или вялости. Места поэмы, где он касается любви, полны скрытого огня, хоть и написаны человеком немолодым. В конце "Чистилища" Беатриче ясно упрекает его в слабости к женскому (XXXI, 59), и трудно принять, чтобы здесь аллегоризировалась опять лишь философия, под обликом *pargolletta* (собств. — девчонка, юная девушка). Станным, суховато-педантичным кажется мнение Скартаццини, что Данте любил лишь трижды: в ранней юности Беатриче, затем Джемму Донати (свою жену), которую будто бы возвел в символ философии (*Donna pietosa*), и, наконец, просветленную Беатриче. Но Скартаццини вообще упорно подчеркивает в поэте все интеллектуальное, разумное; в его изображении Данте слишком человек головы, а не темперамента, тогда как мощь его состояла именно в слиянии того и другого.

Очень правдоподобен взгляд Крауса и на последнюю часть жизни Данте: смерть Генриха VII и крушение надежд окончательно отвратили его от мирского; взор безраздельно направлен к Вечности, Божеству, откуда и возникает Великая Поэма, где от части к части, от Ада к Чистилищу и Раю больше и больше смолкает земное, уходя в смутный туман сна.

Мы приблизились, наконец, к этому творению, стоящему над человечеством уже шесть веков, полному необычайного очарования, волшебной силы, влекущей новых и новых читателей, поклонников, исследователей, переводчиков, полемистов.

О комедии читали с церковных кафедр средневековой Италии, и Италии Ренессанса; десятки людей отдавали жизнь на ее комментирование, сменялись целые направления в ее понимании, сотни изданий выходило в свет, сотни переводов на всевозможные языки, тысячи читателей ее читало, для многих, особенно в Италии, эта поэма — нечто в роде Евангелия. Девятнадцатый век — время особенно страстного и горячего ее обсуждения. Прделана громадная работа. Изучены ее истоки, все предшествующее в области писаний визионерных; сличены все образы ее с литературными образами древних; до мелочей изучена историческая, бытовая, географическая, астрономическая и космогоническая сторона произведения, равно философская и геологическая. Написаны книги путешествий по местам, упомянутым в ней. Про так наз. “темные места” комедии нечего и говорить: есть строки, вызвавшие целую литературу. Разработана лингвистика, грамматика, синтаксис, метрика, характеристика метафор и т. д. Есть и статистика: мы знаем, сколько в поэме слов, существительных, глаголов, прилагательных. Кажется, не сосчитаны еще лишь запятые. Литература о Данте столь велика, что в ней чувствует себя “задохнувшимся” сам великий знаток всего дантовского — Скартаццини. И с горечью замечает он, что даже общей Дантовской библиографии пока нет, а есть работы по отдельным странам. Следует упомянуть еще, что существуют целые подробнейшие словари к Данте, дантовские энциклопедии, что в Америке, Англии, Германии и Италии есть Общества Данте и спе-

циальные журналы, посвященные исключительно ему. Число изданий поэмы в Италии — свыше четырехсот. В одной Германии полных переводов (всех трех частей) — пятнадцать. Неполных-же множество. Что же представляет из себя это загадочное произведение?

“Божественная Комедия” есть странствие человеческой души по трем царствам запредельного — Аду, Чистилищу и Раю. С внешней стороны это как бы *itinerarium* флорентийца Данте Алигиери, написанный терцинами. В Аду Вергилий ведет его, любимый и высочайше уважаемый им поэт. Его послала, как проводника и учителя, благосклонная к Данте, восседающая в Небе Беатриче. Поэты видят в Аду муки грешных. Вергилий-же сопровождает его и по Чистилищу, таинственной горе искупления, вздымающейся над пустынным и необозримым океаном в полушарии, противоположном нашему. На вершине Чистилища, среди свежих лугов и вечно-зеленеющих деревьев, Беатриче, в колеснице, запряженной грифами, встречает Данте, принимает его от Вергилия, очищает омовением в Реке забвения и возносится с ним в Рай, в царство света недвижимого. Там видят они блаженство праведных и угодников, там созерцают, наконец, само Божество. Такова схема. Она дает возможность развернуть длинный ряд видений — мрачных, светлых, возвышенных, увидеть горькие муки заблудших, пережить с ними безмерную печаль безнадежности, ту печаль *на всегда*, о которой говорит последняя строка надписи над воротами Ада:

Оставьте всякую надежду вы, входящие!

В Чистилище можно любоваться таинственными камышами у подножия горы, голубовато-серебристым утром, росой, которой Вергилий омывает лицо Данте, задымленное и обгорелое в Аду. В Чистилище — мистические орлы, загадочные сны, ангелы, снимающие с чела восходящих семь П огненным мечом. Искупление грехов, но уже в воздухе света и надежды. В Чистилище является природа: здесь море, скалы, удивительные луга, дивные деревья. Бледно-зеленоваты, туманно-золотисты краски его. Грудь дышит — в Аду мы задыхались. А еще выше, где безмолвно движутся небесные сферы и восседают блаженные и святые, уже царство эфира, прозрачности и величайшей гармонии. Рай весь прозрачен, как эфирные моря, пронизанные светом. Чинны, просветленны праведники. Их хор, при восхождении к Божеству, образует гигантскую Мистическую Розу.

Существует старинное уподобление: Ад — скульптура, Чистилище — живопись, Рай — музыка. В нем есть правдивость, хотя и относительная. Музыка есть и в Аду, она пронизывает всю поэму, и Рай не лишен зрительного, правда, в образах облегченных, как бы влажностеклянеющих. Мне всегда казалось, что главная художественная сила Комедии, главное ее очарование — само Слово. Говорят, что образы Ада иссечены ярко, до галлюцинации. Потому-де, он и лучшая часть поэмы. Это верно лишь отчасти. На мой взгляд, во-первых, Чистилище не уступает, а превосходит Ад обаяни-

ем своим, святостью и нежной легкостью очертаний. Как будто бы другая сторона души выступает здесь, может быть та, что связана с "Vita nuova", с ранними, туманно-мечтательными стихами, с незабываемым тонким профилем юноши-Данте. Здесь написано все рукою зрелой, но идет из прежнего, незамутненного источника. — И, во вторых, по поводу Ада: при всей изобразительности деталей, в нем также слово, его своеобычность, сама манера произнесения этих удивительных стихов, перевешивает все. Не будем забывать, что в Аду сплошь и рядом не изображаются, а просто называются вещи, люди, идеи. Вспоминая Ад в целом, мы прежде всего вспоминаем не фигуры, людей или положения, написанные художником (как в великом романе, напр., драме, трагедии),⁸ а самый голос написавшего, замогильно-величественный тон произведения, и его внутренний колорит. Лишь позднее из этой адской симфонии, с местами трагизма, ужаса, с басами и хриплыми рогами, из гудения подземных потоков и воя смерча выступят Франческа да Римини, Фарината, граф Уголино. Слово и тон Комедии — единственны в мировой литературе. По силе и первозданности выражения можно их равнять лишь с Библией. Это не отнимает у Данте привкуса личного, того неповторимого, что есть одно из волшебств искусства. Данте говорит очень медленно, и как вески, тяжелы его слова в Аду! С суровой необходимостью идет терцина за терциной, напоминая и самих поэтов, проходивших грандиозный путь свой:

"Молча, в одиночестве, без спутников".

Железная сила в них, и печаль безмерная. Чтобы написать Ад, надо было в “озере своего сердца” собрать острую влагу скорби. Каждая строчка пропитана ею. Написавший — не из тех, кто охает. Он молчалив, замкнут, суров. Лишь когда силы изменят ему, падает он, “подобно мертвому телу”. И в этой цельности нигде (как и в Библии) не встретишь и следа залощенности, середины. Никогда не скажешь: “ни холоден, ни горяч, но тепел”. Все — предельно. Если попробовать рукой, на ощупь, то слова Данте благородно-шероховаты, как крупнозернистый мрамор, или позеленевшая, в патине, бронза. Часто он темен, даже и непонятен. Но для него — так и надо. Это его стиль. В нем есть, ведь, оракульское, пифическое. И не однажды скрывает он свою мысль “под покрывалом странных стихов” (Ад, IX, 63).

Средневековую близка была идея аллегорического толкования Св. Писания. Сюда относятся теологи, как Ансельм Кентерберийский, Фома Аквинский, к ним примыкает и сам Данте. В “*Sopviviu*” он обстоятельно излагает, как св. Писание должно пониматься в четырех смыслах: 1) буквальном, 2) аллегорическом, 3) моральном и 4) анагогическом. Первый передает прямо заключающееся в словах; второй кроется за покрывалом фабулы, или рассказа (“истина, скрытая под прекрасной ложью”). Напр., Овидий рассказывает, что Орфей песнями своими приводил в движение животных, камни и деревья — это значит, что человек, силою своего голоса, трогает самые закоснелые сердца. Моральный смысл должны исследо-

вать для своей пользы, и для пользы учеников Учителя Св. Писания. Напр., если в Евангелии сказано, что Христос удалился для Преображения на гору, и из двенадцати Апостолов взял с собой лишь троих, то моральный смысл этого — тот, что для самых тайных дел мы должны допускать лишь немногих свидетелей. Смысл анагогический имеет место в духовном толковании Писания. Если пророк говорит, что при выходе евреев из Египта стала Иудея свободной и святой, то в прямом, буквальном смысле здесь говорится о судьбе еврейского народа, в духовном же о душе грешника, ставшей святой и свободной, сбросив путы греха.

Приведенные выше (Ад, IX, 63) слова суть только частный случай общего взгляда Данте на писание (не только священное). Естественно, что человек, столь точно излагающий теорию символизма, в собственном произведении тоже символист. Письмо к Кану Гранде делла Скала, властителю Вероны и покровителю поэта, говорит о цели и намерениях “Божественной Комедии”. Правда, подлинность письма заподозрена. Все-же пройти мимо него нельзя; и в дальнейшем я имею его в виду при изложении идейной стороны поэмы.

Ясно для каждого читающего, что “Божественная Комедия” написана не как случайное стихотворение, исшедшее безраздумно, подобно вздоху или улыбке. Постройка строилась не из одной радости строительства: автор и поэт, и пророк, и возвышенный учитель жизни. Очень глубокий жизненный опыт чувствуешь у заблудившегося “на половине пути жизни нашей” в темном лесу, почти

отчаявшегося взойти на “прелестный холм”, и под водительством Вергилия избирающего иной путь к Истине — чрез Ад, Чистилище и Рай. Конечно, в его личной истории есть поучение. Конечно, с другой стороны, что личная его история может быть отнесена не к нему одному.

Если оставить буквальный смысл Комедии (описание странствия), как ясный непосредственно, то аллегорически можно его определить как историю человеческой души вообще, Человека, блуждавшего по греховной и темной жизни, но с помощью сперва Разума (Вергилия), а затем Божественной Мудрости (Беатриче), вышедшего на путь истины, и очищающегося зрелищем загробных кар и блаженства. Надо при этом заметить, что здесь роль Разума — благодетельна, а не отрицательна, как у той Философии (*Donna pietosa*) в “*Convivio*”, от которой Данте, по изложенному выше взгляду Витте, перешел к Беатриче и Религии. Относительно цели произведения (морального смысла) — он состоит в указании для человека пути спасения. Это спасение заключается в выходе из леса, в преодолении пороков земной жизни и приобщении к чистоте святых душ. Это — христианский идеал средневековья.

Итак, Данте Алигиери Флорентинец, лично видавший Ад, Чистилище и Рай, отошел, и за его фантастическим странствием (“прекрасная ложь”) мы усмотрели вековые задачи Души, Человеческого. Быть может, возможно подняться еще на одну ступень. Возможно, что в некоем высшем понимании дан здесь символ жизни всего челове-

ства, его блужданий в потемках идолопоклонства, суеверий, грехов, долгого и трудного пути до христианства, причем Божественная помощь проявлялась сначала в меньших откровениях (Будды, греческой философии), а затем в величайшем — облике самого Христа, подобно Божественной Мудрости (Беатриче) поэмы выведшего путника к спасению.

Таков, в самых беглых чертах, артистический и философский характер произведения. Подчеркиваю: его гармония состоит в вольном, естественном сожительстве непосредственно-художественного с религиозно-философским, политическим, церковным. Все имеет в поэме свою жизнь, не ломающая и не стесняющая другого. Потому-то разные люди с одинаковым почтением приближались и будут приближаться к ней: поэты, теологи, моралисты, историки средневековья, историки итальянского Ренессанса. Для всех находится здесь интересное и важное.

Добавлю, что комедия (лишь позже получившая титул Божественной) написана по-итальянски, а не на латинском языке — в этом Данте был новатором. Будь он средневековым педантом, подражателем древних, он написал-бы гладко и чисто, без красок и воздуха, более или менее “совершенной” латынью — что и делалось в Италии, и в его время, и позже. Данте же пустил в ход весь арсенал языка, и ученого, и разговорного, и простонародного. Рядом с дьяволами, святыми, с загробными чудищами — длинный ряд живых людей, местностей, пейзажей, гор, озер, обвалов его

Италии. Есть местные диалекты. Есть слова, услышанные в таверне, на улице, меж земледельцами. Италию он знал. Она всегда именуется “прекрасной страной”, “чуждой страной”, и суровому путнику введома ближайше, в мелочах. Есть в этой стране город, о котором не может он говорить покойно: это Флоренция, дорогое и родное место, лучший город среди городов — и мучительнейший для него. Любовь-ненависть, ненависть-любовь — вот его отношение к Флоренции. Но и правда, если трудно быть изгнанником вообще, то изгнанником Флоренции быть трудно вдвое, вдесятеро — ибо велика тоска человека по Флоренции. И если сейчас улицы города украшены каменными досками с золотыми словами Данте, то не надо забывать, что после первого изгнания (1302 г.) Данте не был помилован в 1311 г., когда многие из изгнанников возвратились. Напротив, в 1315 г. последовало новое подтверждение приговора: всякому предоставлялось поступить с личностью и имуществом поэта по его желанию (он вне закона).

В случае поимки на флорентийской земле — казнь на площади Синьории.

Площадь эта, за давнее свое существование, видала много видов. Вспомним круглую бронзовую плиту с изображением Савонароллы (в мостовой, около памятника герцогу Козимо) — ею отмечено место гибели Савонароллы.

Кровь Данте потому не пролилась на эти плиты, что все те девятнадцать лет, какие оставалось ему жить с 1302 г., и в которые он обессмертил

свое имя, — находился он вне Флоренции. Я указывал уже на его пребывание в Вероне, Падуе. Длинный ряд местностей, замков, монастырей, городов приписывают себе честь принимать его у себя — Пистойя, Сиена, Губбио, Фонте Авеллана, С. Бенедетто, Поппи, Калабрия, Пола, Сицилия и мн. др. Сведения наши об этом неясны. Один из источников — сама Комедия, где иногда встречаются подробности, говорящие о том, что поэт лично видел то, или иное. Нет сомнения, что родную страну, за годы изгнания, выходил он пешком, всю высмотрел и запомнил. Это связано было с родом его скитальческой жизни. Насколько можно себе представить, Данте во вторую половину жизни своей был чем-то вроде учителя и придворного поэта, придворного ученого, вряд-ли подолгу уживавшегося при мелких властителях Италии. Это их хлеб был ему горек и их лестницы трудны. Легенда верно, думаю, сохранила его образ; и когда читаешь о горделивых ответах зазнавшемуся, хмельному тирану, то им веришь, или им подобным. Кажется, в возрасте зрелом Данте и вообще был трудным человеком. Вероятно, изгнание закалило его гордость, от природы великую. Он, конечно, знал, кто он. В четвертой песне Ада Гомер, Лукан, Овидий и другие принимают его в свою среду как равного. И этот равный — в жизни вынужден был питаться подачками, быть забавником, на положении немногим выше шутов и скоморохов. Современники говорят, что он был молчалив, угрюм, надменен. Очень известен рассказ, легендарный, но удачный — о том, как ма-

тери пугали детей именем Данте, “спускавшегося в Ад”. По Боккачио “лицо его было длинно, нос орлиный, глаза скорее велики, чем малы, челюсти большие и нижняя губа выдавалась вперед; цвет лица темный, волосы и борода густые, черные и курчавые, всегда он был задумчив и печален”. К старости он несколько сгорбился. Ходил медленно, с достоинством, одет был бедно, но во всем облике его была внушительность. Годы и испытания его согнули. Но сломить такого человека было трудно; и не смотря ни на что, в это именно время доканчивал он свое творение. Есть известие, что некоторые песни Комедии написаны в монастыре Фонте-Авеллана, на суровой и дикой горе Катриа, недалеко от Урбино. В обители сохранилась и келия, где, как-будто бы, он жил — вблизи неба, звезд, вечности, питательницы его души.

В 1316 г. он поселился, наконец, в Равенне, у Гвидо да Полента, молодого, образованного “синьора Равенны”. Здесь, кажется, было ему покойнее. Здесь окончил он дело всей своей жизни — “Божественную Комедию”. Он умер в сентябре 1321 г., едва-ли не написав последней строчки поэмы. Его похоронили с почетом, но и за могилой для праха его не нашлось успокоения: был момент, когда папский легат собирался сжечь его (за грозную для пал XIX-ую песнь Ада), Флоренция пыталась, но безуспешно, вернуть его себе; в XVII веке монахи соседнего с его гробницею монастыря вырыли саркофаг и перенесли к себе, что обнаружилось лишь в 1865 г. Гроб Данте оказался при вскрытии пустым, в монастыре же нашли ка-

менный ящик с надписью: *Ossa di Dante* — там были его кости. Измерения черепа дали неясные результаты. Все-же останки были уложены в гроб и водворены в часовне, на старом своем месте. Кто бывал в Равенне, помнит эту скромную часовню, с барельефом Данте, ренессансной работы. Она ограждена решеткой. Неугасимая лампада краснеет, и простирается великое безмолвие Равенны, города-усыпальницы, о котором не напрасно сказал почивший

Ravenna sta, com' e stata molti anni.

Жизнь Данте была полна волнений, горечи, неудач. “Божественную Комедию” в его дни почти не знали. Тем грандиознее посмертная слава этого задумчивого и уединенного скитальца, вознесшая его на вершины человечества, и осиявшая сказочным величием. Ныне изображается он всегда в лавровом венце. Иногда орел сопутствует ему, — вещий символ. Как полубог, отошел он в страну легенды.

Бор. Зайцев.

А Д

- Засияли уже в лучах планеты,
Путеводительницы по верным стезям.
19. Тогда несколько умерился страх,
Таившийся в озере моего сердца
Всю ночь, проведенную столь бедственно.
22. И как тот, кто, переводя дыхание,
Выходит на берег из моря,
И обернувшись к гибельным волнам, визи-
рует,
25. Так и дух мой, все еще бежавший,
Обратился вспять, дабы взглянуть на про-
ход,
Не пропустивший никого из смертных.
28. А затем, дав отдохнуть усталому телу,
Я вновь двинулся по пустынному берегу,
Так, что стоявшая нога всегда была ниже
подымаемой.
31. И вот, почти у самого начала подъема,
Передо мной легкая пантера, и очень бы-
страя,
Которая была одета пятнистым мехом.
34. И она не отступила, увидав меня,
А напротив, так преграждала мне дорогу,
Что не однажды я пытался возвратиться.
37. Наступал час раннего утра.
И Солнце восходило среди тех-же звезд,
Что были с ним, когда божественная любовь
40. Впервые двинула эти прекрасные создания:

- Так что на победу над тем зверем
С пятнистой шкурой давали мне надежду
43. И ранний час, и нежное время года: —
Но не настолько, чтобы меня не ужаснул
Лев, внезапно появившийся передо мною:
46. Он, как казалось, надвигался на меня
С поднятой головою, злобствуя от голода,
Как-бы приводя в трепет самый воздух;
49. Затем появилась и волчица, отягченная
Всеми желаниями, несмотря на свою худобу,
И многих заставлявшая жить бедственно:
52. Она ввела меня в такую смуту,
Ужасом, изливавшимся в ее взоре,
Что я потерял надежду взойти на холм.
55. И как человек, охотно накапливающий,
Когда приходит время лишиться всего
Плачет и печалится в своих мыслях,
58. Так действовал на меня беспокойный зверь,
Который, надвигаясь спереди, понемногу
Оттеснял меня туда, где умолкает Солнце.
61. В то время, как я низвергался в тьму,
Глазам моим предстал тот,
Кто от долгого молчания, казалось, потерял
голос.
64. Увидев его в этой великой пустыне —
«О, сжапись надо мною», вскричал я,
«Кто-бы ты ни был, человек или тень».
67. Он мне ответил: «Я не человек, но был им,

- И родители мои были Ломбардцы,
Происхождением же оба из Мантуи.
70. Я родился при Юлии, хотя и поздно,
И жил в Риме при добром Августе,
Во время ложных и обманчивых богов.
73. Я был поэт и воспевал того праведного
Сына Анхиза, который явился из Трои,
Когда был сожжен гордый Илион.
76. Но зачем возвращаешься ты к этим печалам?
Почему не всходишь на прелестный холм,
Начало и причину всякой радости?»
79. «Уж не Вергилий-ли ты, источник,
Изливающий из себя широкую реку речи?»
Ответил я, смущенно склонив голову.
82. «О честь и светоч других поэтов,
Снизойди ко мне за долгий труд и за великую любовь,
Влекшие меня к твоим твореньям.
85. Ты мой учитель и мой поэт,
Лишь от тебя заимствовал я свой изящный стиль,
Уже доставивший мне славу.
88. Взгляни на зверя, пред которым отступаю,
Приди на помощь мне, о великий мудрец,
Ибо от страха у меня трепещет кровь и сердце».
91. «Тебе следует избрать иной путь»,
Ответил он, увидев мои слезы,

«Если хочешь спастись из этого дикого
места:

94. Ибо этот зверь, вызывающий твои вопли,
Не дает никому пройти по своей дороге,
Но так препятствует, что наконец убивает.
97. Он по природе столь зол и порочен,
Что никогда не насыщает своего желанья,
И приняв пищу, делается еще голоднее.
100. Со многими животными он соединяется.
И впредь их будет еще больше, пока не
явится
Великий Пес, который загрызет его.
103. Его пищей будет не земля и не золото,
Но мудрость, любовь и добродетель,
И его страной область между Фельтро и
Фельтро.
106. Он спасет ту порабощенную Италию,
За которую пролили кровь дева
Камилла, Низ, Турн и Эвриал.
109. Он погонит зверя через все города,
Пока не свергнет его в самый Ад,
Откуда некогда извлекла его зависть.
112. Итак, я думаю и уверен, для тебя лучше,
Если последуешь за мной как за вожатым,
И я проведу тебя отсюда через вечную
обитель,
115. Где ты услышишь вопли отчаянья,
Увидишь страждущие души древних,
Криками зывающие о вторичной смерти;

118. И ты увидишь тех, которые довольны,
Хотя они и в огне, ибо надеются достичь
Когда-бы то ни было царства блаженных.
121. Если захочешь проникнуть и в него,
Пред тобой явится душа, более достойная,
чем я:
Ей я тебя оставлю, сам-же удалюсь.
124. Ибо Властитель, царствующий там вверху —
Так как я противился его закону, —
Не желает, чтобы я вводил в его град.
127. Всюду он властвует, но там царит,
Там его град и вышний престол.
О, счастлив тот, кого он воззовет туда!»
130. И я ему: «Поэт, прошу тебя именем
Того Господа, которого ты не познал,
Чтоб я избег этого зла и еще худшего,
133. Веди меня туда и к тем, о ком сказал,
Дабы я увидал врата Апостола Петра
И тех, кого ты описал столь горестно».
136. Он тронулся, и я последовал за ним.
-

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

Опасения Данте; утешения Вергилия; три небесных Жены; начало странствия.

1. День уходил, и потемневший воздух
Уводил тех, кто обитает на земле
От их забот; один лишь я
4. Приготовлялся выдержать борьбу
С тягостью пути и чувством жалости,
О чем расскажет моя память, что не ложна.
7. О вдохновение, о музы, помогите мне теперь!
О память, запиши то, что я видел,
И да проявится в том все твое величье.
10. Я начал так: «Поэт, сопровождающий меня,
Взгляни на мою доблесть и достаточно-ль
она,
Прежде чем возвышенному прохождению ты
меня доверишь.
13. Ты говоришь, что отец Сильвия
Еще живым сходил в область бессмертия
И имел образ человеческий.
16. Но если Ненавистник всякой скверны

Был к нему благостен, зная о высшем
следствии,
Которое произойдет от него, и кто оно и
каково:

19. То это не покажется бессмысленным раз-
умному:

Ибо в горнем небе был Эней избран
Отцом великого Рима и его царства;

22. А Рим и его царство, говоря по правде,
Были созданы для того святого места,
Где воссел преемник первого Петра.

25. Благодаря этому странствию, прославлен-
ному тобой,
Эней уразумел все, ставшее причиной
Победы и его и папской мантии.

28. Затем направился и избранный Сосуд туда,
Дабы нести с собою укрепление в той вере,
Что есть начало на пути спасения.

31. Зачем-же отправляюсь я? И кто дозволит
это мне?

Я не Эней, не Павел; и ни я,
И не другие не считают меня этого
достойным.

34. А потому, решившись пуститься в путь,
Боюсь, чтобы не оказалось все это безумием:
Ты мудр, так объясни-же мне, чего не
понимаю.

37. Как тот, кто не желает уж, чего желал,

- И в новых мыслях изменяет пожелания,
Не оставляя ничего из прежнего;
40. Так-же решил и я на этом мрачном склоне:
Ибо подумавши, я отступил от замысла,
Который был вначале столь во мне не-
колебим».
43. «Если я хорошо понял твои слова»,
Ответила та великодушная тень,
«Душа твоя поражена страхом,
46. Который часто наполняет человека,
И отвращает его от славных дел,
Как пугается животное увиденной тени.
49. Чтобы избавить тебя от этой боязни,
Скажу, зачем я пришел, и что узнал
Тотчас-же, как над тобой сжалился.
52. Я находился среди тех, которые нерешены,
И меня позвала дивная, блаженная Жена,
Которую я просил повелевать мною.
55. Взоры ее сияли ярче звезд;
И так заговорила она, тихо и приятно,
Ангельским голосом, на своем наречии:
58. «О любезная душа из Мантуи,
Чья слава в мире длится еще,
И будет длиться, пока мир стоит:
61. Мой друг, но не друг удачи,
Так стеснен на пустынном берегу,
Что от страху поворотил назад.
64. И боюсь, не заблудился-ли уже настолько,
Что моя помощь придет к нему

Слишком поздно, как я слышала о том на Небе.

67. Иди-же, и своим крылатым словом,
И всем, что может послужить его спасению,
Помоги ему так, чтобы меня утешить.
70. Я, посылающая тебя, — Беатриче:
Я пришла оттуда, куда желаю возвратиться:
Любовь подвигнула меня и заставляет го-
ворить.
73. Когда я буду перед Господом моим,
Часто стану восхвалять Ему тебя».
Тогда она умолкла, а я начал:
76. «О Жена доблестная, лишь благодаря ко-
торой
Род людской превосходит все, что заклю-
чается
Под небом самых малых кругов!
79. Столь для меня приятно приказание твое,
Что если-б я уж исполнял его, было-бы
поздно.
Тебе не нужно больше изъяснять мне своего
желанья:
82. Но скажи, почему ты не побоялась
Сойти сюда вниз, в этот центр
Из места мощного, куда стремишься воз-
вратиться?»
85. «Если ты желаешь знать так много,
Я скажу коротко», ответила она, —

«Почему не страшусь спуститься в эту
глубь.

88. Бояться следует лишь таких вещей,
Которые способны приносить вред для
других,
А не иного, ибо остальное не опасно.
91. Я создана милостию Божией так,
Что ваши бедствия не задевают меня,
Как недоступна я и пламени этого пожара.
94. На Небесах есть прекрасная Жена, сострада-
дающая
Тому затруднению, ради которого я тебя
посылаю,
И она смягчает суровый приговор.
97. Она обратилась к Лючии с просьбой,
И сказала: «верный твой человек нуждается
В тебе, и я поручаю его твоим заботам».
100. Лючия, враг всяческой жестокости,
Поднялась и направилась в то место,
Где я восседала с древнею Рахилью.
103. Она сказала: «Беатриче, истинная хвала
Божия,
Почему-же не поможешь ты тому, кто так
любил тебя,
Что выступил чрез это из обыденной толпы?
106. Разве ты не слышишь горестного его стона?
Не видишь, как он борется со смертью,
На реке, перед которой нечем похвалиться
морю?

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

Врата Ада; вход; Целестин V; Ахерон; Харон;
переезд; землетрясение.

1. Через меня путь в город скорби,
Через меня путь к вечной муке,
Через меня путь к осужденным
душам.
4. Правосудие двинуло моего высо-
кого Творца;
Меня создало Могущество Божие,
Высшая Мудрость и Первая Лю-
бовь.
7. До меня ничего не было в мире,
Кроме вечного, и я пребываю вечно:
Оставьте всякую надежду вы,
входящие!
10. Эти слова, написанные темным, я увидел
Над самыми вратами; и я сказал:
«Учитель, смысл их внушает ужас».
13. И он обратился ко мне как тот, кто понял.

- «Здесь надлежит оставить всякую боязнь;
И да умрет здесь всякая трусость.
16. Мы пришли к месту где, я говорил,
Ты увидишь существа страждущие,
Которые потеряли благо разума».
19. И положивши свою руку на мою,
Со светлым видом, ободрившим меня,
Он устремил меня в область тайн.
22. Здесь вздохи, жалобы, громкие стенанья
Раздавались в воздухе без звезд,
Так что вначале вызвали у меня слезы.
25. Разнообразные языки, ужасающие речи,
Слова страдания, возгласы ярости,
Высокие и хриплые голоса, и всплески рук,
28. Образовали хаос, вечно кружащийся
В тусклом воздухе, лишенном времени,
Как песок, крутящийся в налетевшем вихре.
31. И я, чья голова была повита ужасом,
Сказал: «Учитель, что это я слышу?
И что это за люди, видимо столь побежден-
ные страданием?»
34. И он мне: «Это жалкое занятие
Печальных душ тех, которые
Прожили без позора, но и без заслуги.
37. Они соединены с тем хором дурных
Ангелов, которые не восставали,
Но не были верны и Богу, а стояли за себя.
40. Их изгнало Небо, дабы не быть менее пре-
красным,

- Не получил их и глубокий Ад,
Ибо виновные похвалялись бы пред ними».
43. И я: «Учитель, в чем же состоит та тягость,
Что заставляет их стенать столь громко?»
Он мне ответил: «я скажу об этом очень
кратко.
46. Нет у них никаких надежд на смерть,
И их слепая жизнь столь изменна,
Что они завидуют всякой иной участи.
49. В мире не осталось о них памяти;
Милосердие и Справедливость презирают
их;
Не будем говорить о них: взгляни и про-
ходи».
52. И я, взглянувши, увидал некое знамя,
Двигавшееся по кругу с такой скоростью,
Что, казалось, всякая остановка была бы
его недостойна.
55. И за ним устремлялась столь длинная ве-
реница
Людей, что никогда бы я не поверил,
Что подобное множество поразила смерть.
58. Распознавши среди них некоторых,
Я взглянул и увидел тень того,
Кто по трусости совершил великий отказ.
61. Тотчас я понял, и оказался прав,
Что это было скопище дурных душ,
Ненавистных и Богу и его врагам.

64. Эти несчастные, никогда не бывшие жи-
выми,
Были раздеты и жестоко жалили их
Осы и большие мухи, здесь летавшие.
67. Кровь от укусов струилась по их лицам,
И стекая со слезами к их ногам
Становилась пищей отвратительных червей.
70. Затем, оглядев все вокруг себя,
Я увидел людей на берегу большой реки:
И я сказал: «Учитель, благоволи мне
73. Объяснить, кто-же они, что заставляет их
Стремиться с такою быстротою к переправе,
Как я различаю это в смутной мгле».
76. И он мне: «Все это разъяснится для тебя,
Когда мы замедлим наши шаги
На берегах скорбного Ахерона».
79. Тогда со смущением, с опущенными гла-
зами,
Опасаясь, не сказал ли неприятного ему,
Я до самой реки не проронил ни слова.
82. И вот приблизился к нам в ладье
Побелевший от годов старец,
С криком: «Горе вам, о злые души:
85. Не надейтесь когда-либо увидеть небо:
Вот я перевезу вас на другой берег,
В вечную тьму и в жар и в холод:
88. И ты, здесь находящийся, душа не мертвая,
Уйди от них, ибо они умерли».
Но увидав, что я не удаляюсь, он

91. Сказал: «Другим путем, через другие двери
Переправишься ты на тот берег, не здесь:
Более легкая ладья должна везти тебя».
94. И Вождь ему: «Харон, перестань гневаться;
Так пожелали там, где могут все,
Что захотят; и более не спрашивай».
97. Тогда успокоились шерстистые щеки
Кормчего по тусклому болоту,
Глаза которого окаймлены огнем.
100. Души-же, истомленные и нагие,
Изменились в лице и заскрежетали зубами,
Лишь только услышали эти суровые слова.
103. Они проклинали Господа и своих родителей,
Род человеческий, место и время, семя
Их племени и их рождения.
106. Затем все вместе удалились они,
Обливаясь слезами, к горестному берегу,
Ожидающему всякого, кто не боится Бога.
109. Демон Харон, с пылающими глазами,
Делая им знаки, собирал их всех,
И бил веслом тех, кто замедлился.
112. Как осенью срываются листья,
Один за другим, доколе ветвь
Не сбросит на землю все свое убранство:
115. Подобно этому и злое семя Адама
Кидалось с этого берега, друг за другом,
По знаку, как птицы на приманку.
118. Так уплывают они по сумрачным волнам,

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Первый круг: лимб. Дети и взрослые, умершие без крещения. Патриархи, поэты, знаменитые люди, герои и философы древности.

1. Глубокий сон моего духа нарушился
Тяжелым гулом, так что я очнулся
Как человек, разбуженный насильно.
4. И отдохнувшим взором я взглянул окрест,
Поднявшись, и пристально рассматривал,
Чтобы узнать место, где я находился.
7. Действительно, я стоял теперь на краю
Скорбной долины бездны,
Собиравшей гул бесчисленных воплей.
10. Темна, глубока была она и туманна
Столь, что устремив взор в ее глубину,
Я ничего не различал ясно.
13. «Спустимся-же теперь туда, в слепой
мир», —
Начал Поэт, весь побледневший:
«Я буду впереди, а ты следуй за мною».

16. И я, заметив цвет его лица,
Сказал: «Как я пойду, когда ты оробел,
Всегда поддерживающий меня в сомне-
ниях»?
19. И он мне: «Скорбь всех существ
Там находящихся, окрашивает мне лицо
В цвет сострадания, которое считаешь ты
страхом.
22. Идем-же, ибо долгий путь нас подгоняет».
Так он двинулся, и так ввел меня
В первый круг, опоясывающий бездну.
25. Здесь, как я заметил вслушиваясь,
Не раздавалось стонов, но слышались
вздохи,
Заставлявшие трепетать вечный воздух;
28. И это исходило от горести без мучений,
Которую были объаты толпы, обильные и
великие,
И детей, и женщин и мужей.
31. Добрый Учитель обратился ко мне: «Ты не
спрашиваешь,
Что это за духи, которых видишь тут?
Но я хочу, чтобы ты знал, прежде чем идти
далее,
34. Что они не грешили: и если даже у них есть
заслуги,
Этого недостаточно, ибо они не были кре-
щены,
А крещение есть врата твоей веры;

37. И если они жили ранее Христианства,
То не поклонялись Богу должным образом:
К их-же числу принадлежу и я.
40. Эти недостатки, а не иные поступки
Погубили нас, и лишь тем мы угнетаемы,
Что без надежды живем в желании».
43. Великая печаль овладела мной, когда я
услышал это,
Ибо много замечательных людей
Узнал я среди нерешенных в этом лимбе.
46. «Скажи мне, мой Учитель, скажи мне, Гос-
подин», —
Начал я, чтобы сильней укрепиться в той
Вере, которая побеждает все заблуждения:
49. «Вышел ли кто отсюда, по своей ли заслуге,
Или через другого, и достиг-ли бла-
женства»?
- И он, уразумев мои неясные слова,
52. Ответил: «Новым был еще я в этом месте,
Когда увидел как пришел некто могучий,
Увенчанный знаками победы.
55. Он извлек отсюда тень праотца Адама,
Сына его Авеля, и тень Ноя,
А также Моисея законодателя; и богобо-
язненного
58. Патриарха Авраама, и царя Давида,
Иакова с его отцом и сыновьями,
И с Рахилью, для которой он столько сделал,

61. И еще многих; и блаженство дал он им:
И я хочу, чтобы ты знал, что раньше их
Никакие человеческие души не спасались».
64. Мы не прерывали пути, пока он говорил,
Но проходили все то время через лес,
Лес, скажу я, столпившихся душ.
67. Мы не на много еще отдалились
От края пропасти, когда я увидел пламя,
Которое побеждало полушарие тьмы.
70. Хотя мы находились еще и неблизко,
Но я мог уже отчасти разглядеть,
Что для почтенных людей отведено это
место.
73. «О ты, краса всякой науки и искусства,
Скажи, кто эти, окруженные таким почетом,
Который отделяет их от всех других?»
76. И он мне: «Слава их имен,
Гремящая наверху в твоей жизни,
Снискала им милость Неба, так отличаю-
щего их».
79. Меж тем донесся до меня голос:
«Приветствуйте высокого Поэта:
Возвращается тень его, которая отсутство-
вала».
82. Когда голос прекратился и умолк,
Я увидел четыре приближавшиеся великие
тени:
Они не казались ни грустными, ни весе-
лыми.

85. Добрый Учитель обратился ко мне со сло-
вами:
«Взгляни на этого, с мечом в руке,
Что идет впереди троих, подобно повели-
телю.
88. Это Гомер, величайший из поэтов,
За ним следует сатирик Гораций,
Третий Овидий, а последний Лукан.
91. Так как все их имена достойны моего
И провозглашены единодушным приго-
вором,
То они выказывают мне почет, и хорошо
делают».
94. Так увидел я единение блестящей школы
Этого владыки высочайшего песнопения,
Парящего над другими подобно орлу.
97. Поговорив между собою немного,
Они обратились ко мне со знаком привет-
ствия:
И мой Учитель видя это улыбнулся.
100. И еще более почета оказали они мне,
Приобщив меня к своему ряду, так что я
Явился шестым среди подобной мудрости.
103. Так шли мы в направлении к свету,
Говоря о том, о чем теперь столь-же следу-
ет молчать,
Как там, где были мы, надлежало говорить.
106. Мы подошли к подножию величественного
замка,

Семь раз окруженного высокими стенами,
Под защитой окаймляющей прелестной
речки.

109. Мы переправились через нее как по сухо-
му месту:

Через семь врат прошел я с этими мудре-
цами:

Мы оказались на лугу со свежей зеленью.

112. Там были люди с медленным и важным
взором,

Весьма внушительные по своему виду;
Они беседовали небыстро, приятными го-
лосами.

115. Мы-же отодвинулись от одного из углов
В открытое место, возвышенное и светлое,
Откуда можно было видеть всех.

118. Там, прямо передо мной, на зеленой мураве
Мне были показаны великие души,
Даже воспоминания о коих воодушевляет
меня.

121. Я увидел Электру со многими спо-
движниками,

Среди которых узнал Гектора и Энея,
И вооруженного Цезаря с хищным взглядом.

124. Видел Камиллу и Пентезилею
С другой стороны; и видел царя Латина,
Сидевшего со своей дочерью Лавинией.

127. Видел того Брута, что изгнал Тарквиния,

- Лукрецию, Юлию, Марцию и Корнелию,
И видел в стороне одинокого Саладина.
130. Обратив взор немного выше, я увидал
Учителя тех, кто предан знанию,
Сидящего среди семьи философов.
133. Все преклоняются пред ним, все его почи-
тают.
- Здесь я увидел и Сократа, и Платона,
Стоявших впереди других, ближе к нему.
136. Демокрита, считавшего мир случаем,
Диогена, Анаксагора и Фалеса,
Эмпедокла, Гераклита и Зенона:
139. И видел отличного собирателя качеств,
То есть, Диоскорида; и видел Орфея,
Туллия и Лина, и моралиста Сенеку:
142. Геометра Эвклида и Птоломея,
Гиппократа, Авиценну и Галлиена,
Аверроэса, создавшего великое толкование.
145. Я не могу изображать всех с полнотою,
Ибо так подгоняет меня обширная тема,
Что часто мне недостает слов для виденного.
148. Общество шестерых уменьшилось на двое:
Другим путем ведет меня мудрый Вождь
Прочь от покоя, в трепетный воздух,
151. И я вхожу туда, где уже нету света.
-

Говорят, выслушивают, и направляются
вниз.

16. «О ты, пришедший в скорбное убежище»,—
Вскричал Минос, увидев меня близко
И прерывая исполнение своего дела,
19. «Взгляни, куда тыходишь, и кому вве-
ряешься:
Пусть не обманывает тебя ширина входа». —
И мой Вождь ему: «Зачем-же ты кричишь?»
22. Не преграждай назначенного ему пути:
Так хотят там, где могут все,
Что пожелают; и более не спрашивай».
52. «Первая из тех, узнать о коих
Ты желаешь», сказал он мне тогда,
«Была властительницей многочисленных
народов.
55. Столь предавалась она пороку сладо-
страстия,
Что позволяла всякое желание в своих
законах,
Дабы снять осуждение, в коем жила сама.
58. Это Семирамида, о которой известно,
Что она наследовала Нину и была его
женой;
Она владела страной, принадлежащею те-
перь Султану.
61. Другая та, что от любви покончила с собой,
И не соблюла верности праху Сихея:
Далее сладострастная Клеопатра».

И устремились к нам по горестному воз-
духу:

Столь силен был мой страстный призыв.

88. «О существо изящное и благосклонное,
Идущее в багровом воздухе навестить
Нас, окрасивших мир кровью;
91. Если бы Царь вселенной был нам другом,
Мы просили бы его о мире для тебя,
Ибо ты сжалился над нашей неестествен-
ною мукой.
94. О чем ты пожелаешь слушать или говорить,
Мы будем слушать, или будем говорить,
Доколе ветер, как сейчас, смолкнул.
97. Город, где я родилась, расположен
У моря, куда По нисходит, дабы
Успокоиться с притоками своими.
100. Любовь, легко воспламеняющая нежное
сердце,
Овладела Паоло, который полюбил мою
красу,
Отнятую у меня способом, оскорбляющим и
позыне.
103. Любовь, никому любимому любви не про-
щающая,
Охватила и меня с такою силой,
Что, как видишь и теперь не покидает.
106. Любовь и довела нас до единой смерти.
Каина ожидает нашего убийцу».
Такие слова направили они к нам.

136. Поцеловал мои уста и весь затрепетал.
Галеоттом стала для нас книга и написав-
ший ее:
В тот день мы больше не читали».
139. Пока один из духов говорил это,
Другой так плакал, что от жалости
Я оказался как бы на границе смерти.
142. И я упал, как падает поверженный.
-

ПЕСНЬ ШЕСТАЯ

Третий круг: обжоры; Цербер; Чианко; Плутус.

1. Когда очнулся дух мой, оцепеневший
Перед горькой участью двух родственников,
Смутившей всего меня печалью:
4. Новые муки и новые мученики
Предстали предо мной, куда-бы я ни дви-
нулся,
Куда-бы ни повернулся, куда-бы ни
взглянул.
7. Я в третьем кругу дождя,
Вечного, проклятого, холодного и тяжкого:
Он неизменен и всегда одного качества.
10. Крупный град, снег и мутная вода
Проливаются сквозь темный воздух:
Смердит земля, принимающая их.
13. Цербер, зверь жестокий и чудовищный,
Лает по собачьи тремя пастями
На существа, затопленные здесь.
16. У него багровые глаза, борода сальная и
темная,

Огромное брюхо и когтистые лапы.
Он царапает души, обдирает, рвет.

19. Дождь заставляет их выть как псов:
Из одного бока делают они прикрытие
другому:
Поминутно вертятся жалкие нечестивцы.
22. Когда увидел нас Цербер, великий червь,
Он разинул свои пасти, показал нам клыки:
Весь он при этом находился в движении.
25. И мой Вождь, раздвинув свои пальцы,
Схватил земли, и всей пригоршней
Бросил ее в алчущий зев.
28. Как пес, лаем требующий пищи,
Утихает, когда схватит свой кусок,
Ибо занят насыщением в одиночестве;
31. Так произошло и с этими грязными
мордами
Демона Цербера, столь оглушающего
Души, что они предпочли бы глухоту.
34. Мы проходили по теням, простертым
Под тяжким дождем, и наступали подошвой
На их пустые обличья, кажущиеся телами.
37. Они лежали все на земле,
Кроме одной, быстро поднявшейся и севшей,
Как только заметила, что мы прибли-
жаемся.
40. «О ты, которого ведут чрез этот Ад», —

Сказала она мне: «Узнай меня, если ты
можешь.

Тебя сделали раньше, чем меня разделили».

43. И я ему: «Тоска, владеющая тобой,
Может быть, извлекает тебя из моей памяти,
Так, что будто я не видал тебя никогда.
46. Но скажи мне, кто ты, и почему попал
В это горестное место, на эту муку,
Если не величайшую, то все-же столь про-
тивную?»
49. И он ответил мне: «Твой город столь на-
литой
Завистью, что она переливается чрез край,
Считал меня своим в светлой жизни.
52. Вы, граждане, называли меня Чиакко:
За вредный грех чревоугодия,
Как видишь, я изнемогаю под дождем;
55. И я не одна здесь печальная душа:
Ибо все вокруг терпят ту-же кару,
За такую-же вину», и более он не издал
звука.
58. Я отвечал ему: «Чиакко, твое несчастье
Так меня тяготит, что чуть не вызывает
слезы.
Но скажи, если знаешь, к чему-ж придут
61. Граждане города, разделившегося в себе?
Есть ли в нем кто-либо праведный? И ска-
жи мне,
Почему охватили его такие раздоры?»

64. И он мне: «После долгих споров
Дойдут до крови, и дикая партия
Выгонит другую с большим уроном.
67. А затем надлежит пасть и ей,
Меж тремя Солнцами, и одолеет первая,
С помощью того, кто сейчас коварно пре-
льщает.
70. Долго будет она высоко нести голову,
Держа противников в тяжком гнете,
Несмотря на их стенания и обиду.
73. Праведны там двое, но их не слушают:
Гордость, зависть и скупость суть
Три искры, зажегшие там сердца».
76. Тут кончил он свою жалобную речь.
И я ему: «Еще хочу, чтобы ты научил меня,
И подарил бы дальнейшею беседой.
79. Фарината и Тегьяйо, что были столь до-
стойны,
Якопо Рустикуччи, Арриго и Моска,
И другие, отдавшие свой дух делу добра, —
82. Скажи мне, где они, и помоги найти их.
Ибо великое желание влечет меня узнать,
Ублажает-ли их небо, или гноит ад».
85. И он: «Они находятся среди более черных
душ:
Разные грехи тяготят их во глубине ада:
Если ты спустишься туда, то сможешь их
увидеть.
88. Но когда будешь снова в милом мире,

Прошу тебя, оживи память обо мне:

Я больше ничего не говорю и ничего не
отвечаю».

91. И он скосил глаза, бывшие дотоле пря-
мыми.
Кратко на меня взглянул и склонил голову:
Затем упал, уподобляясь остальным слеп-
цам.
94. И Вождь сказал мне: «Он не подыметя
Отсюда, пока не прозвучит труба архангела.
Когда же придет могучий враг греха,
97. Каждый из них найдет свою печальную
могилу.
Вновь облекутся они плотью, примут преж-
ний облик
И услышат то, что прогремит в вечности».
100. Так проходили мы по мерзостной смеси
Теней и дождя медленными шагами,
Слегка касаясь в разговоре будущей жизни.
103. И я сказал: «Учитель, возрастут ли эти
Мучения после страшного Суда,
Или убавятся, или будут столь-же жгучи?»
106. И он мне: «Обратись к своей науке,
Гласящей, что чем существо совершеннее,
Тем сильнее чувствует оно и благо и
страданье.
109. Хотя это проклятое племя

Никогда не достигнет истинного совершенства,
Оно надеется улучшиться после суда».

112. Мы проходили по этой кругообразной
дороге,
Говоря о многом, чего я не привожу.
Наконец, пришли к месту, где она спускается.
-

ПЕСНЬ СЕДЬМАЯ

**Четвертый круг: скупые и расточители; Плутус;
Фортуна. Пятый круг: гневные и ленивые.**

1. «Paré Satan, paré Satan alepre», —
Вскричал Плутус своим хриплым голосом.
И благородный Мудрец, который всё знал,
4. Сказал, ободряя меня: «Пусть не вредит
тебе
Боязнь; ибо сколь он ни могуществен,
Он не помешает тебе сойти с этих скал».
7. Затем он обернулся к той надутой морде,
И сказал: «Молчи, проклятый волк:
Изводи себя собственным бешенством.
10. Не без причины спускается он вглубь,
Того желают в вышних, где Михаил
Отмстил надменному стаду».
13. Как вздутые ветром паруса
Падают спутанные, когда сломалась мачта:
Так упал на землю свирепый зверь.
16. Мы же сошли в четвертую канаву,

- Углубляясь далее по скорбному берегу,
Содержащему в себе зло всего мира.
19. О правосудие Божие! Кто скопляет столько
Новых мучений, новых кар, сколько я
видел?
- И почему грех так нас терзает?
22. Как бывает с волнами в Харибде,
Что разбиваются на пути о встречные,
Так вступают здесь в пляску грешники.
25. Здесь видел я особенно много людей,
Друг на друга кативших с воплями
Тяжести, напирая на них грудью.
28. Они сталкивались между собой,
Поворачивались и отбегали назад,
Крича: «Зачем ты копишь?» и «Зачем ты
тратишь?»
31. Так возвращались они по мрачному кругу,
Отовсюду к противоположной его точке,
Сопровождая бег позорным припевом.
34. Затем, достигнув ее, поворачивались каж-
дый
По своему полукругу к новому бою.
И я почти вконец сокрушенный сердцем,
37. Сказал: «Учитель, объясни-же мне теперь,
Что это за люди, и все ли были духовными
Те, под тонзурой, что от нас слева?»
40. И он: «Все они были настолько кривы
Умом в своей первоначальной жизни,
Что в меру не совершали никакой траты.

43. Довольно ясно лает об этом голос их,
Когда они доходят до двух точек круга,
Где их разделяют противоположные грехи.
46. Те были духовные, у кого нет на голове
Покрывала волос, папы и кардиналы,
На ком алчность проявила свою власть».
49. И я: «Учитель, среди всех их
Я должен-бы вполне узнать некоторых,
Загрязненных подобными пороками».
52. И он мне: «Напрасно думаешь ты об этом:
Низкая жизнь, сделавшая их мерзкими,
Затемнила их вид до неузнаваемого.
55. Вечно будут они бодаться между собой,
Одни подымутся из своих могил
Сжимая кулаки, другие с обрезанными во-
лосами.
58. Неуменье давать и неуменье держать от-
няло у них
Прекрасный мир и они обречены на эту
драку:
Словами я не стану украшать ее.
61. Ныне можешь видеть, сын, сколь кратко
дуновение
Земных благ, даруемых Фортуной,
Из-за чего род человеческий ведет пота-
совку.
64. Ибо все золото, какое есть под луною,
И какое было, не могло бы дать отдыха
Ни одной из этих истомленных душ».

67. «Учитель», произнес я, «скажи мне также:
Эта Фортуна, о которой ты мне говорил,
Что есть она, столь держащая в когтях бла-
га мира?
70. И он ко мне: «О неразумные создания,
Сколь велико невежество, поражающее вас!
Теперь хочу, чтобы ты усвоил мое учение.
73. Тот, чье познание превосходит все,
Создал небеса, и дал им управителя,
Так что каждая часть сияет каждой части,
76. Распределяя свет одинаково:
Подобно этому и для земного блеска
Определил Он общую правительницу и вла-
дыку,
79. Чтоб перемещать по временам суетные
блага
От народа к народу, от одной крови к
другой,
Презирая сопротивление людского благора-
зумия:
82. И один народ властвует, другой изнывает
Следуя приговору той, которая
Столь же сокровенна, как змея в траве.
85. Ваше знание не пререкается с нею:
Она промышляет, судит и преследует
В своем царстве, как в других — их боги.
88. Нет отдыха перемещениям ее:
Необходимость делает ее быстрой;
И она часто появляется, неся превратности.

91. Такова та, кого столько распинают,
Даже и те, кто должен бы ей быть при-
знателен,
Несправедливо порицая и злословя.
94. Но она блаженна и не слышит этого:
Радостная среди других первых созданий,
Она вращает свою сферу и вкушает счастье.
97. А теперь спустимся к еще большим мукам.
Уже склоняются звезды, восходившие на
небо,
Когда я тронулся, и слишком медлить нам
нельзя».
100. Мы пересекли круг до другого края,
Над бурлящим потоком, изливавшимся
В котловину, им же самим размытую.
103. Вода была темна, с отливом красноватого,
И в соседстве мутных волн мы сошли
Вниз по весьма дурной дороге.
106. Этот горестный ручей, ниспадая
К подножию злостных сероватых склонов,
Образует болото, называемое Стиксом.
109. И я, внимательно присматриваясь,
Увидал в этой трясине грязных людей,
Совсем нагих, с яростными лицами.
112. Они сшибались между собой не только
руками,
Но и головами, грудью и ногами,
И зубами рвали друг друга в клочья.

115. Добрый Учитель мой сказал: «Сын, ты теперь видишь
Души тех, над кем гнев властвовал.
И также я хочу, чтобы ты уверился,
118. Что под водой есть люди воздыхающие,
И заставляющие пузыриться ее поверхность,
Как скажет тебе глаз, куда-бы ты ни
взглянул».
121. Поверженные в тину говорили: «Мы были скорбны
В сладостном воздухе, оживляемом Солнцем,
Нося в себе тягостный туман.
124. Ныне мы предаемся скорби в темном иле». Этот гимн клекотали они горлами,
Ибо не могли произносить полных слов.
127. Так обогнули мы пакостную лужу,
Большим кругом, между сухим берегом и гнилью,
Не отрывая взора от глотавших грязь.
130. И мы приблизились, наконец, к подножию башни.
-

ПЕСНЬ ВОСЬМАЯ

Пятый круг: Гневные. — Флегиас. — Филиппо
Ардженти. — Город Дис. — Вергилий и демоны.

1. Я говорю, продолжая, что прежде чем
Мы приблизились к подножию башни,
Наши взоры обратились на ее вершину,
4. Где мы заметили два вспыхнувших
огонька;
И еще один подал сигнал, настолько издали,
Что глаз едва мог различить его.
7. И я, обратившись к морю всякого знания,
Сказал: «Что это значит? И что отвечает
То, другое пламя? И кто зажег их?»
10. И он мне: «На волнах мутных
Ты мог-бы уже видеть того, кто прибли-
жается,
Если-бы дым болота не скрывал его».
13. Никогда тетива не пускает стрелу
С такую скоростью по воздуху
Как видел я, маленькое судно

16. Неслось в 'нашу сторону по воде
Под управлением единственного кормчего,
Кричавшего: «Ты здесь, злодейская душа!»
19. «Флегиас, Флегиас, на этот раз
Ты кричишь напрасно, сказал мой Гос-
подин:
Мы будем в твоей власти лишь переплывая
тину».
22. Как тот, кто слышит о великом обмане,
Совершенном над ним, и огорчается этим,
Так поступил и Флегиас, охваченный
гневом.
25. Вождь мой спустился в барку,
И пригласил меня следовать за собой;
И лишь когда я вошел, она нагрузилась.
28. Как только мы с Вождем оказались в ней,
Древняя ладья тронулась, рассекая воду
Сильнее, чем обычно, когда перевозила
тени.
31. В то время как мы плыли по мертвой за-
води,
Передо мной вырос некто, весь в грязи,
И сказал: «Кто ты, являющийся до срока?»
34. И я ему: «Если являюсь, то не остаюсь
здесь,
Но ты кто, чей вид столь отвратителен?»
Он отвечал: «Взгляни, я тот, кто плачет».
37. И я ему: «В слезах, и в трауре,

- Проклятый дух, пусть ты останешься;
Я узнаю тебя, хотя и весь ты выпачкан».
40. Тогда он протянул обе руки к барке:
Но предусмотрительный Учитель оттолкнул
его,
Сказав: «Прочь, убирайся к остальным
псам!»
43. Затем он обнял руками мою шею,
Поцеловал в лицо и сказал: «О презираю-
щая душа,
Благословенно чрево, зачавшее тебя.
46. Говоривший с нами был в мире гордецом.
Доброта не украшает его памяти:
Потому и тень его беснуется здесь.
49. Сколько великих на земле царей
Будет увязать здесь, как свиньи в слякоти,
Оставляя по себе страшные осуждения!»
52. И я: «Учитель, я был-бы так доволен,
Если-бы он погрузился вновь в эту бурду
Прежде, чем мы переплывем озеро».
55. И он мне: «Ранее, чем откроется тебе
Берег, ты будешь удовлетворен:
Следует, чтобы ты насладился своим же-
ланием».
58. Спустя немного я увидел, как такую пытку
Причинили ему испачканные грязью люди,
Что и теперь я хвалю и благодарю Бога.
61. Все кричали: «На Филиппо Ардженти!»
И полный гнева дух флорентинца

Ринулся на самого себя с оскаленными
зубами.

64. Здесь мы оставили его, и больше я о нем
не говорю.

Но мой слух потрясся таким воплем,
Что я внимательно вперил взор вдаль.

67. Добрый Учитель произнес: «Вот, сын мой,
Приближается город, по имени Дис,
С тяжкими обитателями, в великих толпах».

70. И я: «Учитель, уже ясно различаю я
Его мечети, там, в глубине долины,
Алые, будто вышедшие из огня».

73. И он сказал мне: «Вечное пламя,
Раскаляющее их изнутри, делает их крас-
ными,

Как ты видишь в этом нижнем аду».

76. Мы достигли, наконец, глубоких рвов,
Опоясывающих этот безутешный город:
Стены, казалось мне, были из железа.

79. Описав сначала большую дугу,
Мы прибыли к месту, где кормчий громко
Крикнул нам: «Слезайте, здесь ведь вход!»

82. Я увидел над воротами более тысячи
Тех, кто дождем скатились с неба; они
злобно

Говорили: «Кто этот, что не умер,

85. Но проходит через царство мертвых?»
И мудрый мой Учитель дал им понять,
Что хочет говорить с ними наедине.

88. Тогда они умерили немного свою гневность,
И сказали: «Входи один, но пусть уходит
тот,
Так дерзко проникающий в это царство:
91. Пусть он возвращается один по безумной
дороге:
Пусть попробует, если может; ибо ты оста-
нешься здесь,
Сопровождавший его чрез столь мрачную
страну».
94. Подумай же, Читатель, как пал я духом
При звуке этих проклятых слов;
Ибо уже не верил, что когда либо воз-
вращусь.
97. «О дорогой Вождь мой, более семи раз
Возвращавший мне уверенность, и изба-
вивший
От великой опасности, грозившей мне:
100. Не оставляй меня», сказал я, «в таком
унынии;
Если нам загражден путь вперед,
Вернемся поскорее по нашим следам».
103. И Господин, приведший меня сюда,
Сказал: «Не бойся, ибо никто не может
Отнять у нас нашего пути: свыше он да-
рован.
106. Но жди меня здесь; питай, и укрепляй
Усталый дух доброю надеждой.
Я ведь не оставляю тебя в подземном мире».

109. Так ушел, покинув меня там,
Сладостный отец, и я остался в колебании;
Ибо да и нет спорили в моем уме.
112. Я не мог слышать, что сказал он им:
Но он недолго с ними пробыл там,
Ибо они ринулись внутрь, приговариваясь к
борьбе.
115. Эти наши противники заперли ворота
Пред грудь моего Господина, оставшагося
снаружи;
И медленными шагами возвратился он ко
мне.
118. Глаза его смотрели в землю, брови
лишились
Всякой бодрости, и он произнес, вздыхая:
«Кто не пустит меня в дома скорби?»
121. А мне сказал: «Если я гневаюсь,
Ты не пугайся, ибо я одолею испытанье,
Кто бы ни хлопотал там о защите.
124. Эта дерзость их не нова,
Они проявили ее перед менее тайными
вратами,
Которые и сейчас лишены замка.
127. Над ними видел ты мертвую надпись.
И уже оттуда спускается по склону,
Проходя через круги без провожатого
130. Тот, для кого откроется этот город».
-

ПЕСНЬ ДЕВЯТАЯ

Город Дис. — Эрихто. — Три фигуры. — Небесный посланец. Круг шестой. — Ересиархи.

1. Цвет, в который окрасила мое лицо трусость,
Когда я увидел, что мой вождь воз-
вращается,
Заставил его побороть собственную блед-
ность.
4. Внимательный, он остановился, как чело-
век слушающий;
Ибо не мог устремить своего взора вдаль,
Сквозь черный воздух и густой туман.
7. «Все-таки мы должны победить в битве»,
Начал он: «а если... но такая помощь нам
обещана!
О как я жду, чтобы она явилась!»
10. Я хорошо видел, как он покрыл
Начало сказанного другими словами,
Которые имели обратный смысл.
13. Однако его речь внушала страх,

Ибо я понял прерванные слова /
Быть может в худшем смысле, чем они
имели.

16. «На это дно печальной раковины
Сходил ли ктонибудь из первого круга,
Где наказывают единственно лишением
надежды?»
19. Такой вопрос я задал. И он ответил:
Редко случается кому либо из нас
Совершать путь, по которому я иду.
22. Верно, что однажды был я здесь,
Заколдованный той страшною Эрихто,
Что призывала тени к их телам.
25. Вскоре после того как я лишился плоти,
Она ввела меня в эти стены,
Чтобы извлечь один дух из круга Иуды.
28. То место самое низкое, и самое темное,
И самое далекое от неба, вращающего все:
Я хорошо знаю путь: будь-же покоен.
31. Это болото, дышащее великим смрадом,
Опоясывает кругом город скорби,
Куда мы не можем уже войти без гнева».
34. И он говорил еще другое, чего я не помню,
Ибо глаза мои были поглощены
Высокой башней с пламенеющей вершиной,
37. Где в одном месте внезапно появились
Три адских фурии, обогранные кровью,
Обладавшие женским сложением и видом.
40. И ярко-зеленые гидры опоясывали их:

Змейки и керасты заменяли им волосы,
Обвивая их надменные виски.

43. И он, хорошо знавший жалких
Прислужниц царицы вечного плача,
«Взгляни», сказал мне, «на свирепых
Эринний.
46. Это Мегера, с левой стороны:
Та, что рыдает справа, называется Алектю,
Посреди них Тизифона»; и на этом он
умолк.
49. Когтями они раздирали себе грудь;
Били в ладоши и кричали столь громко,
Что в смущении я прижимался к Поэту.
52. «Пусть явится Медуза, мы обратим его в
камень»,
Кричали они, устремив взоры книзу:
Мало мы отмстили Тезею за его нападение!»
55. «Обернись назад, и закрой лицо;
Ибо если явится Горгона и ты ее увидишь,
Тебе уже не вернуться никогда наверх».
58. Так говорил Учитель; и он сам
Повернул меня, и не доверился моим рукам,
Но укрыл еще и своими.
61. О вы, обладающие ясным умом,
Всмотритесь в учение, которое сокрыто
Под покрывалом странных стихов!
64. И уже по мутным волнам пронесся
Грохочущий шум, полный ужаса,
От которого задрожали оба берега;

67. Не иначе бывает с ветром,
Разъяренным встречными жарами,
Когда он налетает на лес и безудержно
70. Крушит ветви, валит и уносит цветы,
Горделиво мчится вперед в пыли,
И обращает в бегство пастухов и животных.
73. Вождь освободил мне глаза, сказав: «Воз-
веди
Теперь всю силу взора на эту древнюю пену,
В то место, где этот дым гуще».
76. Как лягушки перед враждебным
Ужом разлетаются все по воде,
Пока не прильнут к берегу;
79. Так, видел я, тысячи погибших душ
Бежали от одного, переходившего
Чрез Стикс не замочив подошв.
82. Он отгонял от лица тяжкий воздух,
Часто обмахиваясь левою рукой;
И лишь это, казалось, утомляло его.
85. Тотчас заметил я , что он послан Небом,
И обратился к Учителю: и тот дал знак,
Чтобы я стоял смирно, и склонился перед
ним.
88. Ах, сколь, казалось мне, полон он пре-
зрения!
Он приблизился к воротам, и палочкой
Отворил их, и никто ему не помешал.
91. «О изгнанные неба, племя отверженных»,

- Начал он, стоя на ужасном пороге,
«Чем питается в вас подобная дерзость?»
94. К чему противитесь вы той воле,
Чьи намерения не знают преград,
И которая столько раз увеличивала вашу
муку?
97. Разве есть смысл бодаться с судьбой?
У вашего Цербера, если вы не позабыли,
И доселе ощипаны подбородок и шея».
100. Затем он повернул назад по грязному пути,
Не сказав нам ни слова: но имел вид
человека,
Другой заботою подавленного и томимого,
103. Чем тот, кто находился перед ним.
И мы направили шаги к городу Дису,
Успокоенные его святыми словами.
106. Без всякого сопротивления мы вошли.
И я, имевший намерение видеть
Казнь заключенных в этой крепости,
109. Вошедши внутрь, огляделся вокруг:
И увидел всюду великое поле,
Полное скорби и преступной муки.
112. Как в Арле, где дремлет Рона,
Как у Полы вблизи Кварнаро,
Замыкающего Италию и омывающего ее
границы,
115. Гробницы делают землю волнистой;
Так было со всех сторон и здесь,
Но только еще печальнее.

118. Ибо посреди могил разливалось пламя,
Которое так раскаляло их,
Как того не требует от железа ни одно
ремесло.
121. Все крышки их были приподняты,
И оттуда неслись столь тяжкие стоны,
Что, видимо, их издавали бедные стра-
дальцы.
124. И я: «Учитель, что это за люди,
Погребенные в тех усыпальницах,
Дающие о себе знать жалобными вздо-
хами?»
127. И он мне: «Здесь находятся ересиархи
Со своими последователями: и более
Нежели ты думаешь, переполнены могилы.
130. Подобные погребены с подобными.
И одни гробы более, другие менее жгучи».
И затем он повернул направо.
133. Мы прошли между мучениками и высоки-
ми стенами.
-

40. Лишь только оказался я у его гробницы,
Он взглянул на меня и почти надменно
Спросил: «Кто были твои предки?»
43. Я-же, расположенный к повиновению,
Не стал от него таить, но открыл все:
Тогда он приподнял немного брови;
46. Затем сказал: «Жестoko враждовали они
Со мной, и моим родом, моею партией,
Так что дважды рассеивал я их».
49. «Если их изгоняли, то отовсюду они воз-
вращались»,
Ответил я: «и в первый раз, и во второй раз:
Ваши-же не научились надлежаще этому
искусству».
52. Тогда поднялась над краем гробницы
Другая тень, рядом с первой, до подбородка;
Думаю, она стояла на коленях.
55. Взглянула вокруг меня, как бы желая
Увидеть нет-ли еще кого-нибудь со мной;
Но когда вся смутная надежда ее рас-
сеялась,
58. В слезах сказала она: «Если через бессвет-
ную эту
Темницу ты проходишь высотой гения,
То где мой сын? И почему он не с тобой?»
61. И я: «Не своей силою я иду:
Тот, ожидающий, ведет меня здесь:
Ваш Гвидо, может быть, не почитал его».
64. Эти слова и самый род мучения

Дали уж мне прочесть имя грешника:
Потому был мой ответ так полон.

67. Мгновенно выпрямившись, он вскричал:
«Как,
Говоришь, не почитал? разве он умер?
Разве уже не ранит его взора нежный свет?»
70. Заметив, что я несколько промедлил,
Прежде нежели дать ему ответ,
Он опрокинулся назад и более не появлялся.
73. Другой-же благородный дух, по чьей просьбе
Я остановился, не изменил вида,
Не двинул шей, не склонил груди.
76. «И если», сказал, продолжая прежнюю речь,
«Они дурно изучили то искусство,
Это терзает меня больше, чем такое ложе;
79. Но и пятидесяти раз не воспламенится
Лик той Дамы, что царствует здесь,
Как познаешь ты тяжесть этого искусства.
82. И да будет тебе дано вернуться в милый
мир —
Скажи мне, почему народ ваш столь бес-
жалостен
К моему роду в каждом своем поста-
новлении?»
85. Я-же ему: «Мука и великое побоище,
Окрасившее Арбию кровавым цветом,
Побуждают к таким речам в нашем храме».
88. Вздохнув и покачавши головою, он сказал:

- «Не один я находился там и не без
Причин выступил среди других;
91. Но я был один, когда все
Постановили скрыть Флоренцию,
И я защитил ее с лицом открытым».
94. «О, да обрящет некогда мир ваше по-
томство!»
Обратился я к нему: «Развяжите-же тот
узел,
Который затянул теперь мой разум.
97. И кажется, если правильно понимаю, вы
видите
То, что приводит нам с собою время,
В настоящем-же лишены зрения».
100. «Мы видим наподобие дальнозорких»,
Сказал он: «лишь находящееся вдалеке;
Настолько дает еще нам света высший
Вождь:
103. Когда-же будущее приблизилось, или на-
стало,
Весь ум наш тщетен; и если нам не
сообщат,
Мы ничего не знаем о вашей земной жизни.
106. Поэтому, можешь понять, все наше по-
знание
Станет безжизненным в ту самую минуту,
Когда захлопнется дверь будущего».
109. Тогда, как-бы в сокрушении от своей вины,

- Я сказал: «Скажите-же тому, упавшему,
Что его сын находится еще среди живых.
112. И если я промолчал на его вопрос,
Объясните ему, что я сделал это находясь
В заблуждении, которое вы мне разъяс-
нили».
115. И уже Учитель мой вновь звал меня:
Поэтому я попросил духа поскорее
Сказать мне, кто еще погребен здесь с ним.
118. Он сказал: «Более тысячи лежит со мною;
Рядом здесь второй Фридрих
И Кардинал, а об остальных я умал-
чиваю».
121. С тем он и скрылся; я же к древнему
Поэту направил шаг, вновь раздумывая
О тех словах, что показались мне зло-
вещими.
124. Он тронулся: и продолжая путь,
Сказал мне: «Почему ты так расстроен?»
И я удовлетворил его желанье.
127. «Пусть ум твой сохранит то, что ты слышал,
Враждебного себе», повелел мне этот
мудрый,
«А теперь выслушай меня», и он поднял
палец.
130. «Когда предстанешь перед сладостными
взорами
Той, чье прекрасное око все видит,
Ты узнаешь от нее путь своей жизни».

133. Затем направил он шаги налево:
Мы оставили стену, и прошли к середине,
По тропинке, что вела в долину,
136. Зловоние которой доносилось уж сюда.
-

ПЕСНЬ ОДИННАДЦАТАЯ

Шестой круг: еретики. — Могила папы Анастасия. — Подразделения Ада.

1. Достигнув края высокого берега,
Образованного кольцом крупных разломан-
ных камней,
Мы оказались над еще более терзаемой
грудой.
4. И здесь, укрываясь от страшного запаха
Гнили, подымавшася из глубины бездны,
Мы остановились позади крышки
7. Большой могилы, где я увидел надпись,
Гласившую: «Тут лежит папа Анастасий,
Которого совратил с истинного пути Фо-
тин».
10. «Нам следует спускаться медленно,
Дабы несколько привыкли наши чувства
К скорбным запахам и стали к ним безуча-
стны».
13. Так сказал Учитель; и я ответил ему:

«Найди какое-либо возмещение потерянного
Времени»; и он: «Ты видишь, что я думаю
об этом.

16. Сын мой, огражденные этими камнями»,
Начал, наконец, он: «лежат три меньших
круга,
Суживающиеся, как и те, что ты прошел.
19. Все они наполнены отверженными духами;
Но чтобы тебе довольно было лишь взгля-
нуть на них,
Выслушай, как и почему они заключены
туда.
22. Цель всякого зла, вызывающего ненависть
неба,
Есть оскорбление, и всякая такая цель
Сокрушает других насилием или обманом.
25. Но как обман есть именно человеческий
порок,
То он особенно противен Богу; и потому
внизу
Находятся обманщики и их страдания
сильней.
28. Насильниками переполнен первый круг;
Но как насильничают трояким образом,
На три кольца разделен он и устроен.
31. Над Богом, над собою и над ближним можно

Быть насильником; над ними, говорю, или
над их вещами,
Как ты услышишь в ясном рассуждении.

34. Насильственная смерть и тягостные раны
Причиняются ближнему, а его имущество
Грабится, жжется и разоряется поборами.
37. И вот убийцы, и тяжело ранящие,
Разбойники и грабители, все несут кару
В первом кольце, разными рядами.
40. Может на себя поднять руку человек,
И на свое добро: и тогда во втором
Кольце надлежит безнадежно искупать грехи
43. Тому, кто лишает себя вашего мира,
Проигрывает и расточает свои средства
И плачет там, где надлежит радоваться.
46. Можно совершить насилие над Божеством,
Отрицая сердцем и понося Его,
И презирая природу и ее благостность:
49. И потому меньшее кольцо клеймит
Печатию своею и Содом и Кагор,
И тех кто, презирая Бога, говорит от
сердца.
52. Обман, который угрызает всякую совесть,
Может человек направлять на того, кто
доверяет,
И на того, в ком нет доверия.
55. Этот последний род обмана, видимо, раз-
бивает

- Также узы любви, созданные природой:
Так во втором кругу гнездятся
58. Лицемеры, льстецы и колдуны,
Подделыватели, воры и симониаки,
Сводники, взяточники и прочая пакость.
61. Иным способом устраняется любовь,
Установленная природой, и иным появляю-
щаяся позже,
Из которой родится особенная вера.
64. Поэтому в наименьшем круге, где средо-
точие
Вселенной и над которым восседает Дис,
Преданы вечному истреблению изменники».
67. И я: «Учитель, довольно ясно протекает
Рассуждение твое и достаточно определяет
Эту пропасть, и племя обитающее в ней.
70. Но скажи мне: те, из жирного болота,
Те, кого мчит ветер, кого хлещет дождь,
И те, что сталкиваются, бранясь столь
яростно,
73. Почему не внутри раскаленного города
Наказываются они, если Бог на них гне-
вается?
А если нет, то зачем так с ними посту-
пают?»
76. И он сказал мне: «Почему столь за-
блуждается
Твой Дух, более нежели обычно?

Или ум твой устремлен на что-нибудь
другое?

79. Разве ты не вспоминаешь о словах,
В которых твоя этика трактует
О трех расположениях, противных Небу,
82. Невоздержании, лукавстве и безумном
Скотстве? и как невоздержание
Менее обижает Бога и влечет меньшую
кару?
85. Если ты хорошо рассмотришь эту мысль,
И представишь в своем уме кто те,
Что подвергаются наказанию наверху,
88. Ты увидишь ясно, почему они отделены
От этих злобных, и почему менее тяжел
Для них молот божественного правосудия».
91. «О Солнце, исцеляющее всякий ложный
взгляд,
Так ты меня радуешь, разрешая вопросы,
Что не менее знания приятно мне сомнение.
94. Возвратись-же», сказал я, «еще немного
назад,
К словам, что ростовщичество оскорбляет
Божественную благодать и развяжи узел».
97. «Философия», сказал он, «не в одном месте
Указывает занимающемуся ей,
Как природа берет свое начало
100. Из божественного разума и его искусства:

- И если ты внимательно будешь читать физику свою,
То убедишься, чрез немного страниц,
103. Что искусство ваше, сколько может,
Следует за природой как ученик за учителем,
Так что приходится как бы внуком Богу.
106. От этих двух, если возобновишь в памяти
Начало книги Бытия, надлежит
Людям получать жизнь и совершенство-
вать ее.
109. И так как ростовщик идет иным путем,
То унижает природу и в ней самой, и в ее
Детище, ибо в другом полагает свою на-
дежду.
112. А теперь следуй за мной, ибо хочу идти;
Ибо затрепетали уже на горизонте Рыбы,
И Большая Медведица лежит над Кавром;
115. И крутизна там, дальше, понижается.
-

ПЕСНЬ ДВЕНАДЦАТАЯ

Первое кольцо седьмого круга: насильники, тираны и человекоубийцы. — Минотавр. — Кентавры. — Несс. — Хирон. — Эццелино. — Обиццо д'Эсте. — Гвидо да Монфор.

1. Место, куда мы приблизились, чтобы спуститься
С берега, было гористо, и благодаря находившемуся здесь
Таково, что отвращало от себя всякий взор.
4. Как тот обвал, обрушившийся
За Трентом сбоку, на Адидже,
Силою-ли землетрясения или по недостатку опоры,
7. Когда сорвался с вершины горы
К ее подножию, то столь изуродовал всю скалу,
Что едва возможно стало сойти сверху::
10. Таков был спуск этого оврага;
И на краю разрушенной ямы
Лежал, растянувшись, позор Крита,

37. Но немного ранее, если не ошибаюсь,
Чем появился Тот, кто великую добычу
Захватил у Диса в верхнем круге,
40. Вся глубокая и смрадная долина
Так сотряслась, что я подумал, что Все-
ленную
Охватила та любовь, которая, по вере не-
которых,
Не однажды обращала мир в хаос:
И в ту минуту эта древняя скала
Рухнула и здесь, и в другом месте.
46. Но устреми взор на долину, ибо близится
Кровавая река, где кипят те,
Кто причинял вред ближнему насилием».
49. О слепая жадность, о безумный гнев,
Так нас жалящие в краткой жизни,
А в вечной столь ужасно закаляющие в
в жертву!
52. Я увидел большой ров, изогнутый дугою,
Как тот, что огибает всю равнину,
Согласно слову моего вожатого:
55. И меж подножием скалы и рвом вереницею
Проносились кентавры, вооруженные стре-
лами,
Как обычно отправляясь в мире на охоту.
58. Увидев, что мы спускаемся, они остано-
вились,
И от их ряда отделилось трое,
Державших наготове луки и стрелы.

61. Один из них крикнул издали: «На какую
муку
Направляетесь вы, сходящие со склона:
Скажите с места; иначе я выстрелю».
64. Учитель мой сказал: «Ответ
Хирону мы дадим отсюда, тотчас;
Дурны были для тебя твои столь быстрые
желанья!»
67. Затем коснулся меня и сказал: «Это Несс,
Погибший из-за прекрасной Дейяниры,
И сам отомстивший за себя.
70. И тот в середине, что смотрит на свою грудь,
Великий Хирон, выкормивший Ахилла;
Третий же Фол, всегда полный великой
злости.
73. Тысячами носятся они вокруг рва,
И мечут стрелы во всякую душу, подняв-
шуюся
Из крови более, чем то назначила ей вина».
76. Мы приблизились к этим проворным тва-
рям:
Хирон взялся за стрелу и раздвоенным хво-
стом ее
Откинул назад бороду от челюстей.
79. Когда раскрылся огромный рот его,
Он сказал сотоварищам: «Заметили-ли вы,
Что идущий позади сдвигает все, что тро-
нул?
82. Так не ступают никогда ноги умерших».

- И добрый Вождь мой, находившийся уже у
груди зверя,
Где соединяются обе его природы,
85. Ответил: «Он вполне живой, и одному мне
Надлежит показать ему мрачную долину.
Необходимость направляет его, а не забава.
88. Давшая мне это новое поручение
Оторвалась от пения а л л е л у и й я ;
И он не вор, и я не душа преступника.
91. Но во имя силы, что влечет
Шаги мои по столь дикому пути,
Дай нам одного из твоих,
94. Пусть он указывает место брода,
И на его круп сядет мой спутник,
Ибо он не дух, шествующий по воздуху».
97. Хирон повернулся в правую сторону
И сказал Нессу: «Иди, сопровождай их,
И если встретится другой отряд, отстрани
его».
100. Мы двинулись под надежную охраной
Вдоль побережья кровавого кипенья,
Где варимые издавали пронзительные крики.
103. Я видел погруженных по самые ресницы:
И великий Кентавр сказал: «Это тираны,
Жившие кровию и жаждою грабежа.
106. Здесь оплакиваются безжалостные пре-
ступленья:

Здесь находятся Александр и свирепый
Дионисий,
Принесший Сицилии годы скорби:

109. А этот лоб под столь черными волосами
Принадлежит Эццелино, а другой, светлово-
лосый,
Обиццо д'Эсте, который, правда,
112. Был убит пасынком там, на земле».
Тогда я обернулся к Поэту; и он сказал:
«Отныне будет для тебя Несс первым, а я
вторым».
115. Немного далее Кентавр остановился
Над людьми, по самое горло
Как бы выдававшимися из этого Буликамэ.
118. Он показал нам в стороне одинокую тень,
И сказал: «Этот пред лицом Господа рассек
Сердце, и ныне почитаемое на Темзе».
121. Затем увидел я людей, высунувших из
потока
Наружу головы и верх туловища:
И из них многих я распознал.
124. Так все более и более мелела
Эта кровь, покрывая, наконец, лишь ноги.
И здесь мы перешли вброд через ров.
127. «Так как в этой части замечаешь ты,
Что Буликамэ делается все меньше»,
Сказал Кентавр, «хочу, чтобы ты верил,
130. Что со стороны другой он все сильнее давит

На свое дно, доколе не достигнет места,
Где положено стенать тиранам.

133. Божественная справедливость там язвит
Того Атиллу, что был бичем на земле,
И Пирра, и Секста; и вечно выдаивает
136. Слезы, расходящиеся в кипенье,
У Риньер да Корнето, и у Риньер Пацци,
Столько воевавших по дорогам».
139. Затем он повернулся, и вновь пересек лужу.
-

ПЕСНЬ ТРИНАДЦАТАЯ

Второе кольцо седьмого круга: насильники над собою. — Гарпии. — Пиер делле Винье. — Сиенец Лано. — Рокко де Моцци.

1. Несс не успел еще перейти на тот берег,
Как мы вступили уже в рощу,
Не отмеченную ни одной тропой.
4. Не зеленые листья, но темного цвета,
Не гладкие ветви, но в узлах, изогнутые,
Не плоды были там, а ядовитые шипы.
7. Нет столь колючих и густых чащ
У диких зверей, которым ненавистны
Обитаемые места между Чечиной и Корнето.
10. Здесь вьют свои гнезда злобные Гарпии,
Изгнавшие Троянцев со Строфад
С горьким предсказанием будущих бед.
13. У них широкие крылья, шеи и лица чело-
вечи,
Лалы с когтями, большие животы в перьях:
Они стонут, сидя на странных деревьях.

16. И мой добрый Учитель обратился так:
«Прежде чем входить далее, знай, что ты
Во втором кольце, и будешь находиться в
нем,
19. Пока не дойдешь до страшного Песка.
Итак, внимательно присматривайся: и уви-
дишь
То, чему ты не поверил-бы в моем рас-
сказе».
22. Я слышал отовсюду несущиеся стоны,
И не видел тех, кто издавал их.
Потому в полном смущении остановился.
25. Я думаю, что он думал, будто я думаю,
Что эти звуки исходили из груди
Людей, которые прятались от нас.
28. «Если», сказал Учитель, «ты сломасшь
Какой-либо сучек с одного из этих деревьев,
То твои мысли о них изменятся».
31. Тогда я протянул руку немного вперед,
И сорвал веточку большего терновника;
А ее ствол вскричал: «Зачем ломаешь
меня?»
34. И при этом весь он потемнел от крови.
Затем снова воскликнул: «Зачем меня де-
решь?
Разве нет у тебя никакой жалости?»
37. Людьми были мы, а теперь стали сучьями.
Твоя рука должна бы быть почтительнее с
нами,

- Если-б даже мы оказались душами змей».
40. Как сырое полено, что горит
С одного конца, а с другого стонет
И трещит от выходящего воздуха:
43. Так из этого обломка выходили вместе
Слова и кровь: я-же предоставил верхушке
Пасть, а сам стоял, как человек боящийся.
46. «О чувствительная душа», ответил мой
Мудрец,
«Если-бы он раньше мог поверить,
Тому что видел, лишь по моей поэме,
49. Он не поднял-бы на тебя руку:
Но невероятность этого заставила меня
Советовать ему то, что и мне самому
тягостно.
52. Но скажи ему, кто был ты, чтобы как
Некое возмещение оживилась твоя слава
На земле, куда ему дозволено вернуться».
55. И ствол: «Так ты прельщаешь меня ласко-
вою речью,
Что не могу молчать: и пусть не удручает
вас,
Если я вдамся несколько в рассуждения.
58. Я тот, кто обладал обоими ключами
От сердца Фридриха, и поворачивал их,
Закрывая и открывая, так мягко,
61. Что стал его единственным доверенным:
И столь предан был я славной должности,
Что за это заплатил жизнью.

64. Блудница, никогда не сводившая
Бесстыдных глаз с приюта Цезаря,
Общая погибель и язва всех дворов,
67. Воспламенила против меня все души,
И воспламененные так воспламенили По-
вельителя,
Что светлые почести обратили в скорбный
траур.
70. Дух мой, в пронзительном порыве,
Полагая, что смертью избежит презрения,
Неправедно поступил со мной, праведным.
73. Юными корнями этого дерева
Клянусь вам, что никогда не изменял
Своему господину, столь достойному почи-
тания.
76. И если кто-либо из вас вернется в мир,
Да укрепит он память обо мне,
Еще поверженную ударом зависти».
79. Поэт немного подождал: и так как тот
умолк,
Сказал мне: «Не теряй-же времени,
Но говори, а если больше нравится, то
спрашивай».
82. И я: «Предложи сам вопрос,
О том, что, полагаешь, удовлетворило-бы
меня.
Я-же не могу; так подавляет меня жа-
лость».
85. Он снова начал: «Этот человек сделает

- Добровольно то, о чем ты просишь,
Пленный дух, но благоволи и ты
88. Сказать нам, как завязывается душа
В эти узлы, и сообщи, если возможно,
Освободилась-ли хоть одна от подобных
членов».
91. Тогда глубоко вздохнул ствол и
Обратилось его дуновение в такие слова:
«Короток будет мой ответ вам.
94. Когда удаляется свирепая душа
Из тела, откуда сама себя вырвала,
Минос посылает ее в седьмое устье.
97. Она падает в лес и там не назначено ей
места;
Но куда закинет ее судьба,
Там прозябает она, как зерно проса.
100. Подымается побегом и одичалым растением:
Затем Гарпии, питаюсь ее листьями,
Доставляют ей боль и дают боли выход.
103. Как все, мы возвратимся к нашим телам,
Но никто из нас не облечется в них;
Ибо нельзя обладать тем, что сам у себя
отнял.
106. Мы повлечем их сюда, и в горестном
Лесу будут повешены наши тела,
Каждое на терновнике томящейся его ду-
ши».
109. Мы продолжали еще слушать ствол,

- Полагая, что он что-нибудь добавит;
Но вдруг нас поразил шум,
112. Какой слышит охотник при приближении
Вепря и собак к месту, где он стоит,
Когда ему доносится бег зверей и треск
веток.
115. И вот с левой стороны появились двое
Нагих и исцарапанных, мчавшихся столь
быстро,
Что ломали свежие побеги по пути.
118. Опередивший взывал: «Приди-же, Смерть,
приди!»
А другой, кому казалось, что он черезчур
отстал,
Кричал: «Лано, не были так проворны
121. Твои ноги в бою при Пиеве дель Топпо!»
И, возможно потому, что у него захватило
дух,
Он прислонился к кустику, сливаясь с ним.
124. Позади-же них весь лес был полон
Черных псиц, жадных и несшихся
Как стая борзых, спущенных с привязи.
127. В того, что спрятался, вонзили они зубы
И разорвали его на клоки,
А затем растащили страждущие члены.
130. Тогда взял меня мой Вожатый за руку,
И подвел к кустику, плакавшему
Тщетно своими кровоточащими ранами.
133. «О Якопо», сказал он: «да Сант Андреа,

- Помогло ли тебе, что ты меня выбрал за-
щитой?
- Разве виноват я в твоей порочной жизни?»
136. Когда Учитель остановился над ним,
То произнес: «Кем был ты, через столько
ран
С кровью испускающий скорбную речь?»
139. И он нам: «О вы, души, что явились
Увидать бесславное мучение,
Так оторвавшее от меня листья,
142. Соберите их вокруг печального деревца:
Я был из города, что заменил Крестителем
Своего первого покровителя; и посему
первый
145. Всегда будет печалить его своим искус-
ством;
- И если-бы на мосту чрез Арно
Не оставался еще некий его образ;
148. То граждане, что восстановили город
Из пепла, оставшагося после Атиллы,
Совершили-бы свой труд напрасно.
151. Я-же собственный дом обратил для себя в
виселицу».
-

ПЕСНЬ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Третье кольцо седьмого круга: насилие над Богом.
— Капаней. — Критский старец — Адские реки.

1. Так как любовь к родному краю
Охватила меня, я собрал разбросанные
листья
И возвратил их тому, кто уже хрипел.
4. Затем мы подошли к месту, отделяющему
Второе кольцо от третьего, и где
Видно ужасное действие правосудия.
7. Чтобы лучше показать это новое,
Скажу, что мы пришли к равнине,
Удаляющей из своего лона всякое растение.
10. Лес скорби опоясывает ее,
Как и его окружает печальный ров.
Тут мы остановились, у самой опушки.
13. Все было под глубоким и сухим песком,
Не иного рода, нежели тот,
Что попирали некогда стопы Катона.
16. О возмездие Господа, как должен

Трепетать перед Тобою всякий, кто прочтет,
Что видел я собственными глазами!

19. Целые стада нагих душ я видел,
Плакавших достаточно жалобно;
И казалось, каждой предназначено свое.
22. Некоторые из них лежали на спине;
Другие же сидели, задумавшись глубоко,
А иные шествовали непрерывно.
25. Тех, что двигались по кругу было больше,
А тех меньше, кто терзался распростертым,
Но более был расположен их язык к
жалобам.
28. На весь этот песок, медленно падая,
Стекали широкие огненные хлопья,
Как идет тихий снег в Альпах;
31. Подобно тому как Александр в знойных
областях
Индии видел падающие на войско
Языки пламени, неугасавшего и на земле,
34. Так что он повелел своим отрядам
Топтать почву, чтобы огненный пар
Лучше угасал, пока его еще немного:
37. Так сходил этот вечный жар,
И песок загорался, как под огнивом
Трут, дабы удваивать страданья.
40. Без отдыха продолжалась пляска
Несчастных рук, то здесь, то там
Отталкивавших от себя новые ожоги.
43. Я начал так: «Учитель, ты, победивший

70. Презирает Бога, и мало, кажется, молит
его:

Но, как я сказал ему, такая злобность
Должным образом украшает его сердце.

73. Теперь же иди за мной; и наблюдай, чтобы
Твои ноги не ступали на сожженный песок:
Но всегда удерживай их вблизи дубравы».

76. В молчании приблизились мы к тому ме-
сту, где

Из леса выбивается крошечная речка,
Чья кровавость и сейчас ужасает меня.

79. Как из Буликамаэ вытекает ручей,
Который делят потом между собою греш-
ницы,

Так же сбегал вниз по песку и этот.

82. Его дно и оба прибрежных склона
Были из камня, как и края берегов;
Потому я и решил, что путь наш здесь.

85. «Среди всего, что показывал я тебе
С тех пор, как мы вошли во врата,
Чей порог ни для кого не замкнут,

88. Пред твоим взором не было ничего
Замечательнее этого ручья,
Гасящего над собой всякое пламя».

91. Таковы были слова моего Вождя;
И я просил, чтобы он дал мне и пищу,
Желание которой уже дал.

94. «Посреди моря лежит опустошенная стра-
на»,

- Сказал он тогда, «называемая Критом,
При чьем царе мир был еще невинен.
97. Там есть гора, некогда украшенная
Водами и лесами, называвшаяся Ида;
Ныне она пустынна, как и все древнее.
100. Рея некогда избрала ее верною колыбелью
Своему сыну, и чтобы лучше скрыть его,
Когда он плакал, заставляла издавать шум.
103. Внутри горы восстает великий старец,
Обращенный плечами к Дамиетте,
И смотрит на Рим, как в свое зеркало.
106. Голова его из лучшего золота,
Из чистого серебра руки и грудь,
И туловище до паха из меди:
109. А книзу весь он из отменного железа,
Кроме правой ноги, из обожженной глины,
На которую больше опирается, чем на
другую.
112. Весь он, исключая золота, изрезан
Трещинами, откуда капают слезы,
И скопляясь, протачивают ту пещеру.
115. Путь их направляется в эту долину:
Они рождают Ахерон, Стикс и Флегетон,
Затем нисходят по тому узкому жолобу
118. Туда, ниже чего нельзя спуститься:
Там образуется Коцит; и каков тот пруд,
Увидишь, потому не говорю сейчас о нем».
121. И я ему: «Если этот ручей

ПЕСНЬ ПЯТНАДЦАТАЯ

Третье кольцо седьмого круга: насильники против природы; содомиты. — Брунетто Латини. — Франческо д'Анкорсо. — Андреа де Моцци.

1. Теперь нас несет твердое побережье,
И дым ручья так сгущается над ним,
Что охраняет воду и плотины.
4. Как фламандцы между Гандом и Брюгге,
Из страха пред волнами, кидаящимися на
них,
Возводят защиты, чтобы море отбегало;
7. И как строят их падуанцы вдоль Brentы,
Чтобы охранить свои города и замки,
Когда Киарентана ощутит тепло;
10. Подобным образом были сделаны и эти, —
Хотя не столь высокие и толстые, —
Кто-бы ни был зодчий, созидавший их.
13. Мы удалились уже от леса
Настолько, что я не увидел-бы, где он,
Если-бы обернулся назад,

16. Когда нам повстречался ряд теней,
Проходивших вдоль плотины; и все они
Глядели на нас, как смотрят вечером
19. Друг на друга при новолунии;
И вперяли в нас свои взоры,
Как в игольное ушко старик портной.
22. Так обзревала меня вся эта семья,
И я был признан одним, который взял
Меня за край одежды, воскликнув: «Какое
чудо!»
25. Когда-же он протянул мне свою руку, я
Устремил взор на его сожженный облик,
Так, что обгорелое лицо не помешало
28. Взору моему узнать кто предо мною;
И склоняя руку к его лицу,
Я ответил: «И вы здесь, сер Брунетто?»
31. А он: «О сын мой, не рассердись,
Если Брунетто Латини повернет с тобою
Слегка назад, отойдя от прочих».
34. Я отвечал ему: «Сколько могу, прошу вас;
И если желаете, чтобы я сел с вами,
То это сделаю, если спутник позволит».
37. «О сын», сказал он, «кто из этого стада
Остановится хоть на минуту, пролежит сто
лет,
Не в силах отмахнуться от ранящего огня.
40. А потому иди: я-же пойду с тобою рядом,
И затем присоединюсь к остальной шайке,
Оплакивающей свои вечные мученья».

43. Я не осмелился спуститься с дороги,
Чтобы идти с ним вровень; но склонил
Голову как человек, ступающий почти-
тельно.
46. Он начал: «Что это за судьба, или рок
До положенного дня ведущий тебя вниз?
И кто этот, указывающий тебе путь?»
49. «Там наверху, в светлой жизни»,
Ответил я ему, «я заблудился в некоей до-
лине,
Не достигнув еще полноты лет.
52. Но вчера утром я повернул к ней плечи:
Этот предстал, когда я чуть не возвратился,
И привел меня к дому этою стезей».
55. И он мне: «Если будешь следовать за сво-
ей звездой,
Ты не сможешь миновать врат славы,
Если верно я заметил в милой жизни.
58. И если-бы не столь рано я скончался,
То видя благосклонность к тебе Неба,
Я оказал-бы тебе в трудах поддержку.
61. Но неблагодарный, злобный народ,
Что в древности сошел из Фьезоле,
И отзывает еще горами и камнем,
64. Станет тебе, за твое добро, врагом.
И это так; ибо среди терпких рябин
Не пристало зреть сладкой фиге.
67. Давняя слава зовет их в мире слепцами;

Народ скупой, завистливый и гордый:
Старайся не грязниться их обычаями.

70. Тебе судьбою уготована такая честь,
Что обе партии станут жаждать
Тебя: но далека будет ягода от их клювов.
73. Пусть обратят себя самих фьезоланские
звери
В подстилку для скота, но да не трогают
растения,
Если какое-либо вырастает еще на их на-
возе,
76. В котором оживет священный посев
Тех римлян, что остались там, когда
Было основано гнездо подобного коварства».
79. «Если-б исполнилась вся моя мольба»,
Ответил я: «вы не были-бы еще
Изгнаны из человеческого рода:
82. Ибо в моем уме запечатлелся, и сейчас
Меня печалит дорогой, добрый ваш образ,
Отеческий, когда в земной жизни
85. Вы научали меня, как входит человек в
бессмертие:
И сколь я благодарен вам, надлежит
Высказать на моем языке, пока я жив.
88. Ваш рассказ о моем будущем я записываю
И храню, чтобы вместе с другим предска-
занием
Их разъяснила Дама знающая, если до нее
дойду.

Мог бы того увидеть, кто слугою слуг
Был переведен с Арно на Баккильоне,
Где он и сложил свои исковерканные члены.
Больше сказал-бы я; но идти и говорить
Далее нельзя, ибо я вижу,
Что там из песка встает новый дым.
Приближаются те, с кем я не должен быть:
Обращайся к моему «ТЕЗОРО»,
Где я живу еще; и более не спрашивай».
Затем он повернулся, став подобен тем,
Кто в Вероне мчится за зеленым сукном
По полю; казалось он из тех,
Кто побеждает, а не кто проигрывает.

ПЕСНЬ ШЕСТНАДЦАТАЯ

Третье кольцо седьмого круга: насильники над природой; содомиты. — Гвидо Гверра, Теггьяйо Альдобранди и Якопо Рустикуччи. — Гульельмо Борсьере. — Водопад. — Герин.

1. Я находился уже там, где гул
Воды, падающей в другой круг,
Подобен гудению пчел в улье,
4. Когда три тени одновременно отделились
Отбегая от ватаги, проходившей
Под дождем едкого мучения.
7. Они приблизились к нам; и кричали:
«Остановись, ты, по одежде кажущийся
Родом из порочной нашей страны».
10. О, сколько ран увидел я на их телах,
Свежих и старых, нанесенных пламенем,
Еще и посейчас скорблю, лишь о них
вспомню.
13. При их криках Учитель мой остановился,
Обратил лицо ко мне и сказал: «Теперь
Подожди, с этими следует быть учтивым.

16. И если бы ранящий огонь не был
Свойствен этому месту, я бы сказал,
Что скорей тебе следовало бы спешить,
чем им».
19. Они вновь начали, когда мы остановились,
Давнюю жалобу; и подошедши к нам,
Все трое образовали из себя круг.
22. Как обычно делают борцы, голые и нама-
ленные,
Примериваясь к жертве и соображая пре-
имущества,
Прежде чем начать бой и наносить удары:
25. Так в кружении каждый обращал
Ко мне лицо, и обратно шеям
Совершали ноги непрерывное движение.
28. «Увы, хотя горестность этого зыбкого
места,
И его окраска и обнаженность», начал один
из них:
«Располагают презирать и нас и просьбы
наши,
31. Все-же да подвигнет наша слава твою душу
Сказать кто ты, чьи живые ноги
Попирают Ад столь уверенно.
34. Этот, по чьим следам, видишь, я ступаю,
Сколь ни наг, ни общипан, шествуя сейчас,
Принадлежал к роду высшему, чем ты
думаешь.
37. Он был внуком доброй Гвальдрады:

- Гвидо Гверра звали его, и в своей жизни
Совершил он достаточно разумом и мечем.
40. Другой, топчущий за мною песок —
Теггьяйо Альдобранди, голос коего
Надлежало-бы получше слушать там на
земле.
43. И я, вознесенный на крест вместе с ними,
Был Якопо Рустикуччи; и право,
Надменная жена более всего навредила
мне».
46. Если-бы я был в безопасности от огня,
То бросился-бы туда к ним вниз;
И думаю, Наставник не противился бы
этому.
49. Но так как я обжегся-бы и сжарился,
То боязнь победила мое доброе намерение,
Побуждавшее меня обнять их.
52. Затем я начал: «Не презрение, но боль
За вашу участь так овладела мною,
Что долго я не мог избавиться от нее,
55. Как только этот Повелитель мой сказал
Слова, давшие мне понять, что
Приближаются такие люди, как вы.
58. Из вашей страны я; и всегда
С горячностью передавал и выслушивал все
О ваших подвигах и почтенных именах.
61. Я покидаю горечь и иду за сладкими
плодами,
Обещанными мне праведным Вождем;

Но прежде мне надлежит спуститься
вглубь».

64. «Пусть долго еще сопровождает душа
Тело твое», ответил он тогда,
«И пусть светится твоя слава после тебя.
67. Изящество и доблесть, скажи, живут-ли еще
В нашем городе, как подобает,
Или все это изгнано из него?
70. Ибо Гульельмо Борсьере, страждущий с
нами
Еще недолго, и с другими идущий,
Не мало мучит нас своими рассказами».
73. «Новые люди и внезапные обогащенья
Породили гордость и распущенность в тебе,
Флоренция, и ты сама себя оплакиваешь».
76. Так вскричал я, подняв голову:
Три-же тени, принявшие это за ответ,
79. Взглянули друг на друга, как смотрят, слы-
ша истину.
«Если и во всех случаях так легко для
тебя»,
Ответили они: «удовлетворить ближнего,
То счастлив ты, говоря подобным образом.
82. Потому, если выйдешь из этих мрачных мест
И возвратясь увидишь чудные звезды,
То когда захочется тебе сказать: «я был
там»
85. Сделай, чтобы говорили и о нас».
Затем они нарушили круг, и в беге

Спина-же и грудь, и оба бока
Испещрены узлами и кружочками.

16. Более пестрых тканей не изготовляли
Никогда ни Турки, ни Татары,
И не пряла подобных даже и Арахнэ.
19. Как иногда стоят у берега лодки,
Частью в воде, частью на суше;
И как там, у обжор немцев,
Приседает бобёр, готовясь к охоте;
Так держался и мерзейший зверь
У рубежа, опоясывающего камнем пески:
25. В пустоте извивал он свой хвост,
Поднимая вверх ядовитую развилину,
Вооружавшую его конец на подобие
скорпиона.
28. Вождь сказал: «Теперь надлежит нашему
пути
Отклониться немного к этому
Злобному животному, растянувшемуся
там».
31. Поэтому мы спустились вправо
И прошли десять шагов по краю,
Чтобы лучше избежать песка и пламени:
34. И когда приблизились к нему,
Несколько далее увидел я на песке
Людей, сидевших недалеко от пропасти.
37. Здесь мне сказал Учитель: «Чтобы ты имел
Полное понятие об этом круге,
Иди теперь и посмотри на участь их.

40. Да будут там недолги твои слова:
До твоего возвращения я поговорю с этим,
Чтобы он уступил нам крепкие свои плечи».
43. Так к самому последнему пределу
Того седьмого круга, в полном одиночестве,
Направился я; там сидели горестные люди.
46. Глазами выдавали они свою скорбь:
Туда, сюда устремляли они руки,
Укрываясь ими и от пара, и от горячего
песку.
49. Не иначе летом отбиваются собаки
То мордами, то лапами, когда их кусают
Блохи, или мухи, или овода.
52. Обратив взор на лица некоторых,
На кого падал мучительный огонь,
Я не узнал никого; но заметил,
55. Что на их шеях висели кошели
Известного цвета и с известным знаком,
И казалось, что их взоры паслись на них.
58. И когда разглядывая я подошел к ним,
То на одной желтой сумочке увидел
Голубое с обликом и видом льва.
61. Затем, продолжая путь своего взгляда,
Я усмотрел другую суму, краснее крови,
С изображением гуся белее масла.
64. И тот, чей голубой и толстой свиньей
Был отмечен белый мешочек,
Сказал мне: «Что делаешь ты в этой яме?»
67. Уйди отсюда: и так как ты еще не умер,

- Знай, что мой сосед Виталиано
Будет сидеть здесь, слева от меня.
70. Среди этих Флорентинцев я из Падуи;
Часто оглушают они мой слух
Криками: «Выходи, самый главный,
73. Неси суму с тремя клювами».
Затем он скривил рот и высунул
Язык, как бык, облизывающий ноздри.
76. И я, боясь остаться дольше, чтоб не
огорчить
Того, кто наставлял меня побыть немного,
Повернул назад от душ усталых.
79. Я застал Вождя моего уже сидящим
На крупе дикого животного;
И он сказал мне: «Будь-же тверд и му-
жествен.
82. Отсюда сходят лишь по таким лестницам;
Садись вперед, я хочу быть посредине,
Чтобы хвост не причинил тебе вреда».
85. Как тот, к кому столь близок озноб четы-
рехдневной
Лихорадки, что у него побелели уже ногти.
И он дрожит от одного взгляда на тень;
88. Таков стал я при этих словах;
Но его угрозы привели меня в стыд,
Делающий слугу сильным при достойном
господине.
91. Я сел на эти огромные плечи.
Так я хотел сказать: «Обними-же меня»,

Но голос не повиновался мне, как я надеялся.

94. А тот, кто не однажды помогал мне
Раньше, лишь только я взобрался,
Крепко обвив меня руками, поддержал.
97. И сказал: «Трогайся-же, Герион,
Пусть круги будут шире, а спуск отложе;
Помни о новой ноше, которую несешь».
100. Как отчаливая отходит судно
Все назад, назад; так и он снялся,
И когда почувствовал себя вполне на воле,
103. Туда, где была грудь, повернул хвост
И выпрямив, двинул им подобно угрю,
И лапами забирал под себя воздух.
106. Не думаю, чтобы большой страх охватил
Фаэтона, когда он выпустил возжи,
Благодаря чему небо, как и сейчас видно,
сожглось.
109. Или бедного Икара, когда он почувствовал,
Что спина его лишается перьев от нагревавшегося воску,
А отец крикнул ему: «Твой путь неверен!»
112. Чем было и со мною, когда я увидел, что
Со всех сторон вокруг воздух, где ничего
Нельзя рассмотреть кроме животного.
115. Оно удаляется, плывя тихо, тихо;
Кружит и спускается, но я замечаю это
лишь по тому,
Что в лицо и снизу дует мне ветер.

118. Я слышал уже, что с правой стороны
Под нами ужасающе бурлит водоворот;
Поэтому опустил вниз голову и глаза.
121. Тогда я еще более побелел при виде бездны,
Ибо усмотрел огни, и услышал стоны;
И весь затрепетав, я съежился.
124. А затем увидел, чего не видал ранее:
Кругообразный спуск, в смене великих мук,
Приближавшихся с различных сторон.
127. Как сокол, долго державшийся на крыльях,
Не видя ни приманки и ни птицы,
Которому охотник говорит: «Ах, возвра-
щайся!»
130. Усталый спускается оттуда, где летал
проворно,
Сотнею кругов, и садится далеко
От своего хозяина, злой и недовольный;
133. Так ссадил нас в глубине Герион,
У самого подножия рухнувшей скалы,
И освободившись от наших тел
136. Умчался, как стрела из лука.
-

ПЕСНЬ ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Восьмой круг; первый лог: сводники и соблазнитель. — Венедико Каччианимико. — Язон. —
Второй лог: лстецы. — Алессио Интерминей.

1. Злыми логами именуется в Аду место,
Все из камней железистого цвета,
Как и ограда, окружающая его.
4. В самой середине злостного поля
Зияет колодец, довольно широкий и глубокий,
Об устройстве коего скажу, где следует.
7. Итак, тот пояс, что остается между
Колодцем и подножием высокого крепкого берега,
Кругообразен и глубь его разделена на десять долин.
10. Какой вид имеет та часть замка,
Где для охранения стен
Множество рвов опоясывают его,
13. Так представлялись здесь и они.

- И как в тех крепостях с их порога
Перекинуты на другой берег мостики,
16. Так от подножия скалы воздымались
Каменные гряды, пересекавшие плотины и
рвы
Вплоть до колодца, обрубавшего и погло-
щавшего их.
19. В этом месте сброшенные со спины
Гериона оказались мы; и Поэт
Пошел налево, а я двинулся за ним.
22. Справа я увидел новые горести;
Новые пытки и новых палачей,
Которыми наполнялся первый лог.
25. На дне его были нагие грешники:
От середины одни двигались нам навстречу,
Другие же шли с нами, но быстрее.
28. Так Римляне, при стечении народа
В год Юбилея, установили проход
По мосту в определенном виде:
31. Одна сторона для всех, кто смотрит
На Кастелло и идет к Сан-Пьетро,
А другая для идущих к холму.
34. Там и сям на мрачном утесе
Видел я рогатых демонов с огромными
бичами,
Которые жестоко били грешников по задам.
37. О, как взлетали их ноги
При первом же ударе, и уж никто
Не ожидал второго или третьего!

40. И вот глаза мои встретили
Одного и я тотчас сказал:
«Где-то я уже видел этого».
43. Чтобы рассмотреть его, я приостановился,
И добрый Вождь также замедлился со мной,
Дозволив мне отойти немного назад.
46. И тот бичуемый полагал, что укроется,
Склонив лицо, но это мало помогло ему;
Ибо я сказал: «Ты, воззрившийся в землю,
49. Если внешность, которою обладаешь, не
ложна,
Ты Венедико Каччианимико;
Но что ведет тебя к столь едким при-
правам?»
52. И он мне: «Говорю об этом неохотно;
Но принуждает к тому ясная твоя речь,
Заставляющая вспоминать о былом мире.
55. Я был тем, кто прекрасную Гизолу
Отдал в полную власть Маркиза,
Как-бы ни гласило о том гнусное повест-
вованье.
58. И не один плачу я здесь, Болонец:
Напротив, так полно ими это место,
Что столько языков не говорит ныне
61. Сира между Савеною и Рено:
И если хочешь получить уверенность и под-
твержденье,
То вспомни лишь о нашей жадности».
64. Когда он говорил это, демон ударил его

- Своим ременным кнутом, воскликнув:
«Прочь,
Сводник, здесь нет женщин для забав».
67. Я присоединился к своему спутнику:
Через несколько шагов мы подошли
К некоему утесу, выдававшемуся из берега.
70. Без затруднения взошли мы по нем
И повернув направо по его хребту
Покинули эти вечные круги.
73. Когда оказались мы там, где внизу
Зияет в нем отверстие для прохода
бичуемых,
Вождь сказал: «Остановись, и пусть мет-
нутся в тебя
76. Лица этих остальных отверженных,
Которых ты не видел еще спереди,
Ибо они шли вместе с нами».
79. С древнего моста смотрели мы на вереницу,
Приближавшуюся к нам от другой шайки,
И которую также хляскал бич.
82. Добрый Учитель, не ожидая моего вопроса,
Сказал: «Взгляни на этого высокого, что
шестьует,
И в муке, видимо, не проливает ни одной
слезы:
85. Сколь царствен все еще его вид!
Это Язон, что смелостью и разуменьем
Отнял руно у жителей Колхиды.
88. Проездом он посетил остров Лемнос,

Где отважные, безжалостные женщины
Предали всех своих мужчин смерти.

91. Там изливаниями и пышными словами
Он обманул юную Ипсипилу,
Которая ранее того обманула всех других.
94. Он покинул ее беременную, в одиночестве:
За такую вину он терпит такую муку;
А также за Медею возмещается ему.
97. С ним идут те, кто обманывает так-же:
И этого довольно знать о первой долине
И о тех, кто в ней терзается».
100. Мы были уже там, где узкая тропа
Скрещивается со второй плотиной
И образует из нее плечи следующей арки.
103. Оттуда мы услышали, как стонут тени
В другом логоу и как фыркают ноздрями,
И бьют сами себя ладонями.
106. Прибрежья были покрыты корой плесени
От испарений снизу, которые оседали там,
Затевая ссору с обонянием и глазом.
109. Дно это столь темно, что дабы его видеть
Надо выбираться на вершину
Арки, где утес более высок.
112. Туда пришли мы, и оттуда в глубине рва
Увидел я людей, погруженных в испраж-
нения,
Как будто спущенные из человеческих нуж-
ников.
115. И когда я устремил взор вниз,

То увидел голову, так измазанную дерьмом,
Что неизвестно было, мирянин это, или-же
духовный.

118. Он крикнул мне: «Почему столь жадно ты
Рассматриваешь меня, а не других
мерзких?»

И я: «Ибо если память мне не изменяет,
121. Я видел тебя некогда с сухими волосами,
И ты Алессио Интерминеи из Лукки:
Поэтому гляжу внимательнее на тебя, чем
на других».

124. Тогда он хлопнул себя по башке:
«Меня свела в эту глубь лстивость,
Для которой был всегда несyt мой язык».

127. После чего Вождь: «Склони», сказал мне,
Несколько вперед свое лицо,
Дабы глаза лучше разглядели облик

130. Этой грязной девки с растрепанными
волосами,
Что чешется своими дерьмовыми ногтями,
И то садится на корточки, то встает.

133. Это Таисия, блудница, ответившая
Своему любовнику, когда он сказал: «Очень
ли
Ты ко мне благосклонна?» «Да, необы-
чайно».

136. И на этом насытились наши взоры.

ПЕСНЬ ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Круг восьмой; лог третий: Симониаки. — Папа
Николай III.

1. О Симон маг и его жалкие последователи,
Вы, хищники, что Божественные дела,
Кои с доблестью должны были обручаться,
4. За золото и серебро предали поруганию:
Надежит ныне и над вами возгреметь
трубе,
- Ибо и вы в третьем логе.
7. Мы уже были, взойдя над следующей
Могилой, в той части гряды,
Что над серединою подымается отвесно.
10. О высшая Премудрость, каково твое
искусство,
Являемое в небе, на земле и в злом мире.
И как праведно распределяет твоя добро-
детель!
13. Я увидел, что на боках своих и на дне весь
Мертвенно-бледный камень полон дыр,
Одинаковой ширины; и все они круглы.

16. Они не показались мне полнее или больше
Тех, что в моем чудном С. Джованни
Устроены для мест купелей;
19. Из них одну, несколько лет назад,
Разбил я, спасая утопавшего в ней:
И да будет это свидетельством истины для
всех.
22. Из отверстий выступали наружу
Ноги грешника и голени,
До икр; остальное же находилось внутри.
25. У всех них пылали огнем обе подошвы
И потому так сильно дергались суставы,
Что разорвали-бы и крученые веревки и
витые.
28. Как обычно, когда горят намащенные вещи,
Пламя передвигается по самой поверхности;
Так было и тут, от пяток до концов пальцев.
31. «Кто этот, Учитель», сказал я,
«Что дрыгая беснуется более других,
И кого сосет более красное пламя?»
34. И он мне: «Если хочешь, чтобы я свел тебя
Вниз по тому берегу, уходящему вглубь,
То узнаешь от него о нем и его грехах».
37. И я: «То хорошо для меня, что тебе пра-
вится:
Ты господин, и ты знаешь, что я не удаляюсь
От твоего желания; и знаешь то, о чем
умалчиваю».
40. Тогда мы вышли на четвертую плотину,

Затем вздохнул, голосом жалобным
Сказал мне: «Что-же ты спрашиваешь у
меня?»

67. Если желанье знать, кто я, так тебя давит,
Что для этого ты спустился с берега,
То знай, что я носил великую мантию;
70. И действительно был сыном Медведицы,
Столь алчным к благоденствию медвежат,
Что на земле имущество, а здесь себя ки-
нул в кошель.
73. Ниже моей головы затиснуты другие,
Мои предшественники в симонии,
Распластанные по расщелине камня.
76. Вниз провалюсь также и я, когда
Придет тот, за кого я тебя принял,
Задав тебе этот внезапный вопрос.
79. Но дольше жарил уж я свои ноги,
И стоял так, полувверху, полувнизу,
Чем проторчит он, с красными ногами:
82. Ибо после него придет за худшие дела
Пастырь с запада, нарушитель закона,
Такому-то и надлежит прикрыть обоих нас.
85. Это будет новый Язон, о котором сказано
У Маккавеев; и как к тому был мягок
Его царь, так и к этому будет правящий
Францией».
88. Не знаю, не был ли я слишком дерзок,
Отвечая ему следующими словами:
«О, скажи теперь мне, какого же сокровища

91. Пожелал Господь от Апостола Петра,
Когда отдал в его власть ключи ?
Воистину, лишь позвал: «Следуй за мною».
94. Ни Петр, и ни другие не потребовали у
Матфея
Золота или серебра, когда ему досталось
Место, утерянное преступною душою.
97. Стой же здесь, ибо ты праведно наказан;
И хорошо храни плохо доставшиеся деньги,
Побудившие тебя выступить против Карла.
100. И если бы не сдерживало меня
Уважение к верховным ключам,
Коиими ты владел в светлой жизни,
103. Я изыскал бы еще горшие слова:
Ибо жадность ваша омрачает мир,
Угнетая добрых и возвышая злых.
106. Вас, пастыри, заметил Евангелист,
Когда ту, что восседала на воде
Увидел в блудодеянии с царями:
109. Ту, что родилась с семью головами,
И в десяти рогах имела оплот,
Пока добродетель нравилась ее супругу.
112. Вы создали Бога из золота и серебра:
И не тем ли только отличаетесь от
Язычника, что у него один бог, а у вас сто?
115. О Константин, какое зло порождено
Не обращением твоим, а тем даром,
Что принял от тебя первый богатый Папа».
118. И пока я напевал ему подобные упреки,

- От злости или угрызения совести
Он еще сильнее дрыгал обеими ступнями.
121. Я думаю, что это нравилось Вождю,
С таким довольным видом слушал он
Звуки слов, выразивших истину.
124. Он обнял меня обеими руками,
И привлеки к себе на грудь,
Пошел вверх тем же путем как и спускался.
- 127... Он не уставал прижимать меня к себе,
И нес до самого верха арки,
Перекинутой с четвертой плотины к пятой.
130. Там мягко опустил свой милый
Груз на дикий и обрывистый утес,
Что и для коз явился-б тяжкою тропой.
133. Оттуда следующая долина мне открылась.
-

ПЕСНЬ ДВАДЦАТАЯ

Круг восьмой; лог четвертый: предсказатели. —
Амфиарей. — Тирезий. — Арон. — Манто.
— Эврипил. — Скотт. — Асденте.

1. О новой каре надлежит мне слагать стихи,
Давая содержание двадцатой песни
Первой канцоны о погребенных.
4. Я был уже вполне готов
Взглянуть в открывшуюся глубину,
Которая купалась в горестных стонах.
7. И я увидел людей в кругообразной долине,
Приближавшихся молча и в слезах,
Как выступают литании в нашем мире.
10. Когда я наклонил лицо к ним ниже,
То у каждого заметил удивительное
Скривление меж грудью и подбородком:
13. Ибо к спине были обращены их лица.
И задом надлежало им двигаться,
Так как взгляда вперед они лишились.
16. Быть может, силою паралича

Скривился так кто-либо из них;
Но я не видел этого, и не верю.

19. Если Господь даст тебе, читатель, ^{плод}
Твоего чтения, то поразмысли про себя,
Как мог я сохранить лицо сухим,
22. Когда вблизи увидел наши облики
Столь искаженными, что слезами глаз
Ягодицы омывались по разрезу?
25. Да, я заплакал, прислонясь к выступу
Суровой скалы, так что мой Вожатый
Сказал мне: «Ты все еще в числе глупцов?
28. Здесь тогда живо сострадание, когда оно
умерло.
Кто более преступен, нежели тот,
Кто вносит чувство в правосудие Божие?
31. Подыми голову, подыми и погляди, пред
кем
Разверзлась, на глазах Фиванцев, земля,
Так что все кричали: «Куда падаешь
34. Амфиарей? почему бросаешь ты войну?
И он безостановочно падал в бездну,
До самого Миноса, всех хватящего.
37. Гляди, как в грудь обратил он свои плечи:
Пожелав видеть слишком далеко вперед,
Назад он смотрит, совершая путь обратный.
40. Посмотри на Тирезия, изменившего внеш-
ность,

- Когда из мужчины обратился он в женщину,
Переменив все свои члены на иные;
43. И затем вновь пришлось ему побить
Прутом двух змей, свившихся между собою,
Прежде чем возвратилось к нему мужское
оперение.
46. Арон — тот, что касается спиною его
брюха;
В горах Луни, где возделывает землю
Каррарец, находящий себѣ приют ниже,
49. У него была среди белых мраморов пещера
Где он жил; и созерцать звезды
И море не препятствовало ему ничто.
52. И та, что закрывает свои груди,
Которых ты не видишь, распущенными
косами,
И у кого там же все волосатые части,
55. Была Манто, бродившая по многим землям;
Позже она основалась там, где я родился;
Вот почему я бы хотел, чтобы ты выслушал
меня.
58. Когда отец ее удалился из жизни,
И был поработен город Вакха,
Долго скиталась она по свету.
61. Наверху, в чудной Италии, есть озеро,
У ног тех Альп, что замыкают Аллеманию,
Над Тиродем, по имени Бенако.
64. Тысячью, думаю, источников, и более, пи-
тается оно

- Меж Гардой, Валь-Камоникой и Аппени-
нами
Теми водами, что затем дремлют в озере.
67. На нем посреди есть место, где Трен-
тинский
Пастырь, как и Брешианский и Веронский
Могут благословлять, если совершат путь,
70. Лежит Пескиера, чудный и могуществен-
ный оплот,
Защищающий от брешианцев и бергамцев
Там, где берег больше понижается.
73. Сюда указано сливаться всему тому,
Чего не может удержать лоно Бенако,
И ниже образуется река в зеленых паст-
бищах.
76. Лишь только вода тронется отсюда,
Уже не Бенако, а Минчио она зовется,
До самого Говерно, где впадает в По.
79. Отойдя немного она встречает низину,
По которой разливаются, образуя болото,
Иногда летом становящееся зловонным.
82. Когда суровая дева проходила тут,
То увидела землю посреди топей,
Необработанную и лишенную обитателей.
85. Там, чтобы избежать людского общества,
Она остановилась со своими слугами и
чарами,
И поселилась, и оставила безжизненное
тело.

88. А затем люди, рассеянные по окрестности,
Собрались к этому месту, бывшему крепким
Благодаря топи, облежавшей его отовсюду,
91. Основали город на костях умершей,
И по той, кто первая избрала место,
Мантуей назвали его, не вопрошая судьбы.
94. Прежде более жителей вмещало оно,
До тех пор пока безразсудство Казалоди
Не подпало обману Пинамонте.
97. Сообщаю это, чтобы если ты услышишь
Иное о происхождении моей родины,
Никакая ложь не исказила бы истины».
100. И я: «Учитель, твои речи
Столь для меня истина и я столь верю им,
Что всякие другие стали бы для меня по-
тухшими углями.
103. Но скажи о людях, что проходят,
Не видишь-ли кого-либо достойного вни-
мания?
Ибо только этим занят ум мой».
106. И он сказал мне: «Тот, у кого со щек
Падает борода на темные плечи,
Был авгуром, когда Греция столь обеднела
109. Мужчинами, что они оставались лишь в ко-
лыбелях.
И сообщая с Калхасом дал он знак
В Авлиде рубить первый якорный канат.
112. Он носил имя Эврипила, и так воспевают его

- В одном месте моя высокая Трагедия;
Ты хорошо знаешь это, ибо знаешь ее всю.
115. А тот другой, со столь тощими боками,
Был Микеле Скоттом, что воистину
Познал игру магических обманов.
118. Ты видишь Гвидо Бонатти, видишь Асденте,
Который рад был бы теперь обратиться
К своей сапожной коже, и к бритве, но
поздно кается.
121. Видишь несчастных, бросивших иглу,
Челнок, веретено, чтобы сделаться ве-
щуньями:
Они творили колдовство над травами и
образами.
124. Но идем, ибо Каин со своими терниями
Уж сошел к границам обоих полушарий
И ниже Севильи коснулся моря.
127. И уже прошлой ночью было полнолуние:
Ты должен это помнить, ибо не вредил он
тебе
Кое-где там в глубоком лесу».
130. Так говорил он мне, а мы все шли.
-

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Круг восьмой; лог пятый: взяточники. — Луккский магистрат. — Злые Когти. — Малакода. —
Комедия с дьяволами.

1. Так, с моста на мост, разговаривая о
разном,
О чем не намерена петь моя Комедия,
Двинулись мы вперед и взойдя наверх арки
4. Остановились, чтобы взглянуть на другую
щель
Злых логов, и на иные тщетные жалобы;
И я увидел в ней необычайную тьму.
7. Как в Арсенале у венецианцев
Зимою кипит клейкий вар
Для заливания пострадавших кораблей,
10. Которые не могут плавать; и вот,
Кто строит новое судно, кто конопатит
Бока того, что совершило уже много стран-
ствий;
13. Один заклепывает нос, другой корму;

- Тот трудится над всслами, тот вьет веревки;
А тот латает малый парус, или большой;
16. Так не огнем, но божественным искусством
Кипела внизу густая смола,
Облепившая берег со всех сторон.
19. Я видел ее, но в ней видел
Лишь пузыри, подымавшиеся кипением,
И вся она вздувалась и вновь оседала.
22. Я пристально вглядывался в глубину, когда
Вождь, сказав мне: «Берегись-же, бе-
регись!»,
Привлек к себе от места, где я находился.
25. Тогда я обернулся, как человек жаждущий
Увидеть то, от чего следует бежать,
И которого подавляет внезапный страх;
28. Но увидев, он все-таки уйти медлит.
И позади нас я увидел черного дьявола,
Взбегавшего наверх по утесу.
31. О сколь свирепый вид был у него!
И каким грозным показался он мне,
С простертыми крыльями, на легких ногах!
34. Его плечо, острое и высокое,
Отягчал обоими своими ляшками грешник,
Которого он держал за лодыжки.
37. «О, злые когти», сказал демон с нашего
моста,
«Вот один из старейшин Святой Циты:
Бросьте его поглубже, ибо опять я от-
правляюсь

40. В ту сторону, где таких достаточно.
Все там продажны, за исключением Бон-
туро:
Из нет за деньги делают там да».
43. Он кинул его вниз, и по обрывистой скале
Ринулся за ним, и никогда спущенный пес
Не гнался за вором с такою рьяностью.
46. Грешник погрузился и выплыл скорченный,
Но демоны, находившиеся под мостом,
Вскричали: «Здесь нет святой иконы;
49. Здесь плавают не так, как в Серкио.
И если не желаешь когтей наших,
То не высывайся слишком из смолы».
52. Подцепивши его более чем сотней крючьев,
Они сказали: «Ну, попляши, покрытый
варом,
И если сможешь, втихомолку поплутуй».
55. Не иначе повара велят подручным
Погружать в глубину котла мясо,
Длинными вилками, чтобы оно не
всплывало.
58. Добрый мой учитель сказал мне: «Дабы не
видно было
Что ты здесь, спрячься и присядь .
За выступом, который даст тебе прикрытие;
61. И какое-бы оскорбление мне ни нанесли,
Не бойся, ибо я все это знаю,
Однажды побывав уже в подобной свалке».

64. Затем он перешел к концу моста;
И когда вступил на шестой берег,
То должно было ему сохранить ясность чела.
67. С той яростью и с тою бурей,
Как выскакивают псы на бедняка,
Взывающего с места, где остановился,
70. Кинулись демоны из-под мостика
И направили на него все свои крючья.
Но он вскричал: «Только посмей какой-
нибудь:
73. Прежде чем подхватят меня ваши багры,
Пусть приблизится кто-либо из вас и вы-
слушает,
А затем уже решайте, подымать ли меня».
76. Все закричали: «Иди ты, Малакода»;
И вот один выступил, остальные же стояли;
И он приблизился к нему, сказав: «Что тебе
надобно?»
79. «Думаешь ли, Малакода, что видишь меня
Здесь у вас», сказал Учитель мой,
«Недосягаемым для всех ваших оружий
82. Помимо воли Господа и благостного Про-
видения?
Пропусти же меня, ибо на Небесах желают,
Чтобы я показал кое-кому этот дикий путь».
85. Тогда столь сократилась его гордость,
Что он уронил багор к своим ногам,
И сказал остальным: «Не трогайте его».

Но раньше закусил языки зубами,
Обернувшись к предводителю, как бы давая
знак.

139. Он же обратил свой зад в трубу.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Круг восьмой; лог пятый: взяточники. — Чиамполо Наваррец. — Фра Гомита. — Микеле Цанке. — Драка дьяволов.

1. Я видел некогда всадников, выступающих
из лагеря,
И начинающих бой, и гарцующих на
параде,
И иногда возвращающихся разбитыми.
4. Я видел набеги на ваши земли,
О Аретинцы, и видел наезды,
Схватки турниров и бой на копьях,
7. То при трубах, то под колокола,
Под барабаны и по сигналам с крепостей,
И по обычаям нашим, и чужеземным.
10. Но никогда под столь странную свирель
Не видел я движения ни всадников, ни
пешеходов;
Как и судов, по знакам с суши, или
звездам.
13. Мы шли с десятью демонами:

- О, дикое сообщество! Однако — в церкви
Со святыми, в кабаке с пьяницами.
16. Но на смолу обратил я свое внимание,
Дабы увидеть всю внутренность лога,
И всех людей, сжигавшихся там.
19. Как дельфины, подающие знаки
Морякам изгибами своих спин,
Чтобы они заботились о спасении корабля:
22. Подобным образом, облегчая себе казнь,
Выставлял спину какой-нибудь грешник,
И прятал ее быстрее молнии.
25. И как у краев воды в канаве
Держатся лягушки, высунув наружу морды,
Так что лапки их и туловища скрыты, —
28. Так повсюду расположились грешники.
Но лишь только подходил Барбаричча,
Тотчас они скрывались в кипении.
31. Я видел, и сейчас еще замирает сердце:
Один из них замедлился, как иногда бывает,
Что одна лягушка останется, а другая
нырнет.
34. И Граффиакане, ближе всех бывший к
нему,
Подцепил его за просмоленные волосы
И вытащил наверх, мне показалось, точно
выдру.
37. Я уже знал имена всех этих демонов,
Ибо обратил внимание, когда их выбирали,
А как звали они друга запомнил.

40. «О Рубиканте, приладь-ка ему к спине
Свои когтищи, да сдери шкуру»,
Кричали в один голос все проклятые:
43. И я: «Учитель, если можешь, то
Узнай, кто этот несчастный,
Что попал в руки своих недругов».
46. Вождь мой приблизился к нему,
Спросил, откуда он, и тот ответил:
«Я родом из наваррского королевства,
49. Мать отдала меня на службу к одному
владельцу,
Ибо произвела на свет от негодя,
Погубившего себя самого и свое имущество.
52. Затем вошел я в доверие к доброму королю
Тебальдо;
Там и стал мошеннически наживаться,
За что расплачиваюсь в этом пекле».
55. И Чириатто, у которого изо рта
В обе стороны торчали клыки, как у кабана,
Дал ему ощутить, как один из них остр.
58. Злым котам попалась эта мышь;
Но Барбариччия, схватив грешника в
охапку,
Сказал: «Ни с места, пока я сижу на нем».
61. И обратив лицо к Учителю моему —
«Спрашивай», сказал, «если желаешь
Узнать еще, пока его не растерзали».
64. И Вождь: «Скажи теперь о других злодеях,
Не знаешь ли какого-нибудь Латинца

Там, под смолою?» И грешник: «Только
что

67. Я расстался с одним из соседней страны.
Был бы я еще погружен с ним вместе,
Так не боялся-бы ни когтей, ни крючьев».

70. И Либикокко: «Слишком долго», сказал,
«Терпели мы его», и зацепил багром за
руку,

Так что рванув, оторвал мышцу.

73. И Драгиньяццо собирался ухватить его
Снизу за ноги; но тогда предводитель
Окинул всех их сердитым взором.

76. Когда они немного успокоились,
К тому, кто все еще смотрел на свою рану,
Обратился тотчас же мой Вождь:

79. «Кто был тот, от кого на беду отошел
Ты, как говоришь, приблизившись к
берегу?»

И он ответил: «Это был фра Гомита,

82. Из Галлуры, сосуд всяческих козней,
Державший врагов своего господина в
руках

И поступивший с ними так, что они же его
хвалили.

85. Он взял с них деньги и без суда выпустил,
Как сам рассказывает: и в других делах
Плут был неменьший, но главнейший.

88. С ним беседует Микеле Цанке

- Из Логодоро; и говорить о Сардинии
Не чувствуют усталости их языки.
91. Увы! взгляните на того, скалящего зубы.
Я рассказал бы и еще: но боюсь, как бы он
Не явился и не начесал мне шкуру».
94. А чортов настоятель, обернувшись к Фар-
фарелло,
Тарацившему глаза в стремлении к бою,
Сказал: «Ну, смирно, злая птица!»
97. «Если хотите видеть, или слышать»,
Вновь заговорил испуганный грешник,
«Тосканцев или Ломбардцев, я их приведу.
100. Но пусть отступят хоть немного Злые
Когти,
Чтобы те не устрашились их отмщения;
И я, сидя на этом самом месте,
103. Взамен себя одного приведу семерых,
Свистнув как у нас принято,
Когда кто-нибудь высунется наружу».
106. Каньяццо при таких словах поднял морду,
Потряхивая головою, и сказал: «Эку
хитрость
Выдумал он, чтобы прыгнуть вниз!»
109. И тот, у кого довольно было всяческих
лукавств,
Ответил: «Что это за хитрость,
Если сотоварищам я доставляю беды еще
горшие?»
112. Аликино не удержался, и наперекор

- Другим сказал ему: «Если соскочишь,
Я не галопом устремлюсь за тобой,
115. Но забью над смолой крыльями,
Оставим тебе пригорок*), нам щитом бу-
дет скала,
И посмотрим, сильнее ли ты один всех нас».
118. И ты, читающий, услышишь ныне о новой
забаве.
Все устремили взоры на другой берег,
И первым тот, кто больше всех упорствовал.
121. Наваррец хорошо воспользовался временем,
Уперся ногами в землю, и тотчас же
Прыгнул, избавляясь тем от их намерений.
124. Это смутило всех сознанием вины,
Особенно того, кто был причиной промаха;
Поэтому он бросился, крича: «Ты не
уйдешь!»
127. Но тщетно: ибо за боязнь крылья
Не смогли угнаться; тот скрылся вниз,
Этот, взлетая, поднял кверху грудь.
130. Не иначе и утка, вдруг, внезапно,
При появлении сокола, ныряет вглубь,
Он же возносится наверх, сердитый и по-
давленный.
133. Калькабрина же, разозленный этой про-
делкой,
Летая, держался позади него, довольный

*) То-есть свободный проход чрез пригорок, а сами спрячемся за скалой.

Что грешник спасся, ибо теперь мог
драться.

136. И только лишь исчез мошенник,
Он обратил когти на товарища,
И над самым рвом вцепился в него.
139. Но достаточно был тот хищный ястреб,
Чтоб хорошенько пощипать его, и оба
Свалились в середину кипящего пруда.
142. Жар тотчас расцепил их,
Но подняться было для них невозможно,
Так смола склеила их крылья.
145. Барбариччио, в огорчении, как и остальные,
Велел четверым лететь с другого берега
Со всеми крючьями их; и довольно быстро
148. Спустились демоны к этому месту:
Они протянули свои багры увязшим,
Которые уже изжарились под коркой.
11. И мы оставили их в этом затруднении.
-

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Круг восьмой; лог шестой: лицемеры. — Веселые братья. — Каиафа. — Анна. — Брат Каталано.

1. Молча, в одиночестве, без спутников,
Выступали мы, один вожатым, другой сзади,
Как ходят по дороге братья минориты:
4. Мысль моя, из-за недавней потасовки,
Направилась к той басне Эзоповой,
Где говорит он о лягушке и о мыши,
7. Ибо не более похоже М о на Issa *),
Чем то на это, если сравнивать,
Раздумавшись, начала их и окончанья:
10. И как из одной мысли другая возникает,
Так родилась другая и из этой,
Удвоивши первоначальный мой испуг.
13. Я думал так: «Благодаря нам демоны
Одурачены — и с таким уроном и на-
смешками,
Которые, наверно, уязвили их.

*) Мо и issa — синонимы: теперь, сейчас. (Похожи по значению).

Заботясь более о нем, чем о себе,
Настолько, что на ней всего только
рубашка.

43. И вниз с вершины крепкой скалы
Устремился он на спине, по каменистому
склону,
Который замыкает бок другого лога.

46. Не катится с такою быстротой вода по
жолобу,

Вертящая колеса мельницы,
Когда приближается она к лопастям;

49. Как спустился по обрыву мой Учитель,
Неся меня на своей груди,
Будто своего сына, а не спутника.

52. Едва достигли ноги его ложа
Глубокой котловины, демоны появились
наверху

Над нами: уже нечего было тревожиться;
55. Ибо высший Промысл, возжелавший
Сделать их властителями пятого рва,
Отнял у них силу выходить оттуда.

58. Внизу встретили мы накрашенных людей,
Двигавшихся вокруг довольно медленно,
В слезах, с видом усталым и убитым.

61. Они были в рясах с низкими капюшонами,
Спущенными на глаза, того покроя,
Как делаются у монахов Кельна.

64. Снаружи все они позлащены, так что
слепят,

Но внутри из свинца, и столь тяжелые,
Что Фридриховы показались бы соло-
менными.

67. О, вечно изнуряющие мантии!
Мы повернули еще влево,
За ними следуя, внимая горестным сте-
наниям.
70. Но благодаря грузу эти измученные люди
Ступали так медленно, что у нас являлись
новые
Спутники с каждым движением бедра.
73. И я сказал своему Вождю: «Разыщи
Кого-нибудь известного делами, или именем,
И продолжая идти, обведи вокруг глазами».
76. И один, уразумевший речь тосканцев,
Воскликнул позади нас: «Задержите ноги,
Вы, что бежите так сквозь темный воздух».
79. Может быть, ты получишь от меня же-
лаемое». Тогда Вождь обернулся ко мне, сказав:
«Подожди,
И затем двигайся сообразно его шагу».
82. Я остановился, и увидел, что двое лицами
выказывают
Стремление души быть со мной вместе.
Но их задерживала ноша и теснота пути.
85. Догнавши нас они довольно долго искоса
Смотрели на меня, не говоря ни слова;
А потом друг к другу обратились и сказали:

88. «Он кажется живым по движению его
горла.
И если это мертвые, то по какому пре-
имуществу
Идут они без тяжелой столы?»
91. Затем сказали мне: «Тосканец, ты,
Явившийся в училище печальных лице-
меров,
Не погнушайся же сказать, кто ты?»
94. И я: «Родился я и возрастал
На чудной реке Арно, в великом городе,
И у меня то-же тело, как и всегда было.
97. Но вы кто, у кого так струится,
Как я вижу, вниз по щекам горе?
И какая казнь на вас сверкает?»
100. И один ответил мне: «Оранжевые рясы
Столь тяжелы благодаря свинцу, что
груз их
Надламывает коромысла наших плеч.
103. Братьями Веселья были мы, из Болоньи,
Я по имени Каталано, он — Лодеринго,
И обоих нас избрал твой город,
106. Хотя обычно берут только одного,
Чтобы охранять мир; и оказались мы
такими,
Как и сейчас еще увидишь у Гардинго».
109. Я начал так: «О, братья, ваши злодеяния...»
Но больше не сказал; ибо в глаза мне
бросился

- Некто распятый на земле тремя кольями.
112. Увидев меня, весь он искривился,
Пыхтя в бороду свою со вздохами.
Брат же Каталано, обратив на то внимание.
115. Сказал мне: «Этот проткнутый, на кого
смотришь,
Дал совет Фарисеям, чтобы они
Предали одного мучению за весь народ.
118. Поперек дороги обнаженный он лежит,
Как видишь; и с необходимостью ис-
пытывает,
Сколько весит каждый проходящий.
121. Подобным образом казнится его тесть
В этом же рву, и другие из совета,
Который был для Иудеев дурным севом».
124. Тогда я увидел, что Вергилия удивил
Вид того, кто был растянут крестообразно,
Столь унижительно, в вечном изгнании.
127. Затем он обратил к брату следующие слова:
«Скажите нам, если это возможно,
Нет ли направо некоего отверстия,
130. Откуда оба мы могли бы выйти,
Не принуждая черных ангелов
Выводить нас из этой бездны».
133. Тот отвечал: «Ближе, чем ты надеешься,
Лежит гряда, отделяющаяся от
Большого круга, пересекая все сумрачные
долины;

136. Лишь здесь она разрушена и не покрывает
лога.
Вы можете взобраться по обломкам ее,
Лежащим у откоса и выступающим со дна».
139. Вождь постоял немного, склонив голову;
И вымолвил: «Плохо нам рассказал
Тот, что дерет крючьями грешников».
142. И брат: «Я слышал некогда в Болонье
Довольно о пороках дьявола, и слышал,
Что он обманщик и отец лжи».
145. Тогда большими шагами удалился Вождь,
С несколько измененным в гневном лице;
Я также отошел от этих нагруженных,
148. Направляясь по следам дорогих мне ног.
-

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Круг восьмой; лог седьмой: воры.—Ванни Фуччи.

1. В той части рождающегося года,
Когда Солнце укрепляет свои кудри под
Водолеем,
И уже ночи близятся к половине суток;
4. Когда иней подражает на земле
Образу белой своей сестры — снежинки,
Но мало длится под его пером холод, —
7. Поселянин, чьи запасы иссякают,
Встает и смотрит, и видит, что поля
Побелели; он хлопает себя по боку;
10. Возвращается домой и бродит, жалуясь,
Как бедняк, не знающий, что ему делать.
Затем вновь выходит и обретает надежду,
13. Замечая, что мир изменил свой облик
В немногие часы, и берет пастуший посох,
И выгоняет скот на пастбище.
16. Подобно этому напугал меня Учитель,
Когда я увидел, как омрачился его лоб;

- И столь же быстро появилось исцеление
недуга.
19. Ибо когда мы подошли к разломанному
мосту,
Вождь обернулся ко мне с той привет-
ливостью,
Какую я впервые видел у подножия холма.
22. Он простер руки, после некоторого
Внутреннего размышления, сначала огля-
дев
Как следует руину и подхватил меня.
25. И как тот, кто действует и соображает,
Причем всегда кажется, что он все преду-
смотрел,
Так и он, подымая меня на вершину
28. Огромного обломка, всматривался в другой
утес,
И сказал: «Цепляйся за него сверху,
Но прежде испытай, выдержит ли он тебя?»
31. Не для одетых в рясы был этот путь,
По коему с трудом, Вергилий легче, я с под-
держкой,
Могли мы взбираться с выступа на выступ.
34. И если бы с этой стороны
Косогор не был короче, чем с другой,
То не знаю, как Учитель, а я был бы по-
бежден.
37. Но благодаря тому, что злые лога все
клонятся

- К отверстию самого нижнего колодца,
Каждая долина расположена так,
40. Что один бок ее выше, другой ниже.
Все-таки мы добрались, наконец, до места,
Откуда нависает самый верхний камень.
43. Дыхание так было выжато из моих легких,
Когда я оказался там, что идти дальше я
не мог,
А тотчас сел, едва только взобрался.
46. «Теперь следует тебе отогнать лень»,
Сказал Учитель: «ибо восседая на пуху
Славы не получишь, как и укрывшись
одеялом.
49. А кто проходит свою жизнь без славы,
Такой же след оставляет на земле,
Как дым по воздуху или на воде пена!
52. И потому вставай, преодолей усталость
Духом побеждающим во всякой битве,
Если только он не подавлен тяжким телом.
55. По более длинной лестнице надлежит нам
всходить;
Недостаточно выйти лишь отсюда:
Если ты меня понял, пусть это укрепит
тебя».
58. Тогда я поднялся, и сделал вид, что дышу
лучше,
Чем на самом деле это было;
И сказал: «Иди, ибо я бодр и крепок».
61. Мы тронулись далее по вершине утеса,

- Который был шероховат, стеснен и тяжек,
И гораздо более крут, чем прежде.
64. Я шел и говорил, чтобы не казаться слабым;
Как вдруг услышал голос из другого рва,
Произносивший нечто нечленораздельное.
67. Не знаю, что сказал он, хотя на хребте
арки,
Я уже находился, здесь перекинутой.
Но говоривший, как казалось, был раз-
гневан.
70. Я наклонился вниз; но глаза живые
Не могли проникнуть вглубь благодаря тьме.
Поэтому я произнес: «Учитель, подойди
73. К другой ограде и сойдем вниз со стены;
Ибо, как я слышу отсюда и не понимаю,
Так-же смотрю вниз, ничего не различая».
76. «Иного ответа», сказал он, «я не дам,
Кроме согласия: ибо просьба разумная
Должна сопровождаться молчаливым ис-
полнением».
79. Мы спустились с головы моста
Туда где он соединен с восьмым берегом;
И тогда открылся мне весь лог.
82. И я увидел в нем страшный ворох
Змей, столь разнообразных видов,
Что воспоминанье и сейчас оледеняет мою
кровь.
85. Пусть Ливия не хвалится более своими
песками;

- Ибо если хелидр, якулов и фареев
Производит она, и ченкров с амфисбенами;
88. То столько ядовитых гадов и таких гнусных,
Никогда не являла она со всею Эфиопией,
И со странною, что лежит над Красным
морем.
91. Посреди этого дикого и горестнейшего
скопища
Бегали нагие, перепуганные люди,
Тщетно ища отверстия или камня гелио-
тропа.
94. Их руки были сплетены сзади змеями;
Они обхватили чресла их хвостами
И головами, и спереди свивались узлом.
97. И вот на одного, недалеко от нас,
Бросился змей и пронзил его в том месте,
Где шея связывается с плечами.
100. Нельзя так быстро написать ни О, ни И,
Как весь он вспыхнул, и сгорел, и падая
Должен был весь обратиться в пепел.
103. И когда пал на землю в таком разрушении,
То пепел вновь собрался, сам собою,
И тотчас возвратился в прежнее.
106. Так, утверждают великие мудрецы,
Умирает феникс и возрождается,
Когда приблизится к пятистам лет.
109. Не травой, не овсом питается он при жизни,
Но лишь слезами ладана и аммомом;
Нард и мирра его смертные пелены;

112. И как тот, кто падает не зная отчего,
Силою ли демона, повергающего его,
Или по иной порче, вяжущей человека;
115. Как он, поднявшись озирается вокруг,
Полный смущения от великой тоски,
Которую испытал, и смотрит, вздыхая;
118. Таков был грешник, когда он поднялся.
О, сколь сурово правосудие Божие,
Разящее подобными ударами отмщения!
121. Вождь спросил его затем, кем был он,
И он ответил: «Я не так давно вылился
Из Тосканы в эту ужасающую пасть.
124. Скотская жизнь нравилась мне, а не че-
ловечья,
Как мулу, коим был я, Ванни Фуччи,
Скот и Пистойя были достойною меня
берлогой».
127. И я Вождю: «Скажи ему, чтобы не тро-
гался,
И спроси, что за вина столкнула его вниз;
Я знал его за человека кровожадного и
гневного».
130. И грешник, который понял, не притворился,
Но обратил ко мне дух свой и лицо,
И оно окрасилось горестным стыдом.
133. Затем сказал: «Мне тяжелее, что ты застал
Меня в беде, где теперь видишь,
Чем было, когда я лишился жизни.

136. Не могу отказать в том, о чем спрашиваешь:
Я потому брошен сюда вниз, что
Украл из Сакристии вещи драгоценные
139. И затем ложно показал на другого.
Но чтоб не радовался ты этому зрелищу,
Если когда-либо выйдешь из темных мест,
142. Обрати уши к моему пророчеству, и слушай.
Сперва Пистойя худеет, удаливши Черных,
Затем Флоренция обновляет людей и правление.
145. Марс воздымает пар над долиною Магры,
Который свертывается в темные облака:
И в пылкой, яростной буре
148. Разразится он над Кампо Пичена:
Там внезапно он разорвет туман,
Так что все белые будут поражены.
151. И я сказал это, чтобы сделать тебе больно».
-

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Круг восьмой; лог седьмой: воры. — Продолжение.
— Какус. — Аньель Брунелески. — Буозо дельи
Абати. — Пуччио Шианкато. — Чианфа Донати.
— Гверчио Кавальканти.

1. Произнеся эти слова мошенник
Поднял руки с кукишами в каждой,
Вскричав: «На, Бог, я складываю их тебе».
4. С этой минуты сделались приятны мне змеи,
Ибо одна обвилась вокруг его шеи,
Как-бы говоря: «Не желаю, чтобы ты про-
должал».
7. Другая, вокруг рук связывая его,
Так затянулась спереди узлом,
Что он не мог пошевельнуть ими.
10. Пистойя, о Пистойя! почему же не ре-
шишься ты
Испепелиться, чтобы не было тебя больше.
Ибо в злых делах семя твое все преуспевает!
13. Во всех темных кругах Ада

- Я не видел духа столь дерзостного к Богу, —
Даже того, кто упал со стены в Фивах.
16. Вор убежал, не сказав более ни слова:
Я же увидел Кентавра, в полном бешенстве,
Явившегося с криком: «Где он, где он,
гнусный?»
19. В маремме нет, я полагаю, подобного
Множества ужей, сколько было у него на
крупе,
До того места, откуда начинался челове-
чий облик.
22. На плечах его, позади затылка,
Лежал дракон с простертыми крыльями,
Опаляющий всякого, кто ему повстре-
чается.
25. Учитель мой сказал: «Это тот Какус,
Что под скалою Авентинского холма
Много раз проливал озера крови.
28. Он идет не вместе со своими братьями,
Ибо похищение коварно совершил он,
Угнав большое стадо, находившееся не-
далеко.
31. Но его лукавые дела прекратились
Под палицею Геркулеса, который, может
быть,
Ударил его сто раз, а тот не ощутил и
десяти».
34. Пока он говорил, Кентавр умчался:

- И три духа появились ниже нас,
Которых мы заметили, я и мой Вождь,
37. Лишь когда они вскричали: «Кто вы?»
Благодаря чему остановилась наша повесть,
И лишь тогда обратили мы на них внимание.
40. Я их не знал, но произошло так,
Как происходит в некоторых случаях,
Что одному пришлось назвать другого,
43. Говоря: «Где же остался Чианфа?»
Поэтому, чтобы привлечь внимание Вождя,
Я положил свой палец на подбородок, к
носу.
46. И если ты, читатель, не сразу придашь
веру
Тому, что я скажу, это не будет удивительно,
Ибо и сам я, видевший, едва признаю это.
49. Пока я устремлял на них свой взор,
Змей о шести лапах бросился
На одного спереди, и весь впился в него.
52. Средними лапами он обвил его живот,
А передними ухватил за руки;
Затем прокусил одну за другой щеки.
55. Задние лапы он вытянул по его бедрам,
И сунул между ними хвост,
И распустил его сзади по спине.
58. Никогда плющ не приникает так
К дереву, как обвило ужасное
Животное вокруг него свои члены.

61. Затем они слились, как будто из расплавленного воску
Были; и смешались их цвета ;
Ни тот, ни этот уж не походил на прежнее :
64. Так движется вперед от жара
По бумаге полоса коричневого цвета,
И это еще не черное, но и белое в нем
угасает.
67. Двое других смотрели на него, и оба
Кричали: «О, Аньелло, как ты меняешься!
Взгляни, ты уж не одно и не два».
- 70 Уже из двух голов одна составилаь,
Когда предстало нам два лица, слившихся
В едином облике, где уничтожились оба.
73. Из четырех образовались две руки;
Бедра-же и ноги, живот и стан
Обратились в члены, раньше никогда не ви-
данные.
76. Весь первоначальный вид их был нарушен:
Двумя и не двумя казался извращенный
Образ, так вот медленно он удалялся.
79. Как ящерица под великим зноем
Летнего дня, ища другой изгороди
Кажется молнией, когда перебегает дорогу:
82. Такой была кинувшаяся к животам
Двух других воспламененная змейка,
Синегато-черная, как зерно перца.
85. И ту часть, откуда получаем мы

Первое питание *), пронзила одному из них;
Затем упала, растянувшись перед ним.

88. Пронзенный на нее взглянул, но ничего не
вымолвил.

Напротив, продолжая стоять, зевал,
Как будто сон, или озноб тим овладели.

91. Он смотрел на змею, она-же на него.
У одного из раны, у другой из пасти
Шел сильный дым, сливаясь в одно целое.

94. Пусть замолчит Лукан, когда он говорит
О бедствии Сабелла и Нассидия;
И пусть выслушает, что сейчас сорвется с
тетивы.

97. Да умолчит Овидий и о Кадме и об Аретузе:
Ибо если одного в змея, другую в источник
Обращает он в стихах, я не завидую ему:

100. Ибо двух природ никогда одну при другой
Не превращал он так, что обе формы
Были-б готовы обменяться веществом.

103. Одновременно отвечали они такому правилу,
Что змея расщепила хвост на двое,
А раненый сдвинул вместе ступни.

106. Ноги сами собой так слились
С бедрами, что скоро стало невозможно
Различить линию, где они соединились.

109. Раздвоенный хвост принимал форму
Того, что пропадало там, и его кожа
Становилась мягкой, а у другого жесткой.

*) Еще до рождения, т. е. пупок.

112. Я видел, как уходили под мышки руки,
И обе лапы зверя, которые были недлинны,
Вытягивались так, как укорачивались члены
человека.
115. Потом задние ноги, свившиеся вместе,
Обратились в член, скрываемый мужчиной,
А у несчастного он разделился на двое.
118. В то время как обоих одевает дым
В новые цвета, и зарождаёт волосы
У одного, другого же лишает их,
121. Один подымается, а другой падает,
Не отводя, однако, нечестивых взоров,
При которых они меняли свои морды.
124. Тот, кто стоял, сузил голову в висках.
И из избытка вещества, собравшегося там,
Явились уши, отделившиеся от щек.
127. Что не сошло назад и удержалось,
Из того вырос на лице нос,
И утолстились губы, сколько нужно.
130. Тот, кто лежал, выпячивает морду вверх,
И втягивает уши в голову,
Как делает улитка с рожками:
133. И язык, цельный и служивший прежде
Ему для речи, расщепляется, а развилина
У змеи закрывается и дыма более нет.
136. Душа, обратившаяся в животное,
Уползает со свистом по долине,
А человек, произнося слова, плюёт ей вслед.
139. Затем он повернул к нему новые плечи,

И сказал: «Пусть ныне ползет Буозо,
Как я некогда на четвереньках по этой
тропе».

142. Так, видел я, меняются и изменяются
В седьмой заворре*); и да извинит меня
Новизна предмета, если перо мое зако-
лебалось.

145. И хотя глаза мои были несколько
Смущены и душа подавлена,
Но не могли убежавшие так скрыться,

148. Чтобы я не увидел ясно Пуччио Шианкато:
И это был единственный из трех,
Явившихся в начале, кто не превращался.

151. Другой был тот, из-за кого плачешь ты,
Гавилла.

*) Так называет Данте седьмой лог. — «Заворри» собств. — Песок, насыпаемый в виде балласта на дно корабля (здесь Ада).

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Круг восьмой; лог восьмой: коварные советчики.

— Улисс и Диомед.

1. Возвеселись, Флоренция, ибо ты столь
могуча,
Что над землей и морем бьешь крылами,
И по всему Аду проносится твое имя.
4. Среди воров я нашел пять таких
Твоих граждан, что мне стыдно,
И это не делает тебе большой чести.
7. Но если предрассветные сны сбываются,
Ты испытаешь в недалеком уже времени,
Чего страстно желает тебе Прато, а не толь-
ко другие.
10. И если бы беда пришла, то не была бы
преждевременна.
Так пусть приходит, если так назначено!
Ибо тягостнее это будет мне, когда я ста-
ну старше.
13. Мы удалились, и по лестнице

Из выступающих камней, где ранее спу-
скались,

Взошел мой Вождь, и вывел меня.

16. И когда мы проходили по уединенному пути,
Среди обломков, и среди утесов скал,
Ногам нельзя было обойтись без рук.

19. Я горевал тогда, и теперь вновь горюю,
Обращаясь памятью к тому, что видел.
И более обуздываю дух, чем, когда-либо,

22. Дабы он не уклонялся от стези добро-
детели;

Так что если благосклонная звезда, или не-
что лучшее,

Дали мне благо, пусть я не завидую себе.

25. Как поселянин, отдыхающий на взгорье
Во время года, когда светило, озаряющее
мир

Менее скрывает от нас свое лицо;

28. И в час, когда муху заменяет занзара,
Видит светляков внизу в долине,
Быть может там, где его виноградники и
пашня;

31. Столькими-же огнями блистал весь
Восьмой лог, как я увидел
В минуту, когда мне открылось его дно.

34. И какую тот, кто медведями отомстил за
себя,

Видел удалявшуюся колесницу Илии,
Когда кони уносили ее прямо в небо,

37. А он не мог следовать за нею взором,
Увидев лишь, как одно пламя,
Подобно облачку вознеслось наверх:
40. Так-же вылетало каждое пламя из глотки
Рва, и ни одно не обнаруживало по-
хищенного,
Но всякое заключало по грешнику.
43. Я стоял на мосту и смотрел, высунувшись,
Так, что если бы не держался за глыбу
камня,
То упал бы вниз и без подталкивания.
46. И Вождь, видя, что я столь внимателен,
Сказал: «Внутри огней заключены души:
Каждая обвита пламенем, которое ее сжи-
гает».
49. «Учитель», отвечал я, «выслушанное
Еще сильнее убеждает меня; но я уже за-
метил,
Что это так, и уже хотел сказать тебе.
52. Кто в этом пламени, столь раздвоенном
Наверху, точно оно восстало над костром,
Куда был брошен Этеокл со своим братом?»
55. Он мне ответил: «Там внутри мучаются
Улисс и Диомед, и вот вдвоем
Устремляются они на казнь, как шли на
злое.
58. И внутри своего пламени воздыхают
О кознях с тем конем, что открыл врата,
Откуда вышло славное семя Римлян.

61. Там оплакивается хитрость, из-за которой
Мертвая Деидамия и теперь горюет об
Ахилле,
И там несут кару за Палладиум».
64. «Если они могут говорить среди этого
Жара», сказал я: «то, Учитель, очень
прошу,
И вновь прошу, тысячекратной просьбою
67. Не откажи мне подождать здесь,
Пока приблизится сюда рогатое пламя:
Взгляни, как от желанья я тянусь к нему».
70. И он ответил мне: «Просьба твоя достойна
Всяческой похвалы, и потому я принимаю ее:
Но постарайся сдерживать свой язык.
73. Предоставь говорить мне, ибо я понимаю,
Чего ты хочешь; ведь возможно, что они
уклонятся,
Будучи греками, от беседы с тобой».
76. Когда пламя приблизилось настолько,
Что мой Вождь счел время и место подходящими,
Я услышал, как он произнес следующее:
79. «О вы, находящиеся вдвоем в одном огне,
Если я заслужил кое-что пред вами в жизни,
Если я заслужил пред вами много или мало,
82. Когда писал в мире возвышенные стихи,
То остановитесь; и один из вас пусть скажет,

- Где, сгубленный самим собою, он погиб».
85. Большой рог пламени
Стал колебаться с бормотанием,
Как если бы его утомлял ветер.
88. Затем, клонясь вершиною с боку на бок,
Будто это был говорящий язык,
Он подал голос и сказал: «Когда
91. Я удалился от Цирцеи, задержавшей
Меня более года недалеко от Гаэты,
Раньше, чем Эней назвал ее подобным
образом,
94. Ни нежность к сыну и ни жалость
К старцу отцу, ни любовь мужа,
Которая должна была радовать Пенелопу,
97. Ничто не могло победить во мне того пыла,
Который увлекал меня к исследованию мира,
Пороков человеческих и доблестей:
100. И я отправился в широкое, открытое море,
Всего на одном судне, с теми немногими
Товарищами, которые не покинули меня.
103. Тот берег и этот видел я до Испании,
И до Марокко, и остров Сардинию,
И еще иные, омываемые этим морем.
106. Я и товарищи мои, мы были стары, дряхлы,
Когда добрались до того узкого прохода,
Где Геркулес поставил указующие знаки,
109. Чтобы человек не устремлялся далее:
Справа я оставил за собой Севилью,
Слева осталась позади Сеутта.

112. «О, братья», сказал я: «в тысячах
Опасностей достигшие, наконец, Запада:
В том недолгом бодрствовании
115. Ваших чувств, что осталось вам,
Не пожелайте отказаться от исследования, —
Плывя за Солнцем, мира без людей.
118. Подумайте о своем происхождении:
Не были вы созданы для грубой жизни,
Но для того, чтобы идти к доблести и
знанию».
121. Своих товарищей так я воодушевил
Этой небольшой речью к дальнейшему пути,
Что едва потом мог их удерживать.
124. И поставив корму нашу на восток,
Мы обратили весла в крылья для безумного
полета,
Все время забирая влево.
127. Уже все звезды южного полюса
Видел я ночами, наш же так склонился,
Что не подымался над поверхностью моря.
130. Пять раз возгорался и столько же раз
угасал свет
На нижней стороне луны,
С той поры как мы вошли в открытое море,
133. Когда предстала нам гора, темневшая
Из отдаления и показалась она столь вы-
сокой,
Что подобной никогда я и не видел.

136. Мы обрадовались, но скоро нам пришлось
плакать;
Ибо с новой земли поднялся вихрь,
Потрясший носовую часть судна.
139. Трижды он кружил корабль всеми водами,
В четвертый раз поднял корму вверх,
А нос ринулся вглубь, как угодно было
другому *),
142. Доколе море не замкнулося над нами.
-

*) Богу.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Круг восьмой; лог восьмой: коварные советники,
продолжение. — Гвидо да Монтефельтро.

1. Уже вытянулось пламя вверх и успокоилось,
Окончив свою речь, и удалилось от нас,
С соизволения сладостного Поэта;
4. Когда другое, следовавшее за ним,
Заставило обратить взор на его вершину,
Благодаря неясным звукам, несшимся
оттуда:
7. Как сицилийский бык, впервые замычавший
Стонами того (и это было справедливо),
Кто обдelyвал его своим напилком,
10. Мычал голосом заключенного страдальца,
Так что, хоть и был из меди,
Но казалось, что пронизан скорбью;
13. Так, не имея с самого начала ни выхода,
Ни отверстия в огне, в язык огня
Превращались те горестные слова.
16. Но когда они направили свой путь

- Орел Поленты свил в ней свое гнездо,
И покрывает Червию своими крыльями.
43. Страна, которая вынесла долгое испытание,
И воздвигла окровавленную грудь Фран-
цузов,
Вновь находится под зелеными когтями.
46. И старый Пес, и молодой из Верруккио,
Столь дурно обошедшиеся с Монтаньей,
Там, где и обычно, обращают зубы в
копья *).
49. Городами у Ламоне и Сантерно
Управляет Львенок белого гнезда,
Переменяющий партии с лета на зиму:
52. А город, сбоку омываемый Савио,
Как лежит между равниной и горами,
Так и живет меж тиранией и свободой.
55. Теперь прошу тебя сказать, кто ты:
Не будь упрямее, нежели были другие,
И да предстанет твое имя миру».
58. Когда огонь пророкотал некоторое время
На свой лад, острая верхушка его по-
колебалась
Из стороны в сторону идохнула следующим:
61. «Если-бы я полагал, что отвечаю
Тому, кто некогда вернется в мир,
Пламя это осталось бы недвижимым.
64. Но так как никогда из этой бездны

*) Дословно: буравы.

- Не возвращался ни один живой, если я слышал правду,
То не боясь позора отвечаю я тебе.
67. Я был воином, а затем францисканцем.
Полагая, что опоясавшись получу отпущение:
И вполне осуществилась бы моя надежда,
70. Если-б не Первосвященник, будь он проклят,
Введший меня в прежние грехи;
А как, и почему, хочу, чтобы ты знал.
73. Когда я был еще обликом из костей и плоти,
Данных мне матерью, мои дела
Были не львиные, но лисьи.
76. Все хитрости и потаенные пути
Знал я; и так владел этим искусством,
Что до краев земли шла обо мне слава.
79. Увидев же, что я достиг той части
Своих годов, когда каждому надлежит
Свертывать паруса и убирать снасти;
82. Тогда, что раньше было мило, я возне-
навидел;
Раскаявшись и исповедавшись я обратился
к Богу.
И, о несчастный! мог бы быть спасенным.
85. Князь наших новых Фарисеев
Вел тогда войну под Латераном,
Не с Сарацинами, и не с Иудеями;
88. Ибо все его враги были христиане,

И никто из них не завоевывал Акры,
И не торговал в землях Султана;

91. Ни высшего своего служения, ни священ-
ных установлений
Не уважил он в себе, ни на мне этого шнура,
Что обычно иссушал опоясанных им:
94. Но как Константин просил Сильвестра
В недрах Соракто исцелить его проказу;
Так просил меня этот, как врача,
97. Исцелить его от лихорадки гордости:
Он спросил моего совета, я-же молчал,
Ибо слова его показались мне нетрезвыми:
100. Тогда сказал он: «Не смущайся,
Отныне разрешаю тебя, ты же научи,
Как мне сравнивать с землей Палестрину.
103. Небо я могу и запираю и отпирать,
Как тебе ведомо; для этого у меня два ключа,
Коиими мой предшественник не дорожил».
106. Тогда серьезные доводы подвигнули меня,
Так, что молчать счел я за худшее;
И я сказал: «Отец, раз ты смываешь с меня
109. Грех, в который теперь должен впасть я,
Знай, что большое обещание с малым ис-
полнением
Принесет тебе победу на высоком троне».
112. Франциск явился потом за мною,
Когда я умер, но один из черных херувимов
Сказал ему: «Не уноси его, не будь не-
справедлив.

115. Ему должно сойти вниз с моими слугами,
Ибо он дал мошеннический совет,
После чего я уж не выпускал его волос.
118. Ведь невозможно отпустить тому, кто не
покаялся;
А каяться и желать греха нельзя
Из-за противоречия, недозволяющего это».
121. О я несчастный! Как я вздрогнул,
Когда он взял меня, сказав: «Пожалуй,
Ты и не думал, что я так логичен».
124. Миносу он меня снес: и тот обвил
Восьмикратно хвост вокруг жесткой спины;
И от великой злобы укусив его,
127. Сказал: «Он из казнимых укрывающего
огня».
Поэтому я там, где меня видишь, погибаю,
И в такой одежде шествуя, горюю».
130. Когда он так закончил свою речь,
Пламя с жалобой удалилось,
Свивая в колебании свой острый рог.
133. Мы прошли далее, я и мой Вождь,
По выступу вплоть по другой арки,
Покрывающей тот ров, где платят дань
136. Все, кто внося раздор, приобретает бремя.
-

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Круг восьмой; лог девятый: сеятели гражданских
и религиозных раздоров. — Магомет и Али. — Фра
Дольчино. — Пиер да Медичина. — Курион. —
Мосна. — Бертран де Борн.

1. Кто смог бы, пусть и словами нерифмо-
ванными,
Сказать достаточно о той крови и о тех
ранах,
Которые я видел, даже повествуя не
однажды?
4. Всякий язык, поистине, оказался бы беден
Для нашей речи и для нашего ума,
Которым не под силу удержать столько.
7. Если бы вновь соединились все те люди,
Что когда-то на счастливых землях
Апулии пострадали своею кровью
10. Благодаря Троянцам и продолжительной
войне,

- Принесшей столь обильную добычу коль-
цами,
Как пишет Ливий, никогда не ошибаю-
щийся,
13. С теми, что испытали тяжкие удары,
Оказав сопротивление Роберту Гискару;
И другими, чьи скелеты и теперь еще
находят
16. Близ Чеперано, где обманщиками оказались
Все жители Апулии, и у Тальякоццо,
Где без оружия победил старый Алар;
19. И сколько бы пронзенных членов и обрубков
Ни показывали они, это было-бы ничто
Рядом с мерзостью девятого лога.
22. Никогда бочка с выломанными частями дна,
Не продырявливается так, как видел я
одного,
Разрубленного от подбородка до заднего
прохода.
25. Между ног висели у него внутренности;
Виднелись потроха и тот мешок,
Что обращает в испражнения проглоченное.
28. В то время как я воззрился на него,
Он посмотрел на меня и разворотил руками
грудь,
Сказав: «Взгляни, как сам я рву себя:
31. Взгляни, как изувечен Магомет:
Передо мною с плачем шествует Али,
Чье лицо разрублено от подбородка до хохла.

34. И все другие, кого видишь здесь,
Сеятели смут и отступничеств
Некогда жили; и однако так рассечены.
37. Там позади есть дьявол, что кромсает нас
Весьма жестоко и под удар своего меча
Подводит каждого из этой кучи,
40. Когда мы замыкаем круг скорбного пути;
Ибо раны наши закрываются
Прежде чем подходим мы к нему.
43. Но кто ты, разнюхивающий там нечто с вы-
со́ты утеса,
Может быть, чтобы оттянуть минуту кары,
Назначенной тебе за то, в чем обви-
няешься».
46. «Не смертью он настигнут, и не вина ве-
ведет его»,
Ответил мой Учитель: «на мучения;
Но, чтобы доставить ему полный опыт,
49. Мне, умершему, надлежит вести его
В глубину Ада, из круга в круг:
И это верно, как я говорю тебе».
52. Более сотни было тех, кто услышав это,
Остановились среди рва, чтоб поглядеть на
меня,
От изумления забывая муку.
55. «Скажи же теперь брату Дольчино,
Ты, что скоро, может быть, увидишь солнце:
Если он не хочет вскоре последовать за
мною

58. Пусть запасается припасами, дабы подав-
ленный снегами,
Не доставил он Наварцам той победы,
Которая иначе нелегко далась бы им».
61. Поднявши ногу, чтобы дальше двинуться,
Сказал мне Магомет эти слова;
И затем, трогаясь, поставил ее на землю.
64. Другой, чье горло было проткнуто,
И нос до самых бровей отрублен,
И у кого было всего одно ухо,
67. Оставшись посмотреть, в изумлении, вместе
С другими, раньше других раскрыл глотку,
Которая снаружи была вся в крови.
70. И сказал: «О ты, кого не осуждает вина,
И кого я видел уже наверху в земле ла-
тинской,
Если чрезмерное подобие не обманывает
меня:
73. Вспомни о Пьере да Медичина,
Если когда-либо вернешься в милую рав-
нину,
Что от Верчелло склоняется к Маркабо.
76. И дай знать двоим достойнейшим из Фано,
Мессеру Гвидо, также и Анджиолелло,
Что если ясновидение здесь не обманывает,
79. То они будут сброшены со своего судна
Благодаря предательству коварного тирана
И утоплены вблизи Каттолики.
82. От самого острова Кипра до Майорки

- Не видывал такого преступления Нептун,
Ни среди пиратов, ни средь Арголидцев:
85. Предатель, что одним лишь глазом видит,
И владеет той землей, которую находящийся
со мной
Желал бы никогда не видеть,
88. Пригласит их для переговоров с собой;
А затем так сделает, что о ветре Фокары
Не станут они ни молиться, ни давать
обетов».
91. И я ему: «Покажи же мне и объясни,
Если желаешь, чтобы я доставил в мир
весть о тебе,
Кто этот человек горького взгляда».
94. Тогда он положил руку на челюсть
Одного своего спутника и раскрыл ему рот
Вскричав: «Вот он; и он не говорит.
97. Изгнанный, он потопил сомненья
Цезаря, доказывая, что готовый
Всегда несет ущерб от ожидания».
100. О сколь мне показался уstraшенным
Со своим рассеченным языком в горле
Курион, некогда столь смелый в речи!
103. И один, у кого были отрублены обе руки,
Подняв свои култышки в темном воздухе,
Так, что кровь запачкала ему лицо,
106. Вскричал: «Не забудь также и о Моске,
Ибо я сказал, несчастный! «Сделанное да
закончится».

- И это было семенем зла для Тосканцев».
109. А я прибавил: «И гибелью для твоего рода». Почему он, приобщая горесть к горести, Отошел, как человек в печали и безумии.
112. Я же продолжал рассматривать толпу, И увидал нечто, о чем побоялся бы Без доказательства произнести слово,
115. Если бы меня не поддерживала совесть, Хорошая подруга, что дает свободу человеку Под броней сознания его чистоты.
118. Действительно, я видел, и доселе, кажется, что вижу Человека, шедшего без головы, как Шествовали и другие в скорбном стаде.
121. И отрубленную голову он держал за волосы, Свесивши ее с руки, подобно лампе, И она на нас взглянула и сказала: «Горе!»
124. Самого себя сделал он себе светильником, И было их двое в одном и один в двоих: Как это может быть, то знает Правящий.
127. Когда он был как раз у основания моста, То высоко поднял руку держа голову, Чтобы приблизить к нам ее слова,
130. Такие: «Погляди на тягостную кару Ты, что дыша проходишь созерцая мерт-
вых:
Взгляни, увидишь-ли другую, столь великую
133. И дабы ты доставил обо мне известие,

- Знай, я Бертран де Борн, тот, что
Молодому королю дал дурные наставленья.
136. Я обратил отца и сына во врагов.
Ахитофель не сделал большого с Авес-
саломом
И Давидом, злостно подстрекая их.
139. Так как я разделил столь связанных людей,
То и свой мозг, увы! несу отдельно
От его истока, заключенного в этом об-
рубке.
142. Так исполняется на мне закон возмездия».
-

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Круг восьмой; лог девятый: сеятели смут. Продолжение. — Джери дель Белло.

Круг восьмой; лог десятый: подделыватели всех родов. — Гриффолино д'Ареццо и Капокино.

1. Обилие людей и всевозможных ран
Столь опьянили мои глаза,
Что они готовы были заплакать.
4. Но Вергилий мне сказал: «Куда ты смотришь?
Почему взор твой устремляется
Вниз к теням печальным, изуродованным?»
7. Ты не делал этого в других логах:
Подумай, — если ты намерен сосчитать
их, —
Что двадцать две тысячи вмещает их
долина;
10. И уже луна под нашими ногами:
Немного еще времени нам предоставлено,
А надлежит увидеть то, чего ты не видал
еще».

37. Так мы беседовали до того первого места,
Откуда со скалы открылась бы вся до дна
Другая долина, если бы более было свету.
40. Когда мы оказались над последнею обителью
Злых логов, так что братия их
Могла предстать перед нашим взором,
43. Разные стенания пронзили меня стрелами,
Коиx железными остриями была жалость;
Тогда я заткнул уши свои руками.
46. Какие скорби появились-бы, если-бы из
больниц
Вальдикианы, между июлем и сентябрем,
И из Мареммы, и Сардинии соединились
49. Все болезни, вместе, в одном рве,
Так-же и здесь происходило; и такое шло
зловоние,
Как обычно возникает от гниющих членов.
52. Мы спустились на последний берег
С длинной гряды, держась все влево.
Тогда проник мой взгляд более живо
55. Вниз в глубину, где слуга
Высшего Повелителя, безошибочное Пра-
восудие,
Казнит подделывателей, здесь ведя счет им.
58. Не думаю, чтобы большую печаль
Являл народ Эгинский, весь охваченный
болезнью,
Когда воздух был столь напоен заразой,
61. Что животные, до ничтожнейшего червя

- Все погибли, а затем древнее людское
племя,
Как выдают за достоверное поэты,
64. Восстановлено было из семени муравьев,
Такова была и эта темная долина,
Где стонали души, сложенные в копны.
67. Тот лежал на брюхе, этот на плечах
У другого, а иной на четвереньках
Передвигался по горестной тропе.
70. Шаг за шагом шли мы в молчании,
Всматриваясь и прислушиваясь к больным,
Которые не могли поднять тел своих.
73. Я увидел двух, сидевших прислонясь друг
к другу,
Как прислоняют для нагрева сковороду к
сковороде,
И оба с головы до ног были испещрены
струпьями.
76. Я никогда не видел, чтобы так чистил
скребницей
Коня конюший, которого ожидает господин,
Или который бодрствует чрез силу*) :
79. Как поминутно направляли они уязвления
Ногтей на самих себя, в великом бешенстве
Чесотки, от которой нет иной помощи.
82. И так отделяли ногти их коросту,

*) Ему хочется спать и он торопится почистить коня, чтобы уйти.

- Как нож чешуи леща
Или другой рыбы, у которой они шире.
85. «О ты, что пальцами шелушишь себя»,
Обратился Вождь мой к одному из них,
«И по временам в клещи обращаешь их,
88. Скажи, есть ли какой-либо Латинец среди
тех,
Что здесь, и да хватит тебе ногтей
На целую вечность для такой работы».
91. «Латинцы мы, кого ты видишь столь истер-
занными,
Оба латинцы, отвечал один, в слезах:
А ты кто, о нас спрашивающий?»
94. И Вождь сказал: «Я некто, направля-
ющийся
С этим живым вниз, с обрыва на обрыв,
И я намерен показать ему весь Ад».
97. Тогда рушилась их взаимная поддержка;
И трепеща оба обернулись ко мне
Вместе с другими, услышавшими отра-
женно.
100. Добрый Учитель обратился ко мне
Со словами: «Говори им, что желаешь».
И я начал, пользуясь его дозволением:
103. «Да не излетит память о вас
Из человеческих душ в первом мире,
Но да живет она под многими солнцами!
106. Скажите мне, кто вы, и какого рода:

Мерзкая и утомительная ваша кара
Да не пугает вас открыться мне».

109. «Я из Ареццо», отвечал один,
«И Альберто из Сиенны направил меня на
костер;
Но не то, из-за чего я умер, привело меня
сюда.
112. Верно, что я сказал ему, однажды, в шутку:
«Я могу подняться в воздух и летать»;
Он же, любопытный и не очень умный,
115. Захотел, чтобы я показал ему это искус-
ство и лишь
За то, что я не сделал его Дедалом, он
сделал
Так, что меня сжег считавший его сыном.
118. Но в последний лог из десяти
За ту алхимию, которою я занимался в
мире,
Осудил меня Минос, коему не дано оши-
баться».
121. И я сказал Поэту: «Было-ли когда-нибудь
Племя, столь суетное, как Сиеннцы?
Ведь и Французы уступают в этом им».
124. Тогда другой прокаженный, слышавший
меня,
Ответил на мои слова: «Исключи из них
Стрикку,
Что умел тратить скромно,
127. И Никколо, что изобрел великолепную

- Приправу из гвоздики, сперва
В том же огороде, где возрастает это семя;
130. И исключи ту компанию, с которою про-
мотал
Каччия д'Ашиано виноградники и леса,
И Аббальято проявил свое благоразумие.
133. Но чтобы ты знал, кто так с тобой согласен
Относительно Сиеннцев, заостри взор на
меня,
Дабы лицо мое достаточно тебе ответило;
136. Увидишь, что я тень Капоккио,
Подделывавшего металлы с помощью ал-
химии;
И ты должен вспомнить, если глаз не из-
меняет мне,
139. Что от природы был я хорошей обезьяной».
-

ПЕСНЬ ТРИДЦАТАЯ

Круг восьмой; лог десятый: подделыватели всех родов. Мирра. — Джианни Сникки. — Маэстро Адамо. — Синон из Трои.

1. Во времена, когда Юнона гневалась
Из-за Семелы на весь род Фиванский,
Показав это не однажды, и не дважды,
4. Атамас превратился в такого безумца,
Что увидев свою жену с двумя сыновьями,
Когда она шла, держа их на руках,
7. Вскричал: «Раскинем сети, вот я изловлю
Эту проходящую со львятами львицу!».
И распростерши безжалостно свои когти,
10. Схватил одного, по имени Марка,
И взмахнув ударил его о камень;
А мать кинулась в море с другою ношей.
13. И когда Фортуна обратила в прах
Высокомерие Троянцев, на все дерзавшее,
Так что вместе с царством их погиб и царь,
16. Гекуба, скорбная, несчастная, плененная,

- Увидев бездыханную Поликсену,
И своего Полидора на берегу
19. Моря, так предалась горю,
Что в помешательстве залаяла по-собачьи;
Настолько горе помutilо ее разум.
22. Но ни в Фивах бешенство, ни в Трое
Не являлось никогда в столь диком виде,
Чтобы мучить не только людей, но и
животных,
25. Как видел я у двух бледных и нагих теней,
Которые бегали, кусаясь, наподобие
Свиной; вышущенных из свиношника.
28. Одна из них бросилась на Капоккио и
впиалась
Ему в загривок, так что таща
Заставляла брюхо его чесаться о каменья.
31. И Аретинец, продолжавший трепетать,
Сказал мне: «Этот сумасшедший — Джиан-
ни Скикки,
И он носится в ярости, отделявая так
других».
34. «О», сказал я ему, «если та, другая тень
не вонзит тебе
Зубов в спину, то сделай одолжение,
Скажи, пока она не удалилась, как зо-
вут ее».
37. И он мне: «Это древняя душа
Преступной Мирры, которая сделалась

Подругой, наперекор праведной любви,
отцу.

40. Она явилась к нему, чтобы согрешить
Подменив образ свой другим;
Подобно тому удаляющемуся, что дерзнул,
43. Дабы приобрести красу конюшни,
Принять облик Буозо Донати,
Сделав завещание, и дав ему законный вид».
46. И когда прошли двое яростных,
На кого я устремлял взор,
Я обратил его на других отверженных.
49. И увидел одного, созданного по образу
лютни,
Если-б только у него отрезать пах,
От части, где у человека раздвоение.
52. Тяжкая водянка, столь искажающая
Все тело жидкостью, дурно обращающейся,
Что лицо не отвечает больше брюху, —
55. Заставила его идти с раскрытыми губами,
Как у чахоточного, что от жажды
Одну оттягивает вниз, другую вверх.
58. «О вы, без всякой кары находящиеся
(И я не знаю, почему), в мире горестном»,
Сказал он нам, «взгляните и всмотритесь
61. В бедствия маэстро Адамо:
При жизни у меня было всего довольно,
А теперь, увы! жажду глотка воды.
64. Те ручейки, что с зеленеющих холмов

- Казентина сбегают вниз к Арно,
 Образуя мягкие, прохладные каналы,
67. Всегда стоят передо мной, и не напрасно
 Ибо их образ иссушает меня больше,
 Чем болезнь, от которой тает мое лицо.
70. Суровое правосудие, расправляющееся со
 мной,
 Пользуется местом, где я прегрешал,
 Чтобы вздохи мои сделать чаще.
73. Место это — Ромена, где я подделывал
 Сплав с отпечатками Крестителя,
 Благодаря чему оставил на земле обуглен-
 ный труп.
76. Но если-б я увидел здесь горестную душу
 Гвидо, или Алессандро, или их брата,
 То это зрелище не отдал бы за источник
 Фонте Бранда.
79. Один из них уже здесь, если озлобленные
 Тени, что проходят близ меня, говорят
 правду:
 Но что мне до того, раз тело мое сковано?
82. Если бы я был еще столь подвижен,
 Что за сто лет мог бы продвигнуться на
 палец,
 Я уже давно бросился бы в путь,
85. Ища его среди этих безобразных людей,
 Хотя скопище их и растянулось на один-
 надцать миль,
 А в ширину не менее полумили.

88. Из-за них я нахожусь в такой семейке:
Они навели меня на мысль чеканить
флорины,
В которых было три карата примеси».
91. И я ему: «Кто эти двое бедняков,
Что дымятся как зимою мокрая рука,
И лежат, припав друг к другу, справа от
тебя?»
94. «Я их застал здесь, и они не шевельну-
лись»,
Отвечал он, «с тех пор как я вылился в эту
плошку;
И я не думаю, чтобы во веки они двинулись.
97. Одна — обманщица, обвинившая Иосифа;
Другой — обманщик Синон, грек из Трои;
От знойной лихорадки испускают они такой
сморд».
100. Тогда один из них, впавший в раздражение
Потому, может быть, что о нем дурно ото-
звались,
Ударил его кулаком по вздутому пузу.
103. Оно же зазвучало наподобие барабана;
И маэстро Адамо ударил его по лицу
Своей рукой, оказавшейся не менее тяжелой,
106. Сказав ему: «Хотя я и не могу
Двинуться, благодаря тяжести моего тела,
Но у меня есть рука, для такого дела при-
годная».
109. А тот ответил: «Когда ты направлялся

- На костер, она не была у тебя столь
быстра;
Но была проворнее, когда чеканила фаль-
шивое».
112. И распухший: «Правду ты сказал об этом;
Но свидетелем столь-же правдивым не был
ты,
Когда в Трое тебя спрашивали о правде».
115. «Пусть я подделывал слова, ты-же подде-
лывал монету»,
Сказал Синон, «и я здесь за один проступок,
А ты за большее число, чем иной демон».
118. «Вспомни, вероломный, о коне»,
Ответил тот, у кого было вздуто пузо;
«И да казнит тебя, что о тебе знает весь
свет».
121. «А тебя пусть казнит жажда», — сказал
Грек,
От которой трескается язык, и гнилая вода,
Обращающая твое брюхо в ограду для
глаз».
124. Тогда монетчик: «Рот твой разверзается
Как всегда, чтобы говорить дурное;
Ибо если я жажду, и влага вспучивает меня,
127. То у тебя жар и головная боль;
И чтобы лизать зеркало Нарцисса,
Ты не нуждался бы в долгих приглаше-
ниях».
130. Я выслушивал их с полным вниманием,

- Когда Учитель сказал мне: «Ну-ка, по-
смотри,
Еще немного и я с тобой совсем поссорюсь».
133. Услыхав, что он говорит со мною гневно,
Я обернулся к нему в таком стыде,
Что и теперь все еще чувствую его.
136. И как тот, кто во сне видит бедственное,
И во сне желает продолжения сна,
Жажда, чтобы то, что происходит, ока-
залось не бывшим;
139. Так было и со мною, и я не мог говорить,
Ибо желая просить о прощении, я уже про-
сил его,
Однако, сам не думая об этом.
142. «Большая вина меньшим оmyвается сты-
дом»,
Сказал Учитель, «чем была твоя;
Поэтому облегчи себя от всяческой печали:
145. И не забывай, что я всегда с тобою рядом,
Если вновь случится, что судьба толкнет
тебя
Туда, где люди ссорятся подобным образом.
148. Ибо желанье слушать их есть низкое же-
ланье».
-

ПЕСНЬ ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Колодезь гигантов. — Немврод, Эфиальт и Антей.

1. Язык, вначале уязвивший меня
Так что покраснели обе мои щеки,
Предложил потом и врачевание.
4. Так, слышал я, обычно приносило
Копье Ахилла, принадлежавшее и его отцу,
Сначала горестный дар, а затем добрый.
7. Мы повернулись спиной к жалобной долине,
Пересекая, в полном молчании,
Скалы, опоясывающие ее кругом.
10. Здесь не было ни дня, ни ночи,
Так что мой взор не проникал вдаль:
Но я услышал звук столь сильного рога,
13. Что он заставил бы охрипнуть любой гром.
И следуя по направлению его пути,
Я обратил свои глаза к одному месту.
16. После горестного поражения, когда
Карл Великий потерял священную дружину,
Не протрубил Роланд столь яростно.
19. Недолго устремлял я туда взгляды,

И вот представилось мне множество высо-
ких башен.

Тогда я вымолвил: «Учитель, что это за
город?»

22. И он мне: «Так как ты проникаешь взором
В темноту слишком издали,
То и выходит, что воображение тебя мо-
рочит.
25. Ты увидишь ясно, когда приблизишься,
Как обманываются издалика наши чувства.
Однако, несколько поторопись и сам».
28. Потом он ласково взял меня за руку,
И сказал: «Прежде чем мы подойдем ближе,
Дабы все казалось тебе менее странным,
31. Знай, что это не башни, а гиганты,
И они стоят в колодце, по краям,
Погруженные до самого пупа».
34. Как когда рассеивается туман,
Взгляд мало-по-малу различает
То, что скрывал пар, в воздухе ско-
пившийся:
37. Так я буравил темный и густой воздух,
Все более и больше приближаясь к краю;
И уходило от меня заблуждение, но выра-
стал страх.
40. Ибо как на кругообразных стенах
Венчается Монтереджионе кольцом башен;
Так на бреге окаймляющем колодезь

43. Башнями воздымались, на половину своих тел
 Страшные гиганты, которым все еще грозит
 С неба Юпитер, разражаясь громом.
46. И я уж различал у одного из них лицо,
 Плечи и грудь, и большую часть живота,
 И вытянутые вниз по бокам руки.
49. По истине, природа сделала довольно
 правильно,
 Что перестала созидать такие чудища,
 Лишив Марса подобных исполнителей.
52. И если не раскаивается она в слонах,
 Или в китах, то присмотревшись тщательней
 Увидишь в этом ее справедливость и благо-
 разумие.
55. Ибо там, где средства разума
 Соединяются со злой волей и могуществом,
 Всяческой уже защиты лишены люди.
58. Его лицо показалось мне таким длинным и
 толстым,
 Как кедровая шишка у Сан Пиетро в Риме;
 И в этом же соотношении было все осталь-
 ное тело.
61. Так что берег, опоясавший передником
 Нижнюю половину их, оставлял столько
 Снаружи, что тщетно трое Фрисландцев
64. Похвалялись-бы достать до его волос;
 Ибо я видел, что тридцать больших пядей

Уложатся вниз от места, где застегивается
плащ.

67. «Rafèl mai amesch zabi almi»,
Издали крик эта надменная глотка,
Которой не подобали-бы более нежные
псалмы.
70. И Вождь мой обратился к нему: «Глупый
дух,
Возьми свой рог, и изливайся в нем,
Если злоба, или другая страсть тобой
владеют.
73. Поищи у себя на шее, и найдешь ремень,
Поддерживающий его, о темная душа,
И взгляни, как опоясывает он твою огром-
ную грудь».
76. Затем сказал мне: «Сам он обвиняет себя;
Это Немврод, благодаря злому замыслу
которого
В мире нет ни одного общего языка.
79. Пусть он стоит, не будем понапрасну
говорить:
Ибо таков же для него всякий язык,
Как для другого его собственный, никому
неведомый».
82. И вот, мы совершили более длинный путь,
Повернув налево; и на расстоянии выстре-
ла из арбалета
Нашли другого, еще страшнейшего и боль-
шего.

85. Кто был тот властелин, что обвязал его,
Я сказать не могу; но у него были свя-
заны —
Левая рука впереди, а правая позади —
88. Цепью, которая обвивала его
От шеи вниз, так что на видной части тела
Обертывалась она до пятого раза.
91. «Этот гордец пожелал меряться
Своею силой со всевышним Юпитером»,
Сказал мой Вождь: «и вот его награда:
94. Эфиальт имя его; и он много потрудился,
Когда гиганты привели в ужас богов:
Руки, которыми он действовал, навсегда
недвижны».
97. И я ему: «Если возможно, я желал бы,
Чтобы глаза мои познали
Облик безмерного Бриарея».
100. И он ответил мне: «Ты увидишь Антея,
Неподалеку отсюда; он говорит, и не в
цепях,
И он перенесет нас в самую глубину греха.
103. Тот, кого ты хочешь увидеть, гораздо
дальше;
Он скован и подобен этому,
Но еще более свиреп по виду».
106. Никогда не было столь яростного земле-
трясения,
Поколебавшего башню с такою силою,
Как заколотился в оковах Эфиальт.

13. О превыше всех проклятое племя,
Обитающее в месте, о котором тяжко го-
ворить,
Лучше-б тебе быть в мире стадом коз или
овец!
16. Когда мы оказались в глубине темного
колодца,
Под ногами гиганта, гораздо ниже их,
И я все еще глядел на высокую стену,
19. Вдруг раздался голос: «Осторожнее иди;
Становись так, чтобы не наступить по-
дошвой
На головы бедных истомленных братьев».
22. Я обернулся, и увидел пред собой
И под ногами озеро, морозом обращенное
В стекло и не похожее на воду.
25. Не создает зимой в течении своем столь
Толстого покрова ни Дунай в Австрии,
Ни Танаис под холодным небом,
28. Как было здесь: ибо если бы Таберник
Свалился сюда сверху, или Пьетрапана,
Не раздался бы и на поверхности треск:
31. И как сидит, квакая, лягушка,
Высунув из воды морду, в то время года,
Когда часто видит во сне жатву кре-
стьянка —
34. Так, посиневшие до мест, где выступает
стыд,
Заключались во льду жалобные тени,

61. Ни тот, у кого была пробита грудь и тень,
Одним ударом, рукою короля Артура;
Ни Фокачча: ни этот, столь мешающий
мне
64. Головой, что я не вижу ничего,
И кого звали Сассоль Маскерони:
Если ты из Тосканы, то уже знаешь, кто
был он.
67. И чтобы ты не вводил меня в долгие рас-
сказы,
Знай, что я был Кампиччион де Пацци,
И жду Карлино, который меня оправ-
дал бы».
70. Затем увидел я тысячи полиловевших
От холода лиц: меня охватила дрожь
И всегда будет охватывать пред заморожен-
ными лужами:
73. И пока двигались мы к тому средоточию,
Куда устремляется всякая тяжесть,
Я трепетал в этом вечном мраке.
76. Было-ли то желание, или рок, или случай,
Не знаю: но проходя посреди голов,
Сильно ударил я одну ногой в лицо.
79. В слезах она вскричала: «Что ты меня
топчешь?
Если пришел не с тем, чтобы усилить месть
За Монтеаперти, то почему же меня
мучишь?»
82. И я: «Учитель, подожди меня немного здесь,

- Дабы я разрешил свое сомнение о нем:
А затем я буду, сколько пожелаешь, быстр».
85. Вождь остановился, и я сказал тому,
Все еще грубо поносившему:
«Кто ты, что упрекаешь так другого?»
88. «А ты кто, проходящий в Антеноре,
Ударяя», ответил он: «другого в щеку
Так, что и для живого это было бы чрез-
мерно?»
91. «Я жив, и для тебя может быть ценным»,
Был мой ответ: «если ты ищешь славы,
Чтобы я помянул имя твое среди других».
94. И он: «Я жажду обратного:
Уйди отсюда и не мучь более меня;
Ибо плохо ты умеешь обольщать в этом
болоте».
97. Тогда схвативши его за загривок
Я произнес: «Ты назовешь себя,
Иначе не останется у тебя здесь больше
волоса!»
100. Он же в ответ: «Хотя ты и лысишь меня,
Я не скажу, кто я, и не обнаружу этого,
Хотя бы ты тысячу раз на меня ринулся».
103. Я намотал уже его волосы на руку,
И вырвал их не одну прядь,
Он же все лаял, опустив глаза долу,
106. Когда некто другой вскричал: «Что с то-
бой, Бокка?
Мало тебе ляскать челюстями,

- Ты еще лаешь? Что за дьявол трогает
тебя?»
109. «Теперь», сказал я, «не желаю, чтоб ты
говоришь,
Злобный изменник, ибо к твоему позору
Я доставлю верные о тебе вести».
112. «Уходи», отвечал он: «и повествуй о чем
угодно.
Но не умалчивай, если отсюда выйдешь,
О том, у кого язык был столь проворен.
115. Он оплакивает здесь золото Французов:
Я видел, сможешь ты сказать, Буозо да
Дуэра
Там, где грешники не могут портиться.
118. Если-б тебя спросили, кто еще с ними,
То вот сбоку тот Беккерия,
Которому Флоренция перепилила горло.
121. Джианни дель Сольданиер, как кажется,
Там дальше, Ганелон и Тибальделло,
Что отворил Фаэнцу когда все спали».
124. Мы удалились уже от него,
Когда я увидал двоих, леденеющих в от-
верстии,
Так что голова одного была крышкой для
другого.
127. И как пожирается хлеб при голоде,
Так-же верхний водрузил нижнему зубы
Туда, где мозг соединяется с затылком.
130. Не иным образом грыз Тидей,

- В бешенстве, виски Меналиппа,
Чем этот сделал с черепом и всем остальным.
133. «О ты, высказывающий столь скотским
образом
Ненависть к тому, кого пожираешь,
Скажи мне о ее причине», вымолвил я: «и
условимся,
136. Что если ты за дело на него плачешься,
То узнав кто вы, и каков грех его,
Я отплачу тебе в том верхнем мире,
139. Если язык, которым говорю, не иссохнет».
-

ПЕСНЬ ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Круг девятый. Предатели. Отделение второе: Антенора. — Уголино. — Отделение третье: Толомеа. — Фрате Альбериго. — Бранна д'Ориа.

1. Над ужасной пищей приподнял рот
Этот грешник, обтирая его волосами
Головы, которую разрушал сзади.
4. И начал: «Ты желаешь, чтоб возобнови-
лась во мне
Безнадежная скорбь, давящая мое сердце
При одной мысли, прежде чем заговорю.
7. Но если словам моим надлежит стать се-
менем
Позора для изменника, которого я грызу, —
То говорящего и вместе плачущего ты
увидишь.
10. Не знаю, кто ты, и каким ты способом
Спустился вниз; но Флорентинцем
Кажешься, поистине, когда тебя слышу.
13. Ты должен знать, что я был графом
Уголино,

А этот архиепископом Руджиери;
Теперь скажу тебе, почему я так с ним
рядом.

16. Как, благодаря злым его советам,
Доверившись ему, я был захвачен
И затем погиб, рассказывать излишне.
19. Но о том, чего не можешь знать,
То-есть сколь была ужасна моя смерть —
Услышишь, и узнаешь, что он сделал мне.
22. Маленькая дыра в той клетке,
Что благодаря мне получила имя голода,
И где другим надлежит еще быть заклю-
ченными,
25. Показала мне в своем отверстии
Уже много лун, когда я увидел дурной сон,
Разодравший предо мной завесу будущего.
28. Вот этот представился мне вождем и пред-
водителем,
Гнавшимся за волком и волчатами к горе,
Что заслоняет от Пизанцев Лукку;
31. С тощими псами, усердными и отборными
Гваланди и Сисмонди и Ланфранки
Выслал он вперед всей своры.
34. В недолгом беге, показалось мне, изму-
чились
Отец и его сыновья; и острые клыки,
Мерещилось мне, рассекли их бока.
37. Когда-же я поднялся, пред рассветом,

Если ты нас начнешь есть: ты нас облек
В эту жалкую плоть; ты и лиши ее».

64. Я тогда стал покоен, чтобы не усливать
их скорби.

Тот день и следующий мы безмолвствовали.
О, твердь земная! Почему ты не раз-
верзлась?

«7. Когда мы до четвертого дня дожили
Гаддо распростершись бросился к моим
ногам,
Воскликнув: «Отец, почему же ты мне не
поможешь?»»

70. И тут же умер. И как ты меня видишь,
Видел я смерть троих, одного за другим,
На пятый день, и на шестой; тогда я при-
нялся,

73. Уже слепой, сверху обшаривать их,
И звал два дня, хотя они были уж мертвы:
А затем сильнее горя оказался голод».

76. Произнося это, он скосил глаза
И снова взялся за жалкий череп зубами,
Которые на кости крепки, как у пса.

79. О Пиза, поношение людей
Той восхитительной страны, где звучит Si;
Если соседи ленятся наказывать тебя,

82. Тогда пусть двинутся Капрайя и Горгона,
И да запрудят устье Арно,
Чтоб затопить всех твоих жителей.

85. Ибо если о графе Уголино прошла слава,

Что он предал твои твердыни,
Ты не должна была обречь на такой крест
детей.

88. Невинны были, по своему юному возрасту,
— О новые Фивы! — Угуччионе и Бригата,
И другие двое, упомянутые в песне выше.
91. Мы прошли далее, туда, где лед
Крепко связывает других людей,
С лицами не вниз, но откинутыми назад.
94. Сам плач не позволяет плакать там,
И горе, находя в глазах препятствие
Обращается внутрь и увеличивает тоску:
97. Ибо первые же слезы образуют скопление,
И на подобие кристального забрала
Наполняют всю впадину под ресницами.
100. И хотя, уподобляясь в том мозоли,
От холода перестало лицо мое
Быть сколько-нибудь чувствительным,
103. Мне показалось, что я ощутил некий ветер.
Поэтому я спросил: «Учитель, кем же дви-
жется он?
Разве не угашены здесь внизу все пары?»
106. И он мне: «Скоро уже будешь там,
Где глаз даст тебе ответ на это,
Ибо увидишь причину, изливающую ды-
ханье».
109. И один из скорбных ледяной коры
Вскричал нам: «О души, столь свирепые,
Что последняя глубина вам назначена.

112. Снимите с моего лица жесткие покровы,
Дабы горе, напитавшее мое сердце я излил
Хотя немного, прежде чем застынут слезы».
115. Я-же ему: «Если желаешь, чтобы я помог
тебе,
Скажи мне, кто ты, и если я тебя не об-
легчу,
Пусть в самую бездну льда направят меня».
118. Он мне ответил: «Я Фрате Альбериго,
Я из плодов злого огорода;
Здесь я получаю финик вместо фи́ги».
121. «О», сказал я, «неужели ты уж умер?»
И он мне: «Как живет тело мое
В верхнем мире, ничего не знаю.
124. Такое преимущество у этой Толомеи,
Что нередко душа низвергается сюда,
Прежде чем толкнет ее Атропос.
127. И чтобы ты охотней соскоблил
Остекляневшие слезы с моего лица,
Знай, что лишь только предаст душа,
130. Как сделал это я, телом ее завладевает
Демон, который им и управляет,
Пока все время его не исполнится.
133. А душа обрушивается в такой колодезь,
И может быть, является еще вверху тело
Тени, что зимует там за мной.
136. Ты должен знать ее, если сошел сюда не-
давно.

- Это сер Бранка д'Ориа, и уже много лет
Прошло со времени как он заключен тут».
139. «Думаю», сказал я, «что меня обма-
нываешь;
Ибо Бранка д'Ориа еще не умер,
И ест, и пьет, и спит и одевается».
142. «В верхний ров», сказал он, «Злых Когтей,
Туда, где кипит клейкая смола,
Еще Микеле Цанке не спускался,
145. Когда этот вместо себя оставил дьявола
В своем теле, и в одном своем родственнике,
Который вместе с ним свершил пре-
дательство.
148. Но протяни же, наконец, руку сюда;
Открой мои глаза». И я их не открыл ему;
И вежливостью была для него грубость.
151. О Генуэзцы, люди отдаленные
От всякой доблести, исполненные пороками,
Почему не изгнаны вы из мира?
154. Ибо с наихудшим духом из Романьи
Нашел я одного из вас такого, что за дела
свои
Купается уже душой в Коците,
157. А телом кажется еще наверху живым.
-

ПЕСНЬ ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Круг девятый: предатели. — Отделение четвертое:
Джиуденка. — Люцифер. — Иуда, Брут и Кассий.
— Центр Вселенной. — Путь к Чистилищу.

1. «*Vexilla Regis prodeunt Inferni*».

Они к нам приближаются. Потому взгляды-
вайся»,

Сказал мой Учитель, «не видишь-ли уже
их?»»

4. Какою при дыхании густого облака,
Или когда ночь близится в нашем полу-
шарии,
Кажется издали мельница, вращаемая вет-
ром;

7. Подобное строение явилось тогда передо
мною.

Так как дул ветер, я прижался сзади
К своему Вождю; ибо не было там иного
убежища.

10. Я находился уж (и вношу это со страхом
в стих),

Там, где тени все были покрыты льдом,
И просвечивали из него как из стекла бы-
линки.

13. Одни лежали, а другие помещались стоя,
Кто головой вверх, кто подошвами;
Иные наподобие дуги, обратив лица к ногам.
16. Когда настолько мы продвинулись вперед,
Что Учителю пожелалось показать мне
Создание, некогда обладавшее прекрасным
обликом,
19. Он выдвинул меня вперед и остановил,
Сказав: «Вот Дис, и вот место,
Где надлежит тебе вооружиться твер-
достью».
22. Как я тогда оледенел и онемел,
Не спрашивай, читатель; я не пишу об этом,
Ибо нет слов, чтобы сказать о том.
25. Я не стал мертвым и не остался жив.
И вот подумай, если обладаешь каплей во-
ображения,
В кого обратился, лишившись и того, и
другого
28. Властелин горестного царства.
От половины груди подымался он над льдом;
И более я сходен с гигантом,
31. Нежели гиганты с его руками.
Сообрази-же, каков должен быть весь он,
Чтобы отвечать лишь одной такой части.

34. Если он был столь прекрасен, как теперь
гадок,
И поднял взор на своего Создателя,
То от него должно исходить все зло.
37. О сколь удивительным показалось мне,
Когда три лица увидал я на его голове!
Одно спереди, и оно было багряное;
40. Два других соединялись с этим
Над серединою каждого плеча,
И сливались там, где темя;
43. И правое показалось мне бело-желтым,
Левое на взгляд было такое, каким
Являются из мест, откуда Нил нисходит.
46. Под каждым выступали два больших крыла,
Как приличествовало подобной птице:
Парусов на море никогда я таких не видел.
49. Не было на них перьев, но летучую мышь
Напоминали они; и он ими размахивал
Так что производил три ветра.
52. Оттуда весь Коцит оледенялся ими.
Шестью глазами плакал он, и с трех под-
бородков
Капали слезы и окровавленная пена.
55. В каждом рту он жевал зубами
Грешника, наподобие льняного мяла,
Так что троим доставлял муку разом.
58. Переднему из них укусы ничто были
Рядом с царпаньем; ибо по временам
спина

Его обнажалась от кожи вовсе.

61. «Эта душа вверху, принимающая величай-
чайшую кару»,
Сказал Учитель — «Иуда Искарот,
Чья голова внутри, а снаружи ноги.
64. Из других двух, чьи головы внизу,
Тот что свешивается из черной морды —
Брут;
Смотри, как корчится он, не издавая звука.
67. Другой же Кассий, кажущийся столь мо-
гучим.
Но наступает ночь; и уже время
Удаляться, ибо все мы видели».
70. Согласно его воле, я охватил руками ему
шею;
И он выбрал подходящее тому время и
место;
И когда крылья достаточно раскинулись,
73. Уцепился за взлохмаченные бока;
С лохм на лохмы опустился затем вниз,
Среди густой шерсти и ледяной коры.
76. Когда мы оказались там, где ляшка
Образует утолщение бедер,
Вождь мой с усилием и утомлением
79. Повернул голову туда, где были его ноги,
И ухватился за шерсть, как человек вос-
ходящий,
Так что я подумал, что мы возвращаемся
в Ад.

82. «Держись покрепче, ибо по таким лестницам»,
Сказал Учитель, задыхаясь как усталый,
«Надлежит нам удалиться от всего этого зла».
85. Затем он вышел на край, где я присел:
Потом направил ко мне осторожные шаги.
88. Я поднял глаза, и полагал, что увижу
Люцифера таким же, как его оставил,
А увидел вытянутые вверх ноги.
91. И впал ли я тогда в смущение,
Пусть сообразят люди невежественные, ко-
торые не знают,
Через какую грань переступил я.
94. «Подымись», сказал Учитель, «на ноги:
Путь долог, а дорога неблагоприятна
И уже Солнце приближается к восьми утра».
97. Не было прогулкою по дворцу место,
Где мы находились, но природное под-
земелье
С шероховатою почвою и без света.
100. «Прежде чем я вырвусь из этой бездны,
Учитель мой», сказал я, ставши на ноги,
— «Дабы извлечь меня из заблуждения по-
говори со мной немного.
103. Где-же теперь лед? И как Люцифер по-
мещен
Вверх ногами? И почему в столь краткий
срок

Совершило путь Солнце от вечера до утра?»

106. И он мне: «Ты воображаешь еще,
Что находишься по ту сторону центра, где
я вцепился
В шерсть злостного червя, который прото-
чил мир.
109. Ты был там столько времени, сколько я
спускался.
Когда я опрокинулся, ты перешел через
точку,
К которой тяготеют отовсюду тяжести.
112. И ныне ты находишься под полушарием,
Противоположным тому, что покрывает
собой
Великую сушь, и у вершины коего распяли
115. Человека, родившегося и жившего без
греха:
Ноги твои стоят на небольшой сфере,
Другая сторона которой образует Джиу-
декку.
118. Здесь утро, когда там вечер.
И этот, шерсть которого была нам ле-
стницей,
Все еще всажен, как и был когда-то.
121. С этой стороны пал он вниз с неба;
И земля, что некогда тут вздымалась,
Из страха перед ним облеклась морем,
124. И перешла в наше полушарие; и возможно,

- Дабы бежать от него, оставила здесь пу-
стоту
Гора, что видится там, и возникла вверх».
127. Есть в глубине место, удаленное от Вель-
зевула
Настолько, сколь простирается его могила;
Оно не взором, но шумом обнаруживается
130. Ручейка, который ниспадает там
Через проточенную им в скале щель,
В беге извилистом, с небольшим уклоном.
133. Вождь и я этим потайным путем
Вступили к возвращению в мир ясный;
И не заботясь ни о каком отдыхе,
136. Мы восходили, он впереди, а я за ним,
Пока я не узрел дивных созданий,
Носимых Небом, через круглое отверстие:
139. Тогда мы вышли, чтобы вновь увидеть
звезды.
-

П Р И М Е Ч А Н И Я

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

1. «На половине странствия нашей жизни» на 35-м году жизни поэта, соответствует 1300 г. Данте родился в 1265 году.
2. «Темный лес» — лес страстей и прегрешений человеческих.
- 8-9. «Доброе» — Вергилий. Но предварительно надо рассказать о «другом», о трех зверях.
11. Сон — состояние духовного затмения в земной жизни.
13. Холм — «Холм противоположен лесу, или долине; если лес есть символ жизни безверной и порочной, то холм будет символом жизни праведной и добродетельной» (Скартаццини).
- 26-27. «Проход» — под ним разумеется здесь лес. Лес пороков не позволяет пройти через себя никому живому.
30. При восхождении, хотя бы и легком, как здесь, поднимаемая нога ступает выше стоящей.
32. Пантера — «символ плотских вожделений, или сладострастия». (Скартаццини). Таков взгляд на символ пантеры и у древнейших комментаторов. Земные страсти препятствуют поэту взойти на холм добродетели. Но сам поэт — лишь протагонист всего Человечества, следовательно, такова же и участь всех людей.
45. Лев — символ гордости.
49. Волчица — символ скупости. Взгляд также вполне средневековый. Трудно приписывать это свойство самому Данте — ничто в его жизни не говорит о личной скупости, но здесь, как и везде в поэме, на него сле-

дует смотреть, как на **представителя человечества**, а в последнем грех этот весьма силен. Очень возможно, что тут он имел в виду и нечто более частное в человечестве — скупость Римской Курии, грехи современной ему Церкви.

60. В «темный лес».
63. Вергилий представитель человеческого разума, философии, человеческой Мудрости. Вергилий уводит Данте от зверей греха и помогает совершить очистительное странствие по Аду и Чистилищу. Но для Рая его сил уже недостаточно, здесь путеводительницей будет Беатриче, Мудрость Божия.
69. Собственно, Вергилий родился в Анде, ныне Пиетоле, деревне близ Мантуи.
70. При Юлии Цезаре. «Поздно», — ему было лишь 25 лет, когда умер Цезарь, и при нем он не успел прославиться. (Бианки).
74. Сын Анхиза — Эней, главный герой вергилиевой «Энеиды».
87. В это время Данте был уже известен, как лирический поэт.
91. Вергилий намекает на необходимость проделать путь через Ад.
- 101-106. Пророчество о некоем Спасителе, который должен придти — одно из загадочнейших мест Божественной Комедии. В данном переводе мы придерживаемся толкования, принимающего слова *tra Feltro e Feltro* в смысле географическом. Указание на эту местность весьма подходит к Кану Гранде делла Скала, за которого многие и принимали освободителя. Но тогда на властителя Вероны выпадает слишком грандиозная задача: ведь он должен победить и загнать в Ад самое Волчицу, Скупость! (реформировать Римскую Церковь?). По Краусу это некий Устроитель (религиозно-этический образ), долженствующий побороть Волчицу (*cupiditas*) Церкви, и тем самым **поднять** нравственное состояние Италии. Кто именно этот *Veltro* — неизвест-

но. Быть может, Данте представлял его себе как-бы новым Франциском Ассизским, или святым Папой, или гибеллинским вождем. Нам этот взгляд Крауса кажется заслуживающим внимания. Тем не менее, как сказано выше, мы сохраняем географический признак («меж Фельтро и Фельтрó»); согласно же Краусу и некоторым древним, надо читать *tra feltro e feltro*, «низкого рода» (*feltro*, значит войлок, кошма, что указывает на скромное происхождение будущего Избавителя). Другие понимали еще «меж небом и небом», разумея явление в небесах Христа. Для нас — характеризованный Краусом Избавитель **родится в области между Фельтро и Фельтро**. Среди многих отгадок загадки есть и очень курьезные. Напр., принимали за *Veltro* Наполеона III, и даже... императора Вильгельма I-го (Штедефельд).

107. Камилла, дочь царя Вольсков, погибла, сражаясь против троянцев. Смерть ее описана в XII книге «Энеиды». — Эвриал погиб вместе со своим другом Низом, в сражении с вольсками. — Турн, царь рутулов, пал от руки Энея; рассказом о смерти этого героя кончается поэма Вергилия.
116. Души тех, кто жил и умер до Данте.
117. «Криками взывающие о вторичной смерти», т. е. жаждут умереть, не мучиться более.
119. Души Чистилища.
122. Беатриче. В XXX песни Чистилища она является Данте, чтобы ввести его в Рай.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

1. Вечер 25 марта 1300 г., первый день прошел среди взгод леса и бесед с Вергилием.
13. «Ты рассказываешь» — в «Энеиде». Эней, по Вергилию, был отцом Сильвия.

16. «Ненавистник всякой скверны» — Господь.
17. Великое следствие — Рим. «Кто оно и каково» — Цезарь, империя, папство.
- 26-28. Схождение Энея в Ад дало ему силы победить Турна, вследствие чего был основан Рим, где, затем, установилось и победило папство («папская мантия»).
29. Ап. Павел. «Ап. Павел не говорит столь ясно, что в **чувственном облике** был в вечной обители, но в средние века этому верили». (Бланки). «Избранный сосуд», выражение из Деян. Св. Апостолов. Сказано об Ап. Павле.
- 40-43. В конце предыдущей песни он просит Вергилия вести его. Теперь почти отказывается от своего намерения.
52. ..«С теми, кто нерешен», обитатели лимба в 1-м круге Ада, см. песнь II. — С одной стороны у них нет надежды на рай, с другой — они не подвержены мукам — как бы между небом и адом, не **решены**, не **определены** ни в ту, ни в другую сторону. «Некоторые считают, что Данте думал о возможности улучшения судьбы этих обитателей лимба, но тогда лимб не мог бы находиться **за** роковыми воротами с надписью: «Оставьте всякую надежду вы, входящие», и Вергилий не сказал бы, что там живут **без надежды**». (Скарт.).
53. Беатриче. — Как бы ни относиться к реальности юношеской любви Данте к девушке Беатриче Портинари, жившей вблизи дома Данте, Беатриче «Божественной Комедии» несомненный символ. Если это есть воспоминание об очаровании юношеских дней, том очаровании, которое оставило в душе светлый свой след навсегда, то здесь этот образ возведен в сан высочайший. Беатриче занимает очень почетное место на скамье блаженных, она идет к Деве Марии и говорит с нею, наконец, посылает на помощь своему давнему поклоннику Вергилия, а в Чистилище, как некая царица, в колеснице встречает Данте и ведет по Раю. Нет разногласий, что это уже **не** скромная флорентийская девочка, а существо ангельское, высшего духовного ранга.

Но что она олицетворяет? Здесь разногласия значительны. Для Крауса Беатриче «персонализация Божественной Мудрости, тип этот создан древне-христианской и средневековой литературой и искусством, Данте же лишь усвоил его, дабы создать всем понятную и всех просвещающую Аллегоррию».

- 76-79. По Бианки, Беатриче представляет здесь одновременно идею Философии и Теологии, благодаря которым человеческий род превосходит все, что есть на земле, что заключено в круге неба Луны (по птоломеевой системе ближайшее к Земле Небо, с наименьшим кругом, есть Небо Луны). Однако, Философия вряд ли здесь при чем.
80. Т. е. — так рвусь я исполнить твое приказание, что даже, когда исполняю его, мне кажется, что я опаздываю.
94. «Прекрасная Жена» — Дева Мария.
97. «Лючия» в прямом смысле — Святая по имени Лючия. Аллегорически Лючия, как указывает уже ее имя, есть символ просвещающей благодати. Католическая церковь чтит св. Лючию, как исцелительницу при болезнях глаз». (Скартац.).
102. Рахиль, дочь Лавана, и вторая жена патриарха Иакова, образ Созерцания.
105. Благодаря любви к Беатриче и желанию достойно прославить ее, Данте преданся изучениям и «выделился из обыденной толпы».
108. Следуя за большинством в принятии Аллегории, мы видим в **смерти** смерть духовную, и в **реке** жизнь человека, обуреваемую страстями... Итак... **смерть**, которая грозит поэту, есть тоже, что и три зверя, а река — тоже, что лес (Блан).

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

- 7-8. Указывается первоизданность Ада. Современники его — формы вещей и идей, первая материя, ангелы (Аристотель).
29. Там нет смены времени, дня и ночи. Поэтому, цвет воздуха всегда одинаков.
37. «Поэт предполагает, что некоторые ангелы пожелали остаться нейтральными, когда Люцифер взбунтовался против своего Творца, и не были ни за Бога, ни за дьявола. Библия не знает такого разряда нейтральных ангелов; быть может это изобретение самого Данте» (Скартаццини).
56. Считают, что это Папа Целестин I, по малодушию отрекшийся от папства. Бонифаций III, его преемник, посадил его в темницу, где он и умер. Другие принимают эту тень за Исава, отказавшегося от первородства.
71. «Большая река» — Ахерон. Это первая адская река. Через нее Харон перевозит грешные тени. Далее начинаются нисходящие круги Ада.
109. «Демон Харон». Данте делает стражами разных кругов Ада существа мифологические; это соответствует теологическим взглядам средневековья, которое в существах языческой мифологии обычно видело реальные сущности, но не богов, а демонов, примиряя, таким образом, — хорошо или дурно — христианскую веру с языческой традицией. Источником такой веры является никто иной, как Ап. Павел, который пишет: «...Язычники, принося жертвы, приносят бесам» (1 Кор., X, 20). (Скерт.).

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

24. В Лимбе, где находятся те умершие, кто не знал крещения, мудрецы и герои. Слово **лимб**, значит **край**

- одежды. Данное место названо так потому, что представляет собою как бы предел, оторочку Ада (Бианки).
28. Горести внутренние, или духовные, без внешних мучений.
 50. «Другого» — Христа. Схоластики учили, что Христос в промежутке времени между своею смертью и воскресением сходил в Лимб для освобождения душ ветхозаветных святых.
 54. Крестом.
 86. Меч — символизирует войну, воспетую Гомером.
 95. Имеется в виду Гомер, «владыка высочайшего песнопения».
 110. «Семь врат», так называемые семь свободных искусств.
 121. Электра — дочь Атланта, которая от Зевса родила Дардана, основателя Трои.
 124. Камилла — дочь царя Вольсков. (См. прим. I, 107). — Пентесилея — царица Амазонок, убитая Ахиллом.
 125. Латин — царь туземцев — тесть Энея.
 128. Лукреция, добродетельная супруга Коллатина, обещенная Секстом Тарквинием. Юлия — дочь Цезаря и супруга Помпея. — Марция — жена Катона Утического. — Корнелия — дочь Сципиона Африканского и мать Гракхов.
 129. Саладин, из простого солдата, благодаря дарованиям, обратившийся во владетеля Египта и Сирии. Он завоевал Иерусалим, изгнав оттуда Гвидо ди Лузиньяно. Отличался, в противоположность другим своим единомышленникам, большим человеколюбием и известной приветливостью. Поэтому он и сидит одиноко, не разговаривая с окружающими.
 131. Аристотель, бывший в большом уважении во времена Данте. Его почитали, как непогрешимый авторитет.
 137. Анаксагор — философ из Клазомен, наставник Перикла. Диоген, известный циник из Синопа. Фалес из Милета, автор «Космологии», где вода играла главную роль.
 138. Эмпедокл, Гераклит и Зенон — все трое философы:

первый из Агригента, написал поэму о природе вещей; второй из Эфесса, творец глубокомысленного мировоззрения, в основе коего знаменитое «все течет». Третий — глава стоиков.

- 139-140. Диоскорид из Киликии, жил при Нероне, врач. — Орфей — фракиец, священный поэт и музыкант.
141. Туллий — Марк Туллий Цицерон. — Лин — из Фив, музыкант на лире и поэт.
143. Гиппократ, Авиценна и Галлиен — все трое медики. (Авиценна — араб).
144. Аверроэс — арабский философ — комментатор Аристотеля.

ПЕСНЬ ПЯТАЯ

4. Минос, древний мифологический царь Крита, по Гомеру сын Зевса и Европы, брат Радаманта, отец Девкалиона и Ариадны. Так как по мифологии он был одним из первых законодателей человечества и правил с величайшей мудростью, то поэты сделали из него судью Ада (Вергилий, Энеида, II). В «Божественной Комедии» Минос также адский судья, но Данте обращает его в демона, согласно средневековой вере, основанной на словах Ап. Павла.
6. Направляет в такой круг, сколько раз обовьет себе спину хвостом.
- 61-62. Дидона. Она обещала мужу своему, Сихею, что после его смерти останется одинокою. Но отдалась Энею.
65. Ахилл, собравшийся жениться на Поликсене, был убит стрелою Париса, ее брата, во время свадебного пира.
67. Парис — сын Приама и похититель Елены. Другие считали его за странствующего рыцаря средневековья, прославленного в старинных романах. — Тристан, рыцарь Круглого Стола, племянник короля Марко Корнуэльского; трагически любил жену его Изольду (Изотту).

74. Эта Франческа Малатеста и ее деверь Паоло — знаменитая чета несчастных любовников, прославленная Данте. Приводим рассказ о судьбе их по Анонимо Фиорентино:

«Надо сказать, что уже долгое время шла война между мессером Гвидо да Полента и мессером Малатеста старшим из Римини. Так как это утомило обе стороны, то с общего согласия заключили мир, и чтобы лучше он соблюдался, вступили в родство; ибо мессер Гвидо выдал дочь за сына мессера Малатеста, а мессер Малатеста так же обвенчал своих детей. Мадонна Франческа, дочь мессера Гвидо вышла замуж за Джиганчиотто мессера Малатеста; и хотя он был умный человек, но вида грубого, мадонна же Франческа была прекрасна, так что мессеру Гвидо говорили: «Вы дурно устраиваете эту вашу дочь; она прекрасна и редкой души; она не будет довольна Джиганчиотто». Мессер Гвидо, который больше ценил разум, чем красоту, все-таки пожелал, чтобы родство укрепилось: и дабы девушка не отказалась от брака, сделал так, что вместо Джиганчиотто явился в виде жениха Паоло, она вышла за Джиганчиотто. Правда, что перед свадьбой, когда Паоло находился однажды на дворе, служанка Мадонны Франчески показала ей его и сказала: «Этот будет твоим мужем». Она нашла, что он красив. Полюбила и согласилась. И отправившись к мужу, и найдя вечером рядом с собою Джиганчиотто, а не Паоло, как она думала — осталась недовольна. Она увидела, что ее обманули; но не отказалась от любви. Паоло же, видя, что она его любит, хотя вначале и противилась, легко склонился к любви. Случилось, что в то время, как они любили друг друга, Джиганчиотто отправился в синьорию, от чего у них возросла надежда; и любовь возросла настолько, что находясь тайно в комнате и читая книгу Ланчелота — и сначала рукою и поцелуями приглашая друг друга, в конце умиротворили они свои желания. И много раз в разное вре-

мя делали подобное; это заметил слуга Джианчиотто; он написал своему господину; по этой причине Джианчиотто вернулся и подстергши их однажды, застал в комнате, имевшей выход вниз, и отлично мог бы Паоло спастись, если бы кольчуга его не зацепилась за гвоздь в опускной двери, и он повис таким образом. Джианчиотто бросился на него с пикиою: жена кинулась между ними; направляя удар в него, он попал в жену и убил ее; и затем убил Паоло на том самом месте, где тот зацепился».

32. «Голубь — птица очень сладострастная, но в то же время символ невинности. Данте почитает историю двух. Быть может, он сравнивает их с голубями также и потому, что голубь есть символ искренности (Матф., X, 16), добродетели, которую Франческа проявляет в последующем рассказе в величайшей степени». (Скартаццини).
97. Равенна.
107. Каина — адский лог, где караются братоубийцы; песнь XXXII.
117. «Суровый Дант», путник и временами даже сам каратель грешников (у изменника Бокка дельи Аббати в гневе вырывает прядь волос с головы) — тронут! Давно замечено, что вряд ли отозвался бы так на горе влюбленных человек, лично не испытавший бурь любви.
128. Ланчелот — любовник королевы Джиневры, герой Круглого Стола. Романы короля Артура и Круглого Стола были модны во времена Данте.
137. Галеотто — как Галеотто был посредником между Ланчелотом и Джиневрой, так и для нас сам автор ее (Скартаццини).
142. Вновь не видерживает. Здесь Анонимо Фиорентино прямо говорит: «поэт сам был уязвлен этим пороком, и потому так сочувствует тем, о ком говорит в тексте». Замечательно, что и Вергилий, всюду на протяжении странствия спокойный и благоразумный, как и

подобает представителю *tatio*, не упрекает здесь Данте в слабости, как делает в других местах. Ведь сочувствуя осужденным, Данте сам отчасти грешит. — Вообще же вся эта песнь есть как бы отголосок молодости поэта, времени, когда он не был еще политиком, приюром, избранником. Правда, проскальзывает эта нота у человека, уже много пережившего, знающего цену воспоминаний; все же перед нами здесь по преимуществу поэт любви, а не теолог, моралист или политик.

ПЕСНЬ ШЕСТАЯ

13. Цербер, трехголовый пес, в языческой мифологии страж ада. Данте обращает его в демона.
49. Твой город — Флоренция. Зависть была, действительно, главной причиной раздора и образования партий во Флоренции.
50. О зависти сказано: *traffossa il sacco*, «переполняет мешок».
52. Чиакко, флорентинец, шутник, весельчак и знаменитый обжора. «Был остро слов, и всегда любил общество богатых и изящных людей, особенно же тех, кто роскошно и изысканно ел и пил; если приглашали его на обеды, то ходил; и подобным образом, если не был приглашен, то приглашал сам себя; и этим пороком был известен всем флорентинцам; в остальном же был порядочный человек, по своему поведению, красноречивый и приятный, добродушный; из-за этих качеств его охотно принимали в хорошем обществе» (Боккаччио).
65. «Дойдут до крови», это случилось 1 мая 1300 г. «В этот вечер, который есть начало весны, женщины много занимаются танцами с соседями. Молодые люди

Черки встретились с компанией Донати, среди которых был племянник мессера Корсо и Барделлино де Барди, и Пьеро Спино и другие их товарищи и сторонники, которые и напали с оружием в руках на Черки. В этой схватке — среди многих раненых «РикOVERино де Черки отрубили нос». (Дино Компаньи). Все это, разумеется, обостряло вражду партий. — Лесная партия, или Белые, во главе которой стояли Черки, выходцы из лесистого Валь ди Сиеве. К ним принадлежал сам Данте. Другая — Черные, вождь которых был Корсо Донати.

66. «Белые изгоняют Черных из Флоренции; намек на изгнание главарей обеих партий в 1301 г.; или, может быть, что Черные были лишены своих должностей» (Скартаццини).
68. На третий год. Чиакко говорит в марте 1300. Белые, и среди них Данте, были изгнаны в апреле 1302. Третий год едва начался. — Одолеет первая, т. е. Черные.
69. Бонифаций VIII, папа, современник Данте, человек которого он ненавидел и поместил в третий лог восьмого круга, где грешники стоят вверх ногами в дырах, с пылающими подошвами (XIX песнь).
73. Трудно сказать, кто эти двое. Полагают, что Данте имел в виду себя и друга своего Гвидо Кавальканти.
79. Фарината («Ад», X, 32). Теггьяйо («Ад», XVI, 41).
80. Якопо Рустикуччи («Ад», XVI, 44). Арриго — по одним Арриго Джиандонати, по другим Одериго Фифанти, один из убийц Буондельмонте (Дж. Виллани). Моска («Ад», XXVIII, 110).
95. Прежде чем труба Архангела не возвестит страшного суда.
111. Это значит, что души осужденных, возвратившись в свои тела и став совершеннее, сильнее будут чувствовать горечь мучений. Это учение бл. Августина.
115. Плутус, бог богатства, которого Данте обращает в демона, как и другие мифолог. существа.

ПЕСНЬ СЕДЬМАЯ

1. Таинственные слова, объяснявшиеся различно («О, Сатана, Сатана, повелитель» и т. д.) Скартаццини вместе с Бланом считает, что «удовлетворительно истолковать их нельзя. Этот стих ждет еще своего Эдипа».
12. *Fe'la vendetta del superbò strupo*. — *Strupo* — стадо скота. Но здесь, по мнению большинства толкователей, поставлено оно вместо *Stupro*, из-за рифмы. *Stupro* же значит — «изнасилование»; а в переносном смысле — насилие, бунт, возмущение. Значит, св. Михаил карает Люцифера за попытку насилия над Богом. — Если же (с немногими) принять слово *Stupro* за кельтское, означающее **отряд, войско, собрание людей**, тогда смысл будет тот, что Михаил отмстил не только Люциферу, но и всему «войску» восставших ангелов. («Дал отмщение надменному войску»).
16. Четвертый круг.
- 22-23. Скупцы и расточители сталкиваются в этом кругу подобно волнам в проливе между Сицилией и Калабрией — идущим из Ионического и Тирренского моря.
57. Сжатый кулак — образ скупости. Отсутствие волос на голове — расточительность.
97. «*Or discendiamo omai a maggior pieta*», — «А теперь спустимся к большей жалости» — т. е. туда, где большие муки вызывают большую жалость.
98. Полночь. Звезды проходят через меридиан и склоняются. Действие поэмы началось утром, прошел день и вечер, 18 час.
118. Все древние толкователи согласны, что это **бездеятельные**. Даниелло был первый, оспаривавший это мнение, настаивая, что под водой находились души тех, кто таил злобу в сердце, не давая вырваться наружу ее пламени. Многие современные комментаторы приняли это мнение. Однако, сильные доводы заставляют нас присоединиться к древним. Очевидно, Данте рас-

пределяет в этой песни грешников по принципу, т. е. «каждая добродетель имеет двух сбоку находящихся врагов, или два порока, один — чрезмерность, другой — недостаток». Как в предыдущем кругу он помещает скупцов и расточителей рядом, одних — грешных изобилием, других — недостатком: так в этом кругу ставит гневных рядом с ленивыми, два рода грешников, также противоположных.

ПЕСНЬ ВОСЬМАЯ

2. Вергилий и Данте подходят к адскому городу Дису, опоясанному рекою Стикс.
7. «Море всякого знания» — Вергилий.
11. Приближается перевозчик Флегиас.
19. Разгневанный на Аполлона за то, что тот овладел дочерью его Коронидой, Флегиас сжег храм в Дельфах. Данте, по обыкновению, обращает его в демона.
21. Т. е. — мы не осужденные души.
27. Данте, как живое существо, обладает весом.
30. Ибо тела невесомы.
32. «Был этот Филиппо Ардженти де Кавиччули богатейший кавалер, так что иногда приказывал подковывать лошадь, на которой ездил верхом, серебряными подковами, оттуда и шло его прозвище. Он был высок, темноволос, крепкого сложения и удивительно силен, и более всякого другого гневлив, даже по ничтожнейшему поводу: и из его дел известны только эти». Боккачио, Декам. IX, нов. 8.).
63. Он не мог нанести вреда другим и в бешенстве укусил себя.
68. «Город Дис, укрепленный рвами, стенами и башнями, образует шестой адский круг. Как кажется, этот круг лежит не ниже пятого, но отделен от него рвами, башнями и стенами. Здесь вход в нижний ад, где заклю-

чены более в а ж н ы е грешники, т. е. отягченные более черными грехами. (Скартаццини).

70. Башни адского города.
76. Можно разделить Ад на две главные части: «верхний, от 1-го до 5-го кругов, и нижний, или глубокий, от 6-9.
83. Падшие с неба ангелы, обратившиеся в дьяволов.
91. По дороге, на которую он дерзостно и, следовательно, безумно вступил.
120. «Выражение негодования на дерзость демонов; хотя они и понимают, что Бог гневается на них, и что они бессильны против Его желаний, тем не менее осмелились не пустить в город Дис» (Скартаццини).
125. Здесь предполагается, согласно античной традиции, что когда Христос сходил в Ад, дьяволы оказали Ему сопротивление у входа в Лимб.
130. Посланец неба, пред которым откроются ворота Диса.

ПЕСНЬ ДЕВЯТАЯ

8. Минутное колебание Вергилия: помощь обещана, но отчего же она не является?
- 10-12. Сначала высказал сомнение, а затем утверждение («Также помощь нам обещана!»).
23. Эрикто — фессалийская колдунья, прорицательница. Она призывала в Ад тень умершего уже Вергилия.
27. Из Джиудекки, где находятся изменники.
33. «Без гнева» — н а т е х, кто не желает отворять врат. Или же разгневаются т е, к т о там находятся. (Оба объяснения возможны).
41. Керасты — рогатые змейки.
52. Медуза — самая молодая из трех Горгон, чья голова обращала в камень всякого, кто на нее взглядывал.
54. Тезей вместе со своим другом Пирифоем спустился в Ад, чтобы похитить Прозерпину. Обоих Фурии заковали в цепи, но Тезей впоследствии освободил Геркулес. Теперь они жалеют об этом.

62. Определенное указание на символический характер произведения. — Вопрос о символическом смысле Фурий очень темен. Предложено много объяснений. По Скартаццини: эпизод с препятствиями Данте пред вратами адского города символизирует душевное состояние поэта, когда он отходил от своих заблуждений. Так-же не сразу был он допущен к истине, как здесь не сразу позволяют ему пройти вниз, в глубокий Ад, и познать эту истину. Вергилий, как и всюду, — представитель императорской, земной власти; ее установлений оказывается недостаточно, и необходимо вмешательство папской, духовной власти (для Скартаццини — символ Беатриче). Ее посланец и вводит Данте в город Дис. Фурии по этому комментарию — дурная совесть; Медуза — сомнение, обладающее качеством делать человека нечувствительным, как камень. Наш взгляд на Вергилия и Беатриче иной чем у Скартаццини, мы скорее принимаем воззрение Крауса, т. обр. все данное толкование остается под сомнением. — Для Бианки Фурии — угрызение совести. Для Фламини — безумное влечение к несправедливости.
93. Собств.: «чем приманивается».
96. «Столько раз» — каждый раз, как вы пытались противиться воле Божией; «увеличивала вашу муку» — по Фоме Аквинскому второстепенные кары осужденных, особенно же демонов, могут быть увеличены до Страшного Суда (Скартаццини).
99. Цербер препятствовал Геркулесу, посланному Судьбою, войти в Ад. Герой сурово расправился с ним (Энеида, VI).
101. «Он не говорит с поэтами, чтобы не задерживаться, как тот, кто жаждет вернуться в лучшее место» (Томмазо).
113. Пола, город в Истрии, там есть римские монументы. Кварнаро залив, омывающий Истрию.

115. Речь идет о древних гробницах, находящихся вблизи этих городов.
131. Гробы раскалены неравномерно: одни сильнее, другие слабее, смотря по характеру ереси.

ПЕСНЬ ДЕСЯТАЯ

18. «Как и желание...» Невысказанное желание увидеть и поговорить с кем-нибудь из соотечественников. В песне VI, 79 Данте выразил желание видеть Фаринату, и Чиакко сказал, что он найдет его ниже. Вероятно, Данте предполагал встретить его именно в этом кругу, Вергилий угадывает мысли Данте (XVI, 122, XXIII, 25 и т. д.) (Скартаццини).
21. Уже при начале их странствия Вергилий дал понять Данте, чтобы он не говорил и не спрашивал слишком много. (III, 79).
26. Флоренции; в *Convivio* I, 3, он называет ее **прекраснейшей и знаменитейшей дочерью Рима.**
32. Фарината дельи Уберти: «Был из военного сословия, происходил из благородного рода дельи Уберти, потомков Катилины. В ранней молодости занимался свободными науками, где подавал надежды стать великим человеком. И достигнув юности, часто пробираясь до самых вражеских городов, благодаря раздорам, царившим в те времена, почти всегда был вождем войска, и часто с такою ловкостью побеждал гордых недругов, что невозможно было даже и подумать, и слава о нем прошла по всей Италии. Но слишком доверяясь улыбке Фортуны и желая почти единолично управлять республикой, был он изгнан враждебной партией, вследствие чего отправился в Сиену, где находилось много изгнанников». (Фил. Виллани «Жизни знаменитых Флорент»). «И не только был он главою и первым в фамилии Уберти, но был также главою гибеллинской партии во Флоренции, и почти во всей Тоскане, как из-за своих

достоинств, так и благодаря положению, какое занимал при Императоре Фридрихе II, (который поддерживал гибеллинскую партию в Тоскане и жил тогда в Королевстве), а также благодаря поддержке, которую по смерти Фридриха пользовался от короля Манфреда, его сына, с помощью и благодаря расположению которого держал в большом угнетении другую партию, т. е. гвельфов; и как многие полагали, разделял мнения Эпикура, т. е., что душа умирает с телом; и поэтому считал, что все счастье людей состоит в телесных удовольствиях». (Боккаччо, Коментарии к «Божественной Комедии»). В сентябре 1260 г. на реке Арбии при Монтеапелти (близ Сиены) разбил войско гвельфов и победителем вступил во Флоренцию. Гвельфы, среди них и род Данте, были изгнаны из города. Однако, на известном военном совете в Эмполи, где был поднят вопрос о срытии Флоренции, Фарината отстоял ее. Умер в 1264 г.

При жизни отрицал будущую жизнь, по смерти презирал ее.

«Пусть будут твои слова ясны, отчетливы, а не двусмысленны или сомнительны, ибо ты говоришь с еретиком, надо быть очень осторожным и внимательным» (Дан). «С современниками говорит Данте, с древними — Вергилий» (Томмазео). «Нам кажется, что поэт желает побудить Данте не тратить лишних слов, что говорить достойным такого человека, как Фарината образом» (Скартаццини).

41. «Надменно» — он, быть может, думал, что поэт не благородного происхождения, или предчувствовал, что это потомок злейших врагов его и его партии.
43. К повинованию словам Вергилия (см. выше. 39).
48. Первый раз в 1248 г. гвельфы были изгнаны из Флоренции, в этом принимал участие и Фарината. Второй раз (см. выше) — в 1260 г.
- 49-50. Но в январе 1251 г. вновь вернулись, после поражения гибеллинов при Фильине. — Вторично возврати-

лись в 1266 г., по смерти Манфреда, погибшего при Беневенто, сражаясь с Карлом Анжуйским.

53. Кавальканте Кавальканти, отец известного поэта Гвидо Кавальканти, друга Данте и соратника по литературе («оба, как лирики, принадлежали к течению *dolce stil nuovo*»), установленному Гвидо Гвиничелли.
60. Гвидо Кавальканти, «тот, кого я называю первым из моих друзей». Данте *Vita Nuova*, 13. — «Юноша изящный, благородный кавалер, учтивый и смелый, но надменный, склонный к уединению и преданный науке» (Дино Компаньи). Обвиняя его в эпикуреизме Боккаччио, может быть, смешивает его с отцом.
63. Из Данте: «*Vita Nuova*», § 31 можно вывести заключение, что Гвидо не любил читать по латыни» (Скарт).
68. Данте упомянул о Гвидо в прошедшем времени, из чего Кавальканти заключил, что тот уже умер.
74. Гвидо Кавальканти был мужем дочери Фаринаты. Фарината не откликнулся на горе Кавальканти, когда тот подумал, что его сын умер. Фарината погружен в мысли о Флоренции, партиях, политике. Более «чем такое ложе» (огненное), мучит его то, что гибеллины дурно изучили искусство возвращения.
79. «Не пройдет и пятидесяти месяцев, как Данте изгонят из Флоренции», и указывает это по Даме, царящей в Аду, по луне, которая названа Прозерпиной». (Ан. Фиорентино). Смысл таков: не «пройдет и пятидесяти месяцев (4 года, 4 месяца), как ты испытаешь, сколь трудно искусство возвращения во Флоренцию, когда оттуда изгнали. По условной хронологии поэмы Фарината говорит Данте в марте 1300 г. В январе 1302 он впервые был изгнан; чрез два года и несколько месяцев после своего изгнания, т. е. чрез 50 месяцев после предсказания Фаринаты, Данте мог действительно уже на опыте познать «всю тяжесть этого искусства». (Скарт.).
- 83-84. Дословно «безбожен». Уберти исключались из всех списков амнистированных.

87. Народные собрания происходили в храме, во Флоренции обычно в церкви С. Джованни.
89. «В дурных действиях он желает иметь товарищей, в хороших же — нет» (Скарт.).
90. «Не без причин выступил» — был преследуемый изгнанник; вполне понятно, что искал всякого повода вернуться на родину.
91. На гибеллинском совете в Эмполи (см. выше, 32).
98. Видите будущее.
99. А настоящего не знает. Кавальканти не знал, что сын его был еще жив.
107. В день Страшного Суда.
108. Не будет ни будущего, ни прошедшего, но лишь вечное, т. е. настоящее. Настоящего же не будут знать, так как не станут приходить к ним **другие**, т. е. новые души, сообщая новости.
109. Промедлил с ответом Кавальканти о сыне.
111. Гвидо еще жив. Он умер в 1300 г. вследствие нездоровья, причиненного ему вредным воздухом Сарцаны, куда он был выслан.
119. Фридрих II Гогенштауфен, король неаполитанский и сицилийский, германский император. Покровительствовал писателям, ученым, гибеллинам. Считался атеистом. Был врагом Римской Курии.
120. Оттавиано дельи Убальдини, страстный гибеллин, и тоже атеист.
123. О словах Фаринаты, 79-81, где предсказывалось изгнание, и тщетные попытки вернуться.
129. Вергилий приглашает обратить внимание на муки осужденных, благотельное созерцание которых и есть содержание странствия (Скарт.).
131. Беатриче. Вергилий **все знает** (VII, 3), т. е. по-человечески; Беатриче **все видит**, в Боге.
134. До сих пор они шли вдоль стены города Диса, теперь пересекают его по середине.

ПЕСНЬ ОДИННАДЦАТАЯ

3. *Crudele stipa*. «*Stipa* — клетка, куда сажают кур, и в этом смысле употребляется здесь метафизически, ибо также как кур сажают в клетки, души заключены в эту страшную темницу». По другим *stipa*, значит скопление, гряда (грешников). У нас переведено «еще более терзаемая гряда».
8. Анастасий, римский папа, избранный 24 ноября 496 года.
9. Фотин, епископ Сирмии и ученик Марцелла Анкирского, принадлежавший к ереси Сабеллия. Его учение осуждено собором 351 г. Относительно участия в этой ереси папы Анастасия Данте, повидимому, был введен в заблуждение одной летописью.
17. Седьмой, восьмой и девятый. Седьмой — круг насильников и разделяется на три отдела; восьмой — обманщиков, там десять логов; девятый — изменники, с Каиной, Антенорой и Джуудеккой.
23. Всякое зло разрешается в несправедливость, оскорбление — или Бога, или ближнего, или самого себя.
25. Ибо лишь человек обладает разумом, могущим обманывать.
27. Обманщики ниже насильников.
28. Первый из трех меньших кругов, спускающихся вглубь от данного, шестого.
32. Над их вещами — воровство, грабеж.
39. В первом отделе седьмого (первого, **меньшего**) круга.
- 43-45. Во втором отделе — самоубийцы и расточители собственных средств. Эти моты отличаются от расточителей VII песни, которые грешили лишь тем, что **дурно давали** (VII, 58.), между тем, как первые проматывают свои блага, проигрывая их.
49. Третий отдел. Здесь содомиты (см. Книгу Бытия, XIX).
50. Каорза, Кагор — город во Франции, известный в те времена своими ростовщиками.

66. Последний — круг изменников (3-ий меньший, или 9-ый).
- 71-72. «Мчит ветер» — сладострастные, второй круг: «хлещет дождь» — обжоры, в третьем круге.
80. «Твоя этика» — этика Аристотеля, которую ты сделал своею, прилежно изучая ее.
- 82-84. До города Диса наказываются грехи невоздержания; ниже — **скотство и лукавство**, что занимает всю остальную часть Ада, до Люцифера. Итак, в седьмом круге наказывается **скотство**, в восьмом и девятом **лукавство, обида**, в широком, аристотелевском смысле.
91. Вергилий — солнце (разума).
93. Сомнения дают возможность и удовольствие мудро разрешить их с помощью Вергилия.
- 113-114. Положение созвездия Рыб на горизонте (в конце марта) — указывает время дня: раннее утро. Кавр (Caurus древних) — северозападный ветер. Следов., Большая Медведица (il Carro) в эту минуту находится на северозападе.

ПЕСНЬ ДВЕНАДЦАТАЯ

4. «В этом самом году (1309), в двадцатый день месяца июня, в субботу, обрушилась к великому изумлению всех (ибо не было тогда ни землетрясения, ни какого-либо ветра) большая часть горы над Киузой около Вероны, обломки которой до сих пор видны еще в значительной части» (История Вероны Джир, делла Корте, X, 608). Этим, по мнению Скартаццини, решается спор между веронскими и трентинскими эрудитами о месте обвала. (Трентинцы настаивали на Монте Барко, близ Роверето). — Считается, что в 1309 г. Данте был именно в Вероне. Значит, как и утверждает Скартаццини в своих «Пролегоменах», это еще свидетельство, подтверждающее, что Данте написал «Ад» довольно поздно (не ранее смерти Генриха III, 1312).

12. Минотавр, позор острова Крита, плод противоестественных воцделений Пасифаи. Данте обращает его в стража и в тоже время делает символом насильничества, тирании, человекоубийства. Мифологический Минотавр действительно пожирал людей, (Скарт.).
13. Пасифая, жена критского царя Миноса, отдалась быку, будучи заключена в сделанную из дерева корову. От этого соединения родился Минотавр. Поэтому и сказано, что он был «зачат в лже-корове»).
17. Тезей, который с помощью возлюбленной своей Ариадны убил Минотавра.
20. Ариадной, дочерью Миноса и Пасифаи. Она провела Тезея в Лабиринт.
30. Здесь спускались обычно невесомые тени. Тяжесть Данте, живого, нова для этих камней.
- 34-35. Первый раз он спустился замороженный колдуньей Эрихто (песнь IX, 22 и далее).
37. За несколько минут ранее, так как землетрясение произошло в момент смерти Спасителя, и уже затем Он спустился в Ад.
- 41-42. Эмпедокл считал, что основа мира есть вражда атомов между собою. Когда наступает их примирение, жизнь прекращается, настает первобытный хаос. В данном случае Вергилию показалось, что мир охвачен таким унитарным порывом, стирающим различия и, следов., способным вернуть все к небытию.
45. «В другом месте» — в шестом логе восьмого круга (XXI, 108). Вергилий знает об этом, ибо знает все (Ад, VII, 3).
47. Третья река Ада, Флегетон.
52. Первое подразделение (кольцо) седьмого круга: насильники над ближними.
56. Кентавры гигантские существа, полу-люди, полу-лошади, страшные своей силой и свирепостью. Символ зверской незаконной жизни. Здесь они наказывают тех, кто жил вне закона.
59. Несс, Хирон и Фол.

61. Несс.
66. Намек на любовь его к Дейянире, стоившую ему жизни.
- 68-69. Геркулес убил его стрелами, обмоченными в крови Гидры. Умиравший Кентавр оставил свою окровавленную одежду Дейянире, уверив ее, что в этой одежде сила, препятствующая Геркулесу любить других женщин. Дейянира отдала ее мужу. Тот надел, обезумел и умер.
71. Хирон, сын Сатурна и Филеры, дочери Океана. Сатурн, его отец, воспламенившись любовью к Филере, и боясь вместе с тем ревности Реи, своей супруги, обратился в жеребца, и в этом виде произвел на свет Хирона, который поэтому и стал Кентавром. Он однако отличается от других Кентавров. По мифу, он был медиком, предсказателем, астрологом и знаменитейшим музыкантом. Вскормил и воспитал Ахилла, Эскулапа, Геркулеса и других знаменитых греков.
81. Это Данте. См. примечание 30.
88. Беатриче.
107. Неизвестно, какого Александра имеет в виду поэт: Великого, или Фессалийского, тирана города Ферей. Древние комментаторы (Пьеро ди Данте) склонны ко второму предположению. Также и Скартаццини. Он находит, что Данте вряд ли поместил бы в Ад Александра Великого, о котором довольно хорошо отзывается в «*De monarchia*». — Дионисий, тиран. Сиракузский.
110. Эццелино, свирепый падуанский тиран, императорский викарий Марки Тревиджиано. — Убит в 1259 году.
111. Обиццо д'Эсте, маркиз Феррарский и Марки Анконской, известный своею жестокостью.
114. Т. е. в этих делах Несс знает более, чем я.
117. Буликамаэ — серный горячий ключ около Витербо.
- 118-120. Граф Гвидо де Монфор убил в Витербо, в храме, племянника Генриха III Английского. (По имени тоже Генрих). Граф мстил за своего отца, казненного в Лон-

доне. Сердце убитого было отправлено в ящичке в Лондон, где его выставили на колонне у входа на мост через Темзу, как предмет поклонения. — Эта подробность «Божеств. Комедии» приводится в подтверждение мнения, что Данте был в Англии, где и слышал об этом сердце.

- 131-132. Глубина крови все растет, пока не доходит до места, где терзаются тираны, погруженные до самых ресниц.
135. Пирр, царь Эпира, известный войнами с Римом. «Ужасный не только с врагами, но и с собственными подданными». Секст, сын знаменитого Помпея. После смерти отца занялся морским разбоем в Сицилии.
137. Риннер да Корнето, известный грабитель на морском побережье Рима. — Риньер Пацци — флорентинец знатного происхождения, грабивший по дорогам в Вальдарно (около Флоренции).
139. Т. е. — Кентавр вернется обратно, исполнив свою миссию.

ПЕСНЬ ТРИНАДЦАТАЯ

9. Корнето, (древн. Тарквинии, небольшой городок в Лациуме, близ моря, к северо-западу от Рима. Знаменитый этрусский некрополь. Чечина — река, еще далее к северу, весьма нездоровая, болотистая (маремма).
10. Гарлии — злобные чудища, полуженщины, полуптицы.
19. А там начинается уже третье кольцо седьмого круга.
48. Намек на III книгу Энеиды, где рассказывается, что когда Эной сломал кустик на могиле Полидора, оттуда потекла кровь.
58. Пиер делле Винье, из Капуи, известный секретарь Фридриха II. Вначале пользовался неограниченным доверием императора (сказано: «обладал обоими ключами от сердца», — т. е. мог внушить какое-либо ре-

шение, или отговорить от чего-нибудь). Впоследствии был обвинен в измене, или даже в намерении отравить Фридриха. За это был ослеплен. В отчаянии покончил с собой.

63. Преданностью и энергией возбудил ненависть гвельфов, откуда и явилась клевета и смерть.
64. Зависть. По другим — Римская Церковь.
68. Августа — Фридрих II. «Из уважения к Октавиану всех императоров называют еще Августами».
73. Клянусь моей новой жизнью здесь («новыми корнями этого дерева», т. е. самого себя).
84. В третий раз поэт сочувствует осужденным. 1) Когда Вергилий рассказывает о тех, кто в Лимбе (IV, 40); 2) Паоло и Франческо (V, 142). Быть может, здесь сочувствие вызвано тем, что Пьер делле Винье погиб из-за зависти — мотив очень личный для Данте, как личен был и мотив любви.
89. В узловатые, искривленные деревья.
102. В подл. — «окно», отверстие.
118. Сиенец Лано, гвельф. В 1280 году аретинцы под начальством Бонконте де Монтефельтро разбили сиенцев при Пиеве дель Топпо. Лано, промотавший все свое имущество, участвовал в этой битве, он мог бы спастись, но не желая жить в бедности, кинулся на врагов, заранее обрекая себя на гибель — и был убит. Так-же и теперь он идет на смерть и не может ее найти.
127. Якопо.
133. Эти слова произносит дух, заключенный в кустике, куда кинулся Якопо да Сант Андреа, сын богатейшей женщины, у которой было шесть мужей. Мать оставила ему наследство двух богатейших фамилий. Полагают, что Эццелино приказал убить его в 1239 году. Знаменитый расточитель, как видно из следующих анекдотов. Он поджидал несколько человек на пир у себя на вилле и так как гости запаздывали из-за ночной темноты, приказал поджечь несколько соломенных

хижин вдоль дороги, частью, чтобы едущие не заблудились, частью, чтобы выказать им знак веселого настроения и дружеского приема. Однажды подобно Нерону он захотел видеть большое пламя и поджегши виллу, принадлежавшую ему, наблюдал издалека, как она горела. Плывя в Венецию, пускал по воде для забавы золотые и серебряные монеты и развлекался тем, что смотрел, как они делают рикошеты.

143. Одни считают, что в кустике был заключен дух Рокко ди Моцци, растратившего все свое имущество, и повесившегося. — Другие — что это судья, который повесился в собственном доме, подавленный отчаянием за несправедливо вынесенный им приговор.
147. Флоренция, первоначально языческая, избрала Марса своим покровителем, и его конная статуя, в вооружении, была поставлена в храме, где теперь Баптистерий. Город, обратившийся в христианство во времена Константина, избрал своим патроном Иоанна Крестителя вместо Марса, и статуя была вынесена из храма. Так как некоторые принадлежали еще к языческому заблуждению, то не пожелали разрушить ее, а сохраняя как палладиум, поставили на башню близ Арно. И она оставалась там, пока Атилла (который, как всякому известно, никогда не переходил Аппенин), или лучше Тотила (это тоже противоречит истории) не взял города и не разрушил его, так что статуя упала в Арно. Когда Флоренция была снова отстроена Карлом Великим (и это вновь вымысел), нижняя часть статуи была найдена в реке, на нее взирали всегда с некоторым мистическим ужасом; ее поставили на пилястру в начале моста Понте Веккио. И она оставалась там до 1333 года, когда большое наводнение разрушило мост и унесло все следы статуи». (Блан). Итак, Марс грозит и печалит и теперь Флоренцию своим искусством (своими делами), т. е. войнами внешними и внутренними. «Некий его образ» — обломок статуи.
150. «Совершили бы свой труд напрасно» — существовало

мнение, что эта статуя была как бы Палладиумом Флоренции. Если бы «некий образ» не стоял еще на мосту чрез Арно, город погиб бы вновь.

ПЕСНЬ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

1. Данте был флорентинец, и душа, заключенная в этом кустике сказала, что она также была из Флоренции (см. XIII, 143).
3. Т. е. изошедшему кровью кусту.
6. Второе кольцо седьмого круга — от третьего.
11. Перед «лесом скорби» протекает кровавая река, которую мы уже видели — «печальный ров» (XII, 47).
- 14-15. Катон Утический вел свое войско в песках Ливии, подобных этим.
22. Лежат на спине насильники над Божеством; слетающее пламя поражает их рты, которыми они хулили Бога.
23. Сидят ростовщики; они ничего не делают, как не работали и в жизни, заставляя трудиться мертвый металл.
24. Бегают содомиты, подгоняемые непрерывно своими страстями, подобно носящимся сладострастным V песни; но место действия еще мрачнее, и их жжет огонь.
27. Лежачие больше страдали.
31. В так назыв. письме Александра Великого в Индию после страшной бури снег шел *in modum vellerum*, и Македонский вождь приказал солдатам топтать его *pe castra simularentur*, и чтобы быть в состоянии вновь зажечь обычные огни. Одно однако спасло войско, что после снега пошел проливной дождь, который снес этот снег.
49. Капаней, один из семи царей, осаждавших Фивы. Известен своей ненавистью и презрением к Богу.
56. Монджибелло, на Этне в Сицилии, где предполагалось местонахождение кузницы Вулкана.

58. Флегра, долина в Фессалии. Место битвы гигантов с Зевсом.
60. Т. е. — не была бы полной. Капаней все же не склонился бы пред ним.
67. Дословно: «...обратился ко мне более мягкими устами».
72. Сказано иронически.
77. Флегетон.
88. Буликаме — озеро близ Витербо, питающееся сернистыми источниками. Повидимому, во времена Данте проститутки брали там ванны. В одном постановлении коммуны Витербо от 1464 года повелевается, чтобы проститутки не смели купаться с гражданками, а отправлялись бы на купанье в Буликаме.
96. Сатурн.
100. Рея, жена Сатурна и мать Юпитера, называемая также Кибелой.
101. Сына своего Зевса, от Сатурна.
- 103-104. Одна из загадочных аллегорий Данте.
105. Крит находится на прямой линии между египетской Дамиэттой и Римом. Дамиэтта лежит на границе между Азией и Африкой. Старец, образ всемирной истории, обращает к ней плечи. Ход истории соответствует движению неба с востока на запад.
116. Слезы, которыми плачет Старец изо всех своих трещин, за исключением головы из золота, представляют из себя всеобщность грехов, содеянных человечеством в три последние века испорченности, и они текут в громадную пропасть, «содержащую в себе зло всего мира» (Ад, VII, 18); и образуют сперва реку, называемую печальной рекой Ахероном; она появляется затем «более темная, чем багровая» в кругу скупцов; наводняет болота Стикса, где погружены гневные; быть может, по замыслу поэта все та же река, обращенная в кипящую кровь, мучит насильников в первом кольце; красная и кипящая появляется несколько ниже, в печальном лесу самоубийств под именем Флегетона и достигнув «бездны, пожирающей Люцифера и Иуду»,

обращается в огромнейшую груду льда по имени Коцит.

131. Данте делает вид в своей поэме, что верит мифологии, следовательно, он не мог сомневаться в существовании знаменитой реки забвения.
136. Лета — река забвения, находится в Чистилище. (См. Чист. XXVIII, 121).

ПЕСНЬ ПЯТНАДЦАТАЯ

1. Мы идем по побережью.
3. «Охраняет». «Естественно, что дым гасит огонь, и мы видим, что если поставить зажженную свечу над дымом, она тотчас погаснет». (Бути). «Плотина» — здесь имеется в виду побережье ручья.
4. Гущандт или Виссант, городок недалеко от Калэ. Вероятно его и имел в виду Данте; и выражение «между Гущандтом и Брюгге» охватывает все фламандское побережье.
9. Киарентана — снеговая гора в Трентино, в верховьях Brentы. Разлив Brentы весной обусловлен таянием снегов на ней.
12. Бог-ли, или демоны.
30. Брунетто Латини, из знаменитой флорентийской фамилии, родился в 1220, умер во Флоренции в 1294 году. «Был великий философ и учитель риторики, замечательный как в искусстве красноречия, так и декламации. Был светским человеком, но мы упоминаем о нем, так как он первый начал обтесывать флорентинцев, и был в этом учителем, и делал их заметными в красноречии и в умении вести республику и управлять ею по правилам политики». (Дж. Виллани). Флорентинцы очень почитали его и выбрали оратором Коммуны. В 1260 году он был назначен послом к Альфонсу Кастильскому. Но прежде чем посольство было снаряжено, гвельфов разбили при Монтеапerti, и изгнали из Фло-

ренции, среди них и **сера Брунетто Латини** с его близкими. Брунетто удалился во Францию. В 1269 возвратился во Флоренцию. В Париже он написал известное «Tesoretto». Был учителем Данте и Гвидо Кавальканти.

52-53. Т. е. не вернулся назад в долину.

55. «Если ты будешь следовать наклонностям, которые у тебя есть от природы благодаря влиянию счастливой звезды. Это сказано согласно принципам астрологии» (Бианки). Когда Данте родился, Солнце находилось в созвездии Близнецов (Рай, XXIII, 110). Близнецы, говорит Оттимо, по словам астрологов указывают на писание, науку и способность к познанию.

61-62. Фиезоле — по флорентинскому преданию первый город мира, или по крайней мере «первый город, построенный в Европе» (Дж. Виллани). По той же хронике Виллани — Фиезоле разрушил Юлий Цезарь, римляне построили новый город, Флоренцию, — «каковой город должен был состоять наполовину из фьезоланцев, наполовину из римлян». Так что «город Флоренция ведет свое происхождение от Фиезоле» (Маккиавелли, Ист. Флоренции). Эта смесь Римлян с Фиезоланцами и была, по мнению Виллани, причиной вечных смут и раздоров во Флоренции. Данте считал себя потомком древних Римлян; действительно, он склонялся к аристократизму. Он отличал Флорентинцев, сошедших из Фиезоле, от чистокровных Римлян. Первых он презирал.

63. Фиезоле расположено на горе, над Флоренцией.

67. Два объяснения этой поговорки о флорентинцах. Первое — что их обманул Тотила, которому они слепо поверили; второе — что Пизанцы, предложившие им две испорченные порфиновые колонны.

71. И Белые и Черные захотят, чтобы ты принадлежал им.

76. См. выше, 61-62 в конце.

81. Если бы все мое желание исполнилось, вы жили бы еще.

85. Становится бессмертным благодаря творениям своего духа и приобретает славу в мире.

87. Во всей этой песни Данте говорит о сер Брунетто с великим почтением и любовью, тем не менее помещает его в Аду и предает потомству память о нем как бы загрязненную. Это всегда казалось странным комментаторам. В сущности, здесь сам Данте опять грешит сочувствием грешнику. То-же, что он все-таки поместил своего учителя в Ад, по мнению Скартаццини может объясняться лишь неподкупной его суровостью и прямоотой, не делавшей исключения и для людей, которых лично он любил.
99. Вместо того, чтобы повторять слова, сказанные уже Данте однажды (X, 127), Вергилий говорит ему то-же поговоркою. Напоминая ему эту поговорку, Вергилий приглашает его твердо хранить в памяти слышанное.
108. Педерастией.
109. Присциан, знаменитый грамматик VI века, из Кессарии.
110. Франческо д'Аккорсо, видный болонский юрисконсульт, сын знаменитого Аккорсо, толкователя Гражданского права.
112. Андреа де Моцци, флорентийский епископ в 1287 г., переведенный в Виченцу в 1295 г. («с Арно на Баккильоне»). — Флоренция на реке Арно, Виченца на Баккильоне. «Слугою слуг» — папой Бонифацием, называвшим себя так.
119. «Тезоро» — главное произведение Брунетто Латини, написанное по-французски. Нечто вроде энциклопедии того времени, обнимающей все отделы знания. По преимуществу это компиляции из древних (Плиния, Библии и т. д.). Сер Брунетто написал еще «Тезоретти», «Первый образец аллегорической поэзии на итальянском языке» в стихах.
122. «Кто бежит в Вероне» — народное зрелище, бега лошадей, **palio**, — так назывался кусок зеленой материи, который давали победителю. Празднество было установлено в честь победы веронского подеста Аццо д'Эсте над графами ди С. Бонифацио и Монтекки,

29 сентября 1207 г. Справлялось оно ежегодно, в первое воскресенье великого поста.

ПЕСНЬ ШЕСТНАДЦАТАЯ

- 1-2. Из седьмого круга в восьмой.
9. Флоренция.
18. Т.е. это очень важные лица.
37. Гвальдрада, дочь доброго мессера Беллинчиона Берти де Равиньяни, графа Гвидо старшего, или Гвидо Гверра.
38. Гвидо Гверра, начальник гвельфского войска Флоренции, изгнавшего в 1255 г. гибеллинов из Ареццо. Не советовал Флорентинцам идти против Сиены, предвидя поражение при Монтеаперти. По словам Виллани «человек великой души, который всегда размышлял и желал великого, человек крепкий и воинственный, и действительно сведущий в войне». Умер бездетным, завещал имущество Флорентийской коммуне.
41. Теггьяйо Альдобранди: «мудрый рыцарь и храбрый в битве, очень уважаемый» (Виллани). Также был против сиенской экспедиции, окончившейся разгромом при Монтеаперти.
44. Якопо Рустикуччи, флорентинец, не знатного рода, но богатый, приятный и умный. Анонимо Фиорентино рассказывает, что однажды, когда он привел себе в комнату мальчика, жена бросилась к окну, крича: «Пожар!» Сбежались соседи, и Якопо должен был выйти из комнаты и показать, кто был с ним. Другие просто описывают, что он разошелся с женой и предался содомии.
47. Так велико было его уважение к этим флорентинцам.
70. Гульельмо Борсьере, учтивый и приятный кавалер, о котором упоминается в Декамероне (Д. I, нов. 8.).
73. «Новые люди» — недавно осевшие во Флоренции.
94. Здесь поэт сравнивает шумное падение Флегетона из седьмого в восьмой круг, с водопадом реки Аквакеты

у монастыря С. Бенедетто, в Аппенинах. В верхней части она называется Аквакета, а у Форли меняет название на Монтоне. Монте-Везо (ныне Монвизо) — гора, откуда берет исток эта река.

102. Монастырь С. Бенедетто, во времена Данте принадлежавший графам Гвиди, по своим доходам мог бы служить приютом для очень многих монахов, или бедняков; но в то время именно монахов было мало, и они мирно пользовались обильными доходами.
106. «Я был обвязан некоей веревкой» — веревка, которую носили францисканцы.
- 107-108. «И с ее помощью думал однажды уловить пантеру...» — думал, что надев одеяние францисканцев, одолеет искушения плоти. Скартаццини (расходясь с Бланом) принимает за достоверное свидетельство Бути, что Данте одно время собирался постричься в монахи-францисканцы. Символический смысл этой «веревки», вызвавшей ожесточенные споры среди дантологов, он объясняет так: «...Данте, дойдя до края восьмого адского круга, снимает с себя веревку, дает ее Вергилию, и не надевает ее уже более; эта веревка не может изображать какую-либо добродетель, но именно **порок**, который навсегда он от себя отстраняет...» Для Скартаццини несущественно, что когда Вергилий бросает веревку в бездну, на нее является Герион.
120. Сказано о Вергилии, читающем в душе Данте.
131. Чудовище Герион.

ПЕСНЬ СЕМНАДЦАТАЯ

1. Герион — образ обмана. В первых стихах Данте описывает его. По мифологии Герион — трехголовый гигант, которого убил Гераклес.
- 10-12. Лживый облик, вначале праведности, а затем лукавства.
16. Переведено по толкованию Скартаццини; color som-

messo — это фон, color sopraposto — цвет или краска выделяющаяся на нем. Другие считают, что речь идет о лицевой стороне ткани и подкладке.

18. Арахнэ — знаменитая лидийская пряжа, обращенная Минервой в паука.
- 21-22. На Дунае. Бобёр приседает у воды, готовясь к охоте. Пьетро ди Данте приводит старинное поверье, будто бобёр ловит рыбу, погружая в воду хвост, выделяющий маслянистую жидкость; а она привлекает рыб.
24. У каменной тропы, рубежа, ограды.
38. Girone — собственно — «большой круг».
55. Ростовщики. Они и здесь не могут расстаться со своими кошельками.
57. Взор их не отрывается от того, что, наивные, ценили они в жизни)
60. Герб Джианфильяцци из Флоренции — голубой лев на золотом поле. Это был гвельфский род: Джианфильяцци были изгнаны из Флоренции после сражения при Монтеапerti. Принадлежали к Черным (врагам Данте).
63. Герб Убриаки, (белый гусь на красном поле) — гибеллинского рода во Флоренции.
64. Благородный род Скровиньо из Падуи (голубая свинья на белом фоне). Быть может, Данте говорит здесь о Реджинальдо Скровиньи, известном ростовщике.
68. Сосед — согражданин. Быть может, это Виталиано дель Денте, избранный подестой на первые шесть месяцев 1307 года. Или же — Виталиани, который жил по соседству со Скровиньи.
72. «Сер Джиованни Буйамонте превзошел в ростовщичестве всех своих современников, и поэтому ростовщики называли его своим главой, или князем». (Бенв. Рамб.). Другие считают, что его называют первым кавалером иронически; но одно не исключает другого, лишь ирония становится еще более горькой. (Скартаццини).
78. Они устали потому, что все время двигают руками, см. 47.

86. При четырехдневной (перемежающейся) лихорадке белеют ногти.
87. Достаточно увидеть тень, как начинается озноб.
177. Возжи солнечной колесницы. Рассказ о Фаетоне — в *Метаморфозах* Овидия.
178. Млечный путь, по пифагорейцам, след ожога, нанесенного небу заблудившимся солнцем. Данте, однако, в «*Sopnivio*» примыкает ко взгляду Аристотеля, который полагал, что млечный путь образован скоплением мельчайших, невидимых звезд.
109. Икар, сын Дедала, который желая бежать с Крита, изготовил себе и своему сыну крылья, слепленные воском. От солнечной теплоты воск растаял. Икар упал и разбился.
- 124-126. «По тому, что муки восьмого круга приближаются, замечается спуск, а по тому, как он видит, что приближаются с разных сторон — замечается кругообразность спуска» (Скартаццини).
136. Особенность этой песни — количество сравнений. Пестрота спины Гериона сравнивается с пестротой восточных тканей; положение чудовища на краю каменной дорожки — с лодками на берегу, с бобром, опускающим хвост в воду. Ростовщики отмахиваются руками от пара и горячего песка, «как летом собаки». Один из них высовывает язык «как бык, облизывающий ноздри». Страх Данте сравнивается с ознобом четырехдневной лихорадки, отлет Гериона — с отплытием судна. Страх Данте (вновь) со страхом Фаетона, Икара. Спуск Гериона — со спуском злого и недовольного сокола после неудачной охоты. Десять сравнений на протяжении 136 стихов! — Замечательна их жизненность и яркость. (Б. З.).

ПЕСНЬ ВОСЕМНАДЦАТАЯ

1. Подразделения восьмого круга называются *Malebolge*. Слово *bolgia*, значит, собственно, мешок, сума. В пе-

реносном смысле, как здесь, — ров, канава. Я пользуюсь в своем переводе словом лог. Быть может, оно и не вполне точно передает понятие об узком и глубоком рве, зато дает возможность несколько расширить словарь, ибо, разумеется, словам ров, канава у Данте находится достаточно применения. В восьмом круге, разделенном на десять «злых логов», караются всякие разновидности обмана или лукавства.

5. Так называет он девятый и последний круг, из-за его узости сравнительно с другими.
8. Той скалы, на которой находятся в данную минуту поэты.
18. Эти гряды шли радиусами вниз к центру, пересекая лога.
28. «Большая часть христиан, живших тогда, совершала паломничество, как женщины, так и мужчины, из дальних и различных стран, издалека и из ближних мест. И удивительной вещью, невиданною, было то, что в течение всего года было в Риме, кроме римского народа, двести тысяч паломников, не считая шедших и возвращающихся, и все были накормлены и вполне довольны продуктами, как лошади, так и люди, и были терпеливы, не шумели и не дрались; и я могу засвидетельствовать это, ибо был там и видел» (Дж. Виллани).
29. 1300 год. Некоторые думают, что Данте присутствовал на этом юбилее. Возможно, что он был там послом флорентинской республики при папе Бонифации VIII. (Скартаччини).
32. Кастелло — замок св. Ангела.
33. По одним к Яникульскому холму, по другим к Монте-Джордано.
42. «*Gia di veder costui non son digiuno*» — буквально перевести нельзя. *Digiuno* — постящийся, голодный, лишенный.
50. Венедико Каччианимико, из могущественной гвельфской

фамилии в Болонье. «У него была сестра по имени прекрасная Гизола; он свел ее с маркизом Обиццо д'Эсте из Феррары, обещая, что она будет в чести и богатстве; но когда все произошло, она ничего не получила из обещанного». (Лана Болонский).

51. Переводится обычно: «к столь жгущим мучениям», — но здесь я захотел оставить целиком дантовский образ, во всей его суровой иронии (Б. З.).
56. Маркиз — вероятно Обиццо II д'Эсте. Виллани называет его просто маркизом, другие хотя это и менее вероятно, Аццо VIII.
57. Происшествие это рассказывалось по разному.
61. *Sira* говорят болонцы вместо *Sia*. Между Савеною и Рено (это реки) лежит Болонья. Смысл: в аду больше болонцев, чем наверно в жизни — живых.
63. Лана Болонский называет болонцев скупыми «от природы».
73. Под мостом есть проход для бичуемых, в виде арки.
86. Язон — сын Фессалийского царя Эзона; вождь аргонавтов.
92. Ипсипила — дочь Фоанта, Лемносского царя; была царицей Лемноса после избиения мужчин.
93. Она не могла решиться убить отца, и с помощью благочестивого обмана спасла его, дав возможность бежать; по другому же преданию спрятала его в ящик и бросила в море. Другим же женщинам острова сказала, что убила его.
96. Медея — прекрасная дочь Оэта, царя Колхидцев (Метаморфозы Овидия). Язон покинул ее, любив Креузу. Здесь он расплачивается за двойной обман.
122. Алессио Интерминелли. Интерминелли принадлежали к партии Белых и за это были изгнаны из Лукки. «Как всякий знает, Каструччио Кастракани был из рода Интерминелли. Ни современная история, ни документы луккских архивов не упоминают о таком пороке этого Алессио». (Минутоли). Древние комментаторы Боже-

ственной Комедии, напротив, называют его великим льстецом и соблазнителем женщин.

133. Таиса — блудница, изображенная Теренцием в комедии «Евнух».
134. Тразон — молодой солдат, влюбленный в Таису.

ПЕСНЬ ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

1. Симон Маг. «Находился же в городе некоторый муж, именем Симон, который перед тем волхвовал и изумлял народ Самарийский, выдавая себя за кого-то великого». (Деяния Ап., VIII, 9).
8. Tomba — здесь говорится о третьем *bolgia*, о логге — формой он походил на могилу.
17. «Чудный Сан-Джованни» — Баптистерий Флоренции.
18. Между комментаторами существует разногласие в понимании слова *battezzatori*. Одни производят его от *battezzatorio* (купель), другие от *battezzatore* (совершающ. крещение). За последнее толкование — некоторые древние и Скартаццини, за первое — Дионизи и некоторые новейшие (Джулиани). У нас переведено согласно последним. Таким образом, по нашему переводу Данте спас ребенка утопавшего в этой купели. По другому же толкованию получится, что он спас ребенка, застрявшего в дыре, где не было воды.
21. Т. е., я разбил купель из-за очень серьезного дела, и следовательно не совершил проступка.
39. Ты знаешь мои желания, хотя я и не высказывал их словами. Этим Данте говорит, что сам он хотел пойти и поговорить с осужденными. Что Вергилий читал его мысли — об этом упоминалось уже несколько раз (Песни X, 18; XVI, 12; XXIII, 25).
49. В средние века применялась казнь, состоявшая в том, что человека зарывали живого в землю головой вниз. Нередко случалось, что несчастный уже будучи опущен, пытался на несколько мгновений отсрочить смерть

и призывал исповедника под предлогом, что не упомянул о некоторых своих грехах.

53. Бонифаций VIII — римский Папа, враг Данте.
54. Слова эти произносит Папа Николай III — предшественник Бонифация.
55. Виллани очень сурово отзывается о расточительности и nepотизме Бонифация VIII; Виллани сам принадлежал к гвельфской партии, поэтому его свидетельство особенно ценно.
56. Николай III, думая, что это подходит Бонифаций VIII, упрекает его в жоварстве и обманах, которыми он пользовался, чтобы достичь Папства. Муратори сообщает, что заставляя предшественника своего Целестина V отказать от папского сана, он приказывал по ночам трубить в трубу, которая должна была обозначать голос с Неба.
57. «Прекрасная Дама — Церковь».
70. «Был сыном Медведицы»: Папа Николай III происходил из рода Орсини (Orso — медведь).
72. На земле в кошель собирал деньги, а здесь сам кинут в яму, как бы в кошель. Николай III был избран Папой в декабре 1277 г. и умер в августе 1280 г. «Пока он был молодым клириком и затем кардиналом, он отличался честностью и благочестивой жизнью; но когда сделался великим Папой, то подстрекаемый своими родственниками, предпринимал многое, чтобы выдвинуть их, и был первым Папой, при дворе которого практиковалась симония по отношению к членам семьи, благодаря чему он очень возвысил свою родню, даря земли, крепости и деньги преимущественно пред всеми римлянами, в то недолгое время, пока жил. Этот Папа назначил семь римских кардиналов, большею частью своих родственников». (Ric. Mab.).
79. Бонифаций простоят здесь «с красными ногами» меньше, чем стоял я, ибо тот, кому надлежит явиться сюда после него, не заставит себя долго ждать. Николай умер в 1280; Данте встречает его в Аду весною 1300 г.,

значит, уже 20 лет жарил он свои ноги в этой дыре. Спустя три года, 12 октября 1303 явился Бонифаций VIII, чтобы занять завидное место, а Николай провалился вниз. Но спустя 101½ лет явится еще один и станет на место Бонифация (Климент V — умер 20 апреля 1314 г.). Николай предсказывает, следовательно, что Бонифаций не простоит там головой вниз столько времени, сколько стоял он сам, т. е. менее 20-ти лет. Нам кажется слишком очевидным, что эти стихи были написаны после смерти Климента V, хотя другие старательно утверждают противное (Тройя). Итак, эта песнь была написана не ранее 20 апреля 1314 г. (Скартаццини).

- 82-83. «Пастырь с Запада» — Климент V, Бертран дель Готто, архиепископ Бордосский из Гаскони. Гасконь — на запад от Рима.
85. Язон — сын первосвященника Симона II и брат первосвященника Онии III. По рассказам Маккавейских книг, он купил должность первосвященника у Антиоха, удалив своего брата; ввел греческие обычаи, основал в Иерусалиме лицей и т. д.
87. Как к нему был мягок Антиох, так Филипп Красивый — к Клименту V.
96. «Преступная душа» — Иуда Искаротский.
99. Карл Анжуйский. «И еще вступил в споры Николай III с королем Карлом по причине того, что этот Папа требовал от короля, чтобы тот породнился с ним, желая выдать одну свою племянницу за племянника короля, а король Карл не соглашался на этот брак... из-за чего Папа негодовал на него, не был уже его другом, но во всяких делах втайне был ему противником... и был весьма против него во всех своих предприятиях, и за деньги, которые получил, по его словам, от Палеолога, поддерживал и сочувствовал восстанию против короля Карла на острове Сицилии». (Дж. Виллани).
109. Данте обращается свободно с аллегориями священного писания. Жену, сидящую на водах многих, (Рим

или вернее папство), он снабжает головами и рогами, меж тем в Апокалипсисе они приписываются зверю, на котором сидит Жена (Блан). — Семь голов — это семь гор, на которых сидит Жена (равно семи холмам Рима).

110. Десять рогов — десять Царей, которые не получили царства, но примут власть от зверя на один час.
115. В этих и следующих стихах он намекает на знаменитую легенду о так назыв. Даре Константина, чему во времена Данте обычно верили. Предполагалось, что Император Константин, исцеленный от проказы Сильвестром, тогдашним Папой, подарил церкви Рим. «Уже Лоренцо Валла и в последнее время знаменитый Дёллингер обнаружили подложность документа». (Скартаццини).
117. Папа Сильвестр — «первый богатый Папа».

ПЕСНЬ ДВАДЦАТАЯ

9! Литании — процессии.

27. Данте заплакал. На этот раз Вергилий упрекает его, чего не делал, когда Данте сочувствовал Франческо-да-Римини и Пьеру делле Винье. Быть может, это потому, что те грешили невоздержанностью, а эти находятся среди обманщиков.
34. Амфиарей — один из семи царей, осаждавших Фивы, чтобы восстановить там царем Полиника. Он был предсказателем, и зная, что при осаде Фив ему предстоит умереть, скрывался и не хотел отправляться туда. Но его жена выдала мужа, указав, где он был спрятан, так что он вынужден был идти. Когда он сражался, Зевс с помощью молнии разверз землю, которая и поглотила Амфиарея.
40. Тирезий — Фиванец, предсказатель в греческом войске, осаждавшем Трою. — «Изменившего внешность»: он побил двух змей, соединившихся любовно, и за это

- был превращен из мужчины в женщину; через семь лет, увидев вновь змей и вновь ударив их, вновь стал мужчиной. (Овидий).
46. Арон — Этрусский гадатель; по наблюдениям над внутренностями животных предсказал гражданскую войну и победу Цезаря.
47. Луни — город у устья Магры, в Луниджиане (между Луккой и Специей).
55. Манто — Фиванокя предсказательница, дочь Тирезия. По смерти ее отца покинула Фивы, дабы бежать от тирании Креонта. После скитания по многим странам явилась в Ломбардию и основалась там, где впоследствии была заложена Мантуя, названная по ее имени. Согласно Вергилию, основатель Мантуи был Окн, сын Манто и реки Тиберино; он дал городу имя своей матери.
63. Бенако — в древности так называлось озеро Гарда.
65. Гарда — городок в Веронской области, с правой стороны озера. Валь Камоника — одна из главных долин в Ломбардии. Выражение «между Гардою и Валь Камоникою» — обнимает, кроме самого озера, всю ту цепь гор, восточный склон которых литает собой озеро.
67. Это место — вероятно островок вблизи мыса Манербы.
68. Епископ.
69. Вне своей епархии епископ не может совершать епископского благословения. В этом пункте сходятся три епархии, следовательно, он подлежит власти трех епископов: Трентского, Брешианского и Веронского.
- 70-71. Пескиера принадлежала в то время Скалигерам и была для них оплотом против бергамцев и брешианцев.
73. Вся вода невмещающаяся в озеро выливается сюда. Она образует среди зеленых лугов реку Минчио. — **Говерню** или **Говернюло** городок в 19 километрах от Мантуи, на правом берегу Минчио, у места впадения его в По. В средние века был укреплен и принадлежал аб-

батству С. Бенедетто да Полироне. В древней истории знаменит как место встречи Атиллы с Палой Львом I, которому после долгих увещаний он обещал покинуть Италию.

82. Манто.

93. «В древности, когда надо было дать имя возникающему городу, вопрошали судьбу жребиями, и давали то имя, какое выходило» (Лан.).

95. Казалоди — гвельфские графы, которые в 1272 году завладели Мантуей. «Когда граф Альберто Казалоди и родственники его были первыми лицами и как бы повелителями Мантуи, мессер Пинамонте де Буонакорси из Мантуи, питая зависть к графу Альберту, Альберт же доверялся отчасти ему, то этот Пинамонти по своему безумию и глупости сказал ему однажды, что многие мантуанские фамилии ненавидят его, и что если он не примет мер, они сговорятся и собственными силами, и с помощью народа прогонят его. Меры же по его мнению, состояли в том, чтобы изгнать некоторых из глав этих родов; и таким способом он безопасно владел бы городом. Граф Альберт поверил, и сделал так, благодаря чему много озлобления возникло в стране. Мессер Пинамонте, видя, что пришло время собрать то, что он посеял, стал ходить по городу, подбивая граждан выступить против Казалоди, указывая, что однажды и с ними поступят так, как с их родственниками. В конце концов, воспламенив и воодушевив народ, он поднял весь город, и граф Альберт был выгнан со своими сторонниками и родственниками: благодаря чему город лишился многих обитателей». (Ан. Фиорентино).

110. Калхас — греческий жрец и Аугур.

111. Авлида — Беотийский город, где Агамемнон собрал греческое войско.

113. Трагедией Вергилий называет свою Энеиду. (Понимая трагедию просто, как произведение высокого стиля, хотя бы и эпическое).

116. Микеле Скотт, знаменитый медик и астролог при дворе Фридриха II. Умер после 1290 г. Боккаччо называет его «великим маэстро некромантии».
118. Гвидо Бонатти — предсказатель из Форли; жил в 13 веке.
126. «Каин со своими терниями» — луна. Простой народ верил и сейчас еще верит в некоторых областях Италии, что пятна на луне, это лицо Каина.
127. Вчера было полнолуние. Луна сейчас на горизонте, заходит, следовательно, это утро второго дня странствия Данте по Аду, где он провел две ночи и один день.
129. Луна светила Данте ночью в лесу.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

7. Арсенал, о котором говорит поэт — старый арсенал, построенный в 1104 г. Во времена Данте считался одним из значительнейших в Европе.
38. Старейшины квартала св. Циты. — Святая Цита родилась близ Лукки, в 1218 г., дочь бедных родителей. Двенадцати лет поступила служанкой в дом Пагано Фатинелли. Умерла в 1272 или 1278 г. Жила как святая; рассказывают о многих ее чудесах. Рассказывают, что даже Ангелы влюблялись в нее и спускались с неба на землю работать вместо нее, чтобы ей больше оставалось времени для молитвы. (Скарт.).
41. Бонтуро. — Сказано иронически. Это был величайший взяточник.
49. Серкио — река, протекающая по Луккской территории, недалеко от стен Лукки.
63. Ад, песнь IX, 22.
76. «Малакода (злой хвост) — самое имя указывает, что предприятие окажется неудачным». (Томазео).
95. Капрона — пизанская крепость, взятая флорентинцами и лукканцами в августе 1289 года. Считается, что Данте принимал участие в этой экспедиции, и действительно,

приведенные стихи не оставляют в том никакого сомнения.

105. «Скармилионе — жаждающий растрепывать, раздирать людей или предметы». (Томазео).
107. Что дьявол лжет — вполне естественно; он делает обычное свое дело, но довольно странно и удивительно, что Вергилий, «который знал все» (Ад, VII, 3), верит и дает себя обмануть.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

- 4-5. «Я видел» — когда? — Вероятно в 1288 г., когда флорентинцы воевали с Ареццо. 1289 г. сражение при Кампальдино, где Данте юношей принимал участие. Скартаццини, однако, полагает, что это может быть намеком и на более позднее событие, а возможно, что поэт говорит вообще, не указывает ни на какой частный факт.
8. Сигнал из крепостей — днем дым, а ночью огни.
21. Пляска дельфинов предсказывает бурю.
48. Чиамполо, «сын благородной женщины из Наварры и порочного отца». (Бути). «Пользуясь благородством своего происхождения мать устроила его у одного испанского гранда. Он сумел вести себя с такой хитростью, что в короткое время приобрел любовь своего покровителя, который дал ему имя и ввел ко двору короля Наваррского» (Бенвенуто да Имола).
52. Король Тебальдо — вероятно, Тебальдо II, король Наваррский.
65. Латинца — итальянца.
67. Он говорит о Фра Гомита, с острова Сардинии, соседнего с Италией.
81. Фра Гомита снискал неограниченное доверие Нино Висконти ди Пиза, управлявшего округом Галлура в Сардинии, и пользуясь своим положением брал взятки,

продавал места и допускал всевозможные злоупотребления.

88. Мижеле Цанке — был управителем Логодоро, одного из округов Сардинии. Отличался также взяточничеством. Был убит в 1275 г.
91. «Взгляните на того» — того — демона Фарфарелло.
94. Барбариччия.
120. Каньяццо.
125. Аликино.
135. «Ибо теперь мог драться» — с Аликино.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

3. Францисканские монахи. «Среди братьев миноритов более, чем среди других братьев принято, что когда двое идут по дороге, один, старший идет впереди, другой следует за ним».
5. Басня Эзопа, о которой здесь упоминается. Лягушка подружилась с мышью. Лягушка решила погубить мышь и отправилась с ней путешествовать. Подошли к канаве, полной воды, лягушка привязала мышь к себе на спину и поплыла. Затем нырнула и утопила мышь. Но пролетал коршун, ухватил мертвую мышь и с ней вытащил и съел лягушку. Так же и дьяволы желая нанести друг другу вред, оба попали в кипящую смолу. — Она и сыграла роль ястреба.
7. **Mo** — теперь. **Issa** — теперь.
29. Т. е. и я так же думаю.
57. «Оттуда» — с утеса (берега) пятого лога.
63. Трудно установить, говорит ли поэт о Кёльне или Ключни, известном бенедиктинском аббатстве. Опираясь на древних комментаторов, Скартаццини высказывается за Кёльн.
64. «Позлащены» — золото означает благочестие, добродетель, свинец обратное.
66. «Фридриховы показались бы соломенными» — по по-

воду этих мантий древние комментаторы рассказывают, что император Фридрих II наказывал изменников государству, надевая на них свинцовую мантию и бросая в котел стоявший на огне. Когда свинец расплавлялся — они погибали. Однако, кажется, что это клевета врагов на императора.

90. Стола — особый род одежды — тяжелая мантия.
102. В подлиннике просто **весы**.
103. Братья Веселья, Веселые Братья — кавалеры ордена Санта Мария, учрежденного Папой Урбаном IV для борьбы с неверными и преступниками. Веселыми Братьями назвал их народ за то, что они вели беспечную жизнь.
104. Это Каталано деи Малавольти, и Лодеринго или по другим Родериго дельи Андало, болонцы; первый из гвельфской партии, второй гибеллин, избранные подеста Флоренции 1266 г. (Бианки).
108. Гардинго — квартал во Флоренции рядом с палаццо Веккио. В Гардинго были дома Уберти; подеста подкупленные гвельфами сожгли и уничтожили эти дома.
- 119-120. Каждый приходящий в свинцовой мантии.
121. Его тесть, первосвященник Анна, казнится подобным же образом.
124. Вергилий удивляется потому, что когда спускался в Ад под чарами Эрихто (Ад, IX, 22), то Канафы и его родственников не было еще в шестом логу, следовательно, это для него новость.
127. Спросил у Каталано.
134. Большой круг — седьмой круг, опоясывающий все злые лога, где ссадил их Герцион. Он называет его большим, так как он больше остальных, все уменьшающихся к центру. Ада.
136. «Не покрывает» — не образует моста над этой долиной.
139. Вергилий стоит, раздумывая над обманом демонов.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

- 1-2. Водолей — созвездие, в которое вступает Солнце 21 января и находится там до 21 февраля — начало весны.
6. Иней быстро тает под лучами Солнца.
21. При входе в Ад (Ад, I, 61).
31. Намек на тяжелые мантии лицемеров.
32. Вергилий легче потому, что лишен тела.
41. До вершины седьмой плотины.
42. «Туда, где во время землетрясения рухнул самый верхний камень» (Томазео).
55. В Чистилище.
79. «С головы моста» — с той части моста, которая соединяется с восьмым берегом, т. е. с тем, который опоясывает восьмой лог.
86. Хелидры — змеи, живущие на суше и в воде. Якулы, тоже род змей. — Фарей — змеи с двумя ногами.
87. Ченкры — разноцветные змеи, которые, как говорят, движутся всегда извиваясь и никогда не идут прямо. — Амфисбены — двухголовые змеи.
90. Страна, лежащая над Красным морем. — Данте намекает здесь на три пустыни вокруг Египта: на **Ливию**, слева от Нила, **Эфиопию**, к югу от Египта и **Аварию**, справа от Нила. (Скартаццини).
93. Гелиотроп — драгоценный камень зеленого цвета, напоминающий изумруд, но он осыпан и испещрен красными пятнышками. По поверию обладает чудесной силой против всяких ядов и, в особенности, исцеляет укусы змей; кроме того, ему приписывалось свойство делать невидимым того, у кого он находится. «Камень большой ценности, ибо кто носит его никем не видим». (Боккачио. Декамерон).
125. Ванни Фуччи. Ванни был внебрачный сын мессера Фуччи де Ладзари, благородной пистойской семьи. Отличался жестокостью, тиранством и скотством.
129. Данте знал его за человека кровожадного и яростного, но не вора и ожидал встретить его не в этом ме-

сте, (а выше, в 7-м круге, среди насимьников). Ванни был одним из наиболее свирепых сторонников партии Черных, злоумышлял против Фоккаччио Канчельери, убил кавалера Бертино и совершил много других насильий.

143. Черных изгоняют из Пистойи: «в год от Рождества Христова 1301-ый, в месяце мае, партия Белых в Пистойе с помощью и при поддержке Белых, владевших городом Флоренцией, изгнала партию Черных и разрушила их дома, дворцы и владения, и среди других могущественное и богатое владение из дворцов и башен, принадлежавшее Черным Канчельери, называвшееся Дамиата». (Дж. Виллани).
144. Черные были изгнаны из Пистойи в мае 1301 г., Карл же Валуа вошел во Флоренцию в день Святых того же года (Виллани). Корсо Донати, который был изгнан, возвратился во Флоренцию с некоторой свитой из друзей и пеших разбойников; партия Белых, напротив, была изгнана из Флоренции. — «Правление» — Флорентийская Синьория, находившаяся сначала в руках Белых, перешла к Черным, вследствие прибытия Карла Валуа.
145. «Марс» — маркиз Мороэлло Маласпина, сын Манфреда.
148. Кампо Пичена — между Серравалле и Монте Катини — (западнее Пистойи). Ни Виллани, ни Дино Компаньи совершенно не упоминают об этом сражении на Кампо Пичена.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

12. В злых делах ты уже превзошел самих твоих основателей. Во времена Данте в Пистойе существовало предание, что она была основана теми, кто спасся после поражения Катилины.
16. Ванни Фуччи.

25. Какус — сын Вулкана — получеловек, полусатир, живший в пещере Авентинского холма. Благодаря хитрости украд четырех быков и четырех коров у Геркулеса. Мычание коров выдало их Геркулесу, он пошел в пещеру и убил чудовищного вора. Какус есть символ силы, соединенной с коварством. У Вергилия (в Энеиде) он получеловек, Данте обращает его в Кентавра (Скартаццини).
33. Быть может, он умер, не получив и десяти ударов.
43. Чианфа — из знатной фамилии Донати во Флоренции. Какое воровство он совершил — об этом никто не упоминает. Повидимому, занимал важную должность в правительстве республики.
68. Аньель Брунеллески. «Этот Аньело происходил от Флорентийских Брунеллески. И еще маленьким ребенком опустошал кошелек родителей, затем опустошал кассу в лавочке. Став взрослым приходил к разным людям, одетый по бедному, с приделанной бородой старика, и поэтому Данте заставляет его превращаться под укусами этой змеи, как делал он воруя». (Сельми).
85. Пуп, через который питается младенец в материнской утробе.
94. Лукан в поэме «Фарсала».
95. Сабелл и Насидий были по Лукану два солдата из войска Катона, которых в пустынях Ливии укусили змеи.
97. Кадм — бежавший из Фив в Ливию со своей женой, был там обращен в змею. — Аретуза, одна из нимф Дианы. Преследуемая богом реки Алфея, обратилась с мольбой к Диане, которая превратила ее в источник.
122. Не переставая, однако, упорно всматриваться друг в друга.
140. «Другому — третьему из трех духов (см. 35), который один только не превратился ни во что. — Буозо — так назывался тот, который обратился в змею и со свистом удалился. Это Буозо дельи Абати — флорентинец.
144. Скартаццини полагает, что выражение «*se fior la penna avborga*», значит «если перо мое немного замедлилось».

У нас переведено «заколебалось», т. е. как бы несколько блуждает, соответственно Блану, Витте, Фратичелли, Бианки и многим другим.

148. Пуччио Шианкато — флорентийский гражданин из фамилии Галигаи. Комментаторы указывают, что когда этот Пуччио занимал одно из первых мест во Флорентийской республике, он обогатился на общественный счет. «Был вор и дурного поведения». (Анонимо и Сельми).
149. «Из трех товарищей». — Сначала показываются три флорентийских вора: Аньело, Буозо и Пуччио. Затем появляется Чианфа в виде шестипалой змеи (см. 50) и сливается с Аньело. Наконец, перед нами Гверчио Кавальканти под видом змейки (см. 82) и меняется своей природой с Буозо. Это и суть пять флорентинцев (Ад, XXV, 4). Донати и Брунеллески принадлежали к партии Черных, Абати и Кавальканти — Белые. Данте, как всегда, беспристрастен. (Скартаццини). Взгляд, с которым вряд ли можно согласиться.
151. «Другой» — тот, который ранил Буозо и обратился в человека. «Это мессер Франческо Кавальканти, которого убили некоторые люди из Гавиллы, города в верхней Валь д'Арно, в окрестностях Флоренции, из-за какой смерти родственники мессера Франческо убили и разорили многих из жителей Гавиллы; и поэтому, говорит Автор, из-за него этот город и сейчас еще плачет...» (Анонимо Фиорент.).

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

4. Пять — Чианфа, Аньело, Буозо, Пуччио и Гверчио Кавальканти, о которых говорилось в предыдущей песни.
9. Неясно. Говорит ли Данте о бедствиях внутри города, которым будут рады враги, среди них и угнетаемые Прато, или же имеется в виду вообще несчастья (гибель с человеческими жертвами моста Каррайа, страшный пожар 10 июня 1304 г.). Возможно, что подразумевает-

ся кардинал Николло́ ди Прато, папский легат, который внезапно покинул Флоренцию 4-го июня 1304 г., сказав флорентинцам: «Раз вы хотите жить в войне и проклятии, и не хотите ни слушаться, ни подчиняться посланнику викария Господня, то не будет среди вас ни покоя, ни мира, оставайтесь с проклятием Господа и Св. Церкви; и отлучил граждан, и оставил отлучение над городом, так что считалось, что благодаря этому проклятию, заслуженному или нет, произошла большая опасность для нашего города из-за бедствий и опасностей, случившихся вскоре» (Дж. Виллани).

10. Т. е. ты уже заслужила эту беду.
12. Мне тяжелее будет выносить твои несчастья, когда я стану старым.
23. «Нечто лучшее» — Благодать Божия.
- 26-27. Солнце в летнюю пору.
28. Вечером. Солнце заходит, мух становится меньше, появляется занзара, комар, большой комар, типичный для итальянского лета, кусается довольно сильно. Вряд ли во времена Данте боролись с ним как-нибудь. Теперь существует особое куренье, которое жгут в комнатах. Дым его выгоняет занзар.
29. Картина очень знакомая всякому, кому доводилось июньским вечером возвращаться во Флоренцию из Фьезоле или Сеттиньяно. В прозрачной синеве ночи — золотые, причудливо летающие пули светлячков.
34. Пророк Елисей, ученик Илии. «И пошел он оттуда в Вефиль. Когда он шел дорогою, малые дети вышли из города, и насмеялись над ним, и говорили ему: «иди, плешивый, иди, плешивый». Он оглянулся и увидел их, и проклял их именем Господним. И вышли две медведицы из леса и растерзали из них сорок два ребенка». Библейский рассказ, полный до-христианской свирепости.
41. «Похищенного» — пламя, облекая, скрывая собою грешника, как бы уворовывает его.
52. Улисс и Диомед заключены в одном пламени, которое потому раздваивается в верхушке. Большой рог —

Улисс, меньший — Диомед. Они вместе грешили, вместе и наказываются.

54. Этеокл — сын Эдипа, царя фиванского и Иокасты, близнец Полиника. Близнецы заставили Эдипа отречься и уйти из Фив в изгнание; он проклял их, сказав, что они будут ненавидеть друг друга. Они решили царствовать по году поочередно, но когда первый год истек, Этеокл отказался уступить второй брату. Полиник отправился тогда в Арголиду искать союзников, женился там на Аргии, дочери царя Адраста, и вернулся при поддержке шести Арголидских царей, чтобы осадить Фивы. Этеокл и Полиник встретились на поле сражения и убили друг друга. Так велика была ненависть между ними, что когда их положили на общий костер, пламя его разделилось надвое. (Лиодор Сицилийский. IV, 7, 7).
57. «На злое» — на войну против троянцев. Соединенные в злых делах, соединенные в муке Улисс и Диомед всегда упоминаются вместе, когда говорится о действиях коварных, обманных, кровавых.
60. «Из этих ворот вышел затем Эней, который явился в Италию, и был благородным семенем знаменитых римлян, ибо от него получили они свое происхождение». (Веллутелло).
62. Деидамия — дочь Ликомеда, царя Скирского, жена Ахилла; при дворе ее отца Ахилл скрывался в женском платье. Улисс и Диомед хитростью добились того, что он бросил ее и отправился на войну с Троей. Горе покинутости и измены убило ее.
63. Палладиум — статуя Афины в Трое, ей приписывали силу охранять город. Улисс и Диомед, благодаря хитрости, похитили ее.
91. Цирцея — волшебница, жившая на острове Эа, у которой Улисс прожил более года.
92. На мысе Цирцеи.
93. Эней назвал Гаэту по имени своей кормилицы, умершей там.
107. Гибралтарский пролив.
108. Знаки Геркулеса — колонны Геркулеса.

111. Сеутта — современная Цеутта, город в Африке.
117. Следуя за Солнцем, плывя с востока на запад. — «Без людей» — тогда думали, что другое полушарие необитаемо.
127. Антарктический полюс.
- 130-131. Улисс указывает, что уже пять полнолуний прошло с момента, как он вышел за Гибралтар. — «На нижней стороне Луны» — точнее, на ближней к земле, которая нам бывает видима при полнолунии.
133. Гора Чистилища. Так полагает большинство комментаторов.
141. «Как угодно было другому» — другой это Бог, который не позволяет, чтобы живой вступил в царство мертвых.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

7. Медный бык, сделанный Периллом афинским для Фаларида, тирана Агригентского. Он был так устроен, что крики несчастных жертв обращались в мычание живого быка. Фаларид приказал Периллу войти туда первым, чтобы произвести опыт.
14. Мы принимаем чтение Витте **nel fuoco**, а не **del fuoco**, как предлагает Скартаццини.
21. В этой строке встречаются два слова ломбардского диалекта, **issa**, — теперь и **aizzo** — возбуждаю, беспокою. Вся эта строка — заключительные слова Вергилия, направленные к Улиссу и Диомеду. Дух слышал их и потому думает, что пришельцы из Ломбардии.
30. «И вершиной» — Аппенин, откуда берет начало Тибр, — у подножья Монте Коронаро. Между Урбино и истоками Тибра лежит город и страна Монтефельтро. Дух, который говорит — это Гвидо, граф да Монтефельтро, гибеллин.
37. Романья простирается от Пезаро до реки Панаро и По, гранича на востоке с Адриатическим морем, а на западе с Тосканой. Столицей была Равенна.

38. Тиранны Романьи постоянно замышляют войны, но когда я оставил Романью, открытой войны там не было.
41. «Орел»: Мессер Гвидо да Полента был властителем Равенны во времена Автора, в гербе его красный орел на желтом поле». (Анонимо Фиорентино).
42. Червия, приморский город в 12 милях от Равенны, на который дом Полента простирает свою юрисдикцию.
43. Форли.
74. Когда граф да Монтефельтро был властелином Форли, Мартин IV отправил против него войско, составленное большею частью из французов. Город выдержал долгую осаду, названную здесь **долгим испытанием**, пока благодаря искусству самого графа Гвидо не было устроено кровавой бойни французов. Это произошло в 1282 году. (Бианки).
45. «Под зелеными когтями» — герб Орделаффи.
46. «Старый Пес» — Малатеста, отец Паоло, любовника, и Джанчиотто, мужа Франчески да Римини. «Молодой Пес» — его сын. Их называли псами, быть может, за жестокость, а, может быть, потому, что в гербе их был пес. — Верруккио — Каstellо, подаренный жителями Римини Малатесте — отцу **Старого Пса**, откуда впоследствии Малатесты и получили свое прозвище.
47. Монтанья — весьма знатный кавалер из Римини, свирепо убитый Малатестой, как глава гибеллинов в этой области.
49. Фаэнца — город в Романье, расположенный в равнине, орошаемой рекою Ламоне. — Сантерно — Имола — город в Романье, на берегу реки Сантерно.
50. Маинардо Пагани да Сузинана, герб которого голубой лев на белом поле.
51. «Меняет партии» — «названный Маинардо был великий и умный тиран... знал военное дело и был удачлив во многих сражениях и в свое время совершил великие дела. Гибеллином был по рождению и по своим поступкам, но с флорентинцами был гвельфом» (Дж. Виллани).

52. Чезена — город в Романье, на реке Савио.
53. «Как она расположена между горами и равниной, так частью живет под тиранией, частью свободно» (Дан). В те времена Чезена постоянно меняла правление. Каждый год новый подеста, нередко двое в одном году. Тем не менее Чезена в общем была свободнее других городов Романьи.
63. Т. е. я молчал бы. Осужденные этого круга, как и верхних кругов, желают, чтобы память о них поддерживалась в мире живых. Но этот дух думает с одной стороны, что добрая слава о нем сохраняется все же в мире, и с другой стороны он знает, что грехи, которые он откроет, доставят ему бесславие, а не славу, когда о них узнают среди живых. Так что он думает, что говорит душе осужденного, который не вернется никогда в мир и не расскажет о слышанном. Другие грешники замечают, что Данте живой; но эти души лишены зрения. (Скартаццини).
70. Первосвященник — Папа Бонифаций VIII.
85. Бонифаций VIII. **Князь** в двойном смысле: как глава кардиналов и клириков римской курии, которых поэт называет **новыми фарисеями**, и как первый фарисей сам по себе.
86. Он вел войну с домом Колонна, которые жили вблизи Латерана. Это происходило в 1297 г.
89. «Он хочет сказать: и все его враги были христиане и никого нельзя было упрекнуть, что он из числа тех, которые недавно помогали неверным изгнать христиан из г. Акры....» (Барджиджи). Акра, последнее владение христиан в Палестине, попала в руки сарацин в 1291 году.
90. Четвертый Латеранский собор при папе Иннокентии III в 1215 г. постановил, что те, кто помогают пиратам, и торговцы предающие своих братьев христиан, доставляя провизию и снаряжение сарацинам, будут подлежать, как изменники и нечестивцы, всему гневу Св. Церкви.
94. Существовало предание, что за преследование христиан

Господь покарал Константина проказой. Петр и Павел явились ему во сне и сказали, чтобы он обратился к Папе Сильвестру, который исцелит его. Константин призвал Сильвестра, который, чтобы избежать преследования императора, бежал в Соракто, и он исцелил его от проказы и обратил в христианство. В знак благодарности Константин совершил свое знаменитое дарение (подарил Церкви Рим). См. Ад, XIX, 115.

95. Соракто, ныне Монте ди Сант-Оресте. По преданию Сильвестр скрывался в одной пещере этой горы.
97. Горделивое желание одолеть Колонна.
102. Палестрина — древнее Пренесте, во времена Данте крепость Колонна. Бонифаций долгое время осаждал ее и не будучи в состоянии взять силой, взял обманом. Он заключил с ними коварный мир, обещав вернуть все отобранное, на самом же деле разрушил и срыл до основания Палестрину.
105. Предшественник его Целестин V, отказавшийся от папства. (См. Ад, III, 59).
110. «И весь этот ложный и обманный договор папа сделал по совету графа да Монтефельтро, в то время минорита, сказавшего ему дурные слова: большое обещание и малое исполнение». (Джк. Виллани).
127. «Он из казнимых сокрывающего огня» — из тех кого скрывает, обволакивает огонь, в восьмом логе восьмого круга.
129. В одежде из пламени.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

3. Неоднократно принимаясь за рассказ.
10. Намек на Самнитские войны во втором веке по учреждении римской республики.
14. Робер Гискар, брат Ричарда, герцога Нормандского, победил сарацин и сделался владетелем Апулии.
16. Чеперано. «Нам представляется несомненным, что Данте намекает здесь на знаменитое сражение при Бене-

венте. Близ Чеперано не было никакого сражения, но не один Данте смешивал эти события». (Скартаццини). При Беневенте Карл Анжуйский разбил Манфреда, внебрачного, впоследствии, узаконенного, сына Фридриха II. — «Все апулийцы». «Большая часть апулийских баронов.. изменила Манфреду, покинув его и обратившись в бегство». (Дж. Виллани).

17. Тальякоццо — замок в Абруцзах; 23 августа 1268 г. вблизи него Конрадин был разбит Карлом Анжуйским.
18. Алар де Валери, французский рыцарь. Благодаря его советам, главным образом, Карл Анжуйский и победил при Тальякоццо.
31. Магомет, основатель Ислама, родился в Мекке в 560 г., умер в Медине 633 г.
32. Али, родственник и один из первых последователей Магомета, родился в 597 г., убит в 660 году.
35. Это говорит Магомет. — Фра Дольчино — отшельник, еретик, проповедывавший общность благ между христианами, вплоть до женщин; за ним следовало более трех тысяч человек и они долго грабили вокруг; наконец, он забрел в горы Новары и из-за отсутствия провианта, стесненный в снегах, был взят новарцами вместе со спутницей Маргаритой, и по варварскому обычаю тех времен его сожгли в 1307 г. (Бианки). «Надо, однако, заметить, что сообщения о поступках и учении Фра Дольчино писались его врагами, и что церковь, сжигавшая еретиков, умела также приписывать несчастным своим жертвам учения, которых они никогда не исповедывали». (Скарт.).
73. Пьер да Медичина, из рода Каттаньи да Медичина; сеял раздоры между Гвидо да Полента, властителем Равенны, и Малатестино, властителем Римини.
74. «Милая равнина» — Ломбардия. Он называет Ломбардию милой, как родину, и сравнивая ее с печальной глубиной лога, где находится сейчас. (Скарт.).
76. Фано город на Адриатическом море.
85. «Мессер Малатеста был женат трижды: от первого брака родился Малатестино Кривой... от второго Джан-

чиотто (муж Франчесеки) и Паоло (возлюбленный)»... (Хрон. Римини у Мур.).

86. «Находящийся со мной» — Курион.
87. «Ибо там он совершил свой проступок».
89. «Фокара — высокая гора вблизи Каттолики, где обычно бывают страшные ветры». (Дан.).
90. Им не придется молить Бога, чтобы они избавили их от ветра Фокары, ибо они будут утоплены прежде, чем достигнут ее. Обычно моряки проходя у Фокары, давали обеты и молились.
93.«Человек горького взгляда». — «Т. е. тот, кому так не хочется увидеть Римини». (Вентури). Это Курион.
96. Пьер да Медичина отвечает на первую просьбу Данте (91 — покажи мне... и т д.). У Куриона отрезан язык и он не может говорить.
102. Курион — римский трибун, вначале приверженец партии Помпея, был подкуплен Цезарем.
106. Моска деи Ламберти. «В год от Р.Х. 1215 некий мессер Буондельмонте Буондельмонти, знатный гражданин Флоренции, обручился с девушкой из дома Амидеи, уважаемых и знатных граждан; и затем, когда ехал однажды названный мессер Буондельмонте верхом по городу, был же он очень веселый и красивый кавалер, то его позвала женщина из дома Донати, понося девушку, за которою он посватался, что она не красива и не подходит ему, и говоря: **я приберегла для вас свою дочь**; она показала ее, а та была весьма красива; тотчас, **при содействии дьявола**, влюбившись в нее; он обручился с нею и взял ее в жены, вследствие чего родные первой обрученной девушки, собравшись вместе, и жалуясь между собой на то, что мессер Буондельмонте нанес им бесчестье, были охвачены пагубным гневом, из-за чего город Флоренция подвергся опустошению и разделился на партии, ибо много знатных фамилий сговорились вместе, чтобы обесчестить указанного мессера Буондельмонте в отмщение за те обиды. И находясь на совете их, где рассуждали, как надлежит оскорбить его, побить ли, или ранить, Моска

деи Ламберти сказал дурные слова: «сделанное да закончится», т. е., чтобы его убили: и так и сделали». (Дж. Виллани). По рассказам хроник, Буондельмонте был убит утром на Пасху, когда переезжал через Арно по Понте Веккио, вблизи статуи Марса. Убили его Уберти и Моска деи Ламберти. Это и послужило началом разделения на партии: кто был за Буондельмонте — стали гвельфами, а за Уберти — гибеллинами.

134. Бертран де Борн: «хороший рыцарь, хороший воин, хороший любовник, хороший трубадур; сведующий в искусстве красноречия, умел переносить счастливую и дурную долю». (Ренуар). Также в поэзии своей был довольно воинствен. Обокрал брата и воевал с Ричардом Львиное Сердце. В конце дней своих постригся в монахи — Cisterciense.
135. «Королю Джованни дал дурные наставления» — собств. Генриху, кот. называли *giovane*, молодым. Витте, Скарт., Филалетес удерживают чтение *giovanni*, кот. не отвечает истории, но, повидимому, отвечает представлению Данте об истории. Мы переводим по их чтению.
137. Ахитофель, советник царя Давида; приверженец Авессалома, восставшего на отца.
138. «Уколы» — советы. Ахитофель посоветовал Авессалому изнасиловать наложниц отца и убить отца.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

9. Собств. «вращает» их долина, т. е. они движутся по кругообразной долине.
10. Полдень следующего дня.
27. Джери дель Белло — сын Белло. Белло же — брат Беллинчионе, деда Данте. О Джери «...Говорят, что он всегда развлекался тем, что сеял раздоры между людьми...» (Ан. Фиорент.).
31. «Насильственная смерть». «Джери дель Белло... был предательски убит одним из Сакетти, и никто из Алигиери, задетых этим убийством, не отомстил; но Ландино рас-

сказывает, что спустя тридцать лет отмстил один из внуков, сын мессера Чиона, убивший одного из Саккетти на пороге его дома. (Бианки). Скартаццини сомневается в справедливости рассказа Ландино.

- 43-44. Скартаццини находит эту метафору «выразительной, несколько грубоватой». Мнение, с которым нельзя согласиться. Напротив, очень ярко и сильно сказано:

Lamenti saettaron me diversi,
Che di pietà ferrati avean gli strali.

Один из многих примеров непередаваемой прелести итальянских стихов. (Б. 3.).

47. Вальдикнана — местность в Тоскане, между Ареццо, Кортоной, Киузи и Монтепульчиано, где воды Кианы, реки впадающей в Тибр, образуют болота, делающие долину нездоровой.
48. Маремма, часть страны между Пизой и Сиеной по морскому побережью. (Ад, XXV, 19). Во времена Данте область эта была почти безлюдна из-за миазмов, которыми было здесь все полно. **Сардиния.** «Сардиния очень нездоровый остров, как знает всякий, кто был там». (Бути).
59. Эгина — островок Греции, вблизи Афин. Гера, разгневанная тем, что нимфа Эгина возлегла с Зевсом, наслала на остров чуму, от которой погибли сначала животные, а потом люди. Эак, царь эгинский, оставшийся в живых, молил Зевса под одним дубом вновь дать острову столько жителей, скольких муравьев видит он у себя под ногами. Ночью он увидел во сне дуб и муравьев, обратившихся в людей. А когда проснулся, то вся страна оказалась полна новыми жителями, которых Эак назвал мирмидонянами, по роду их происхождения.
78. Конюх, которого ожидает господин, или которому хочется спать, и он торопится вычистить скребницей коня, не чистит его скребницей столь быстро, и т. д.
99. «Отраженно» — не непосредственно. Слова Вергилия были обращены не к ним.

105. «Под многими Солнцами» — много лет.
109. Говорят, что это был некий алхимик Гриффолино, который хвастался, что умеет летать и обещал научить этому одного сиенца, по имени Альберо, или по другим Альберто. Сначала тот поверил, а затем заметив, что он обманут, обвинил его пред епископом Сиенским в некромантии, и по приказанию этого епископа, он был сожжен живым». (Бианки).
117. Епископ Сиенский считал Альберто как бы своим сыном.
125. «Исключив из них Стрикку» — ирония. «Стрикка был богатый сиенский юноша и производил блистательные граты в так называемом **содружестве расточителей**». (Оттимо).
127. По некоторым Никколо де Салимбени, называемый Мушиа, по другим Бонсиньори да Сиена. «Был щедр и расточителен, и был из названного содружества, и был первый изобретший приправу из гвоздики к жареным фазанам и куропаткам. И потому он говорит, (Автор), что он сеял в огороде, где растет это семя, гвоздика, т. е. ввел этот обычай в среду обжор и любителей поесть. (Ландино).
129. «В этом огороде» — на востоке, где гвоздика растет в естественном виде.
131. Каччия д'Ашиано, из дома Шиаленги. «Был очень богат и промотал все в этом содружестве». (Бути).
132. Прозвище **Аббалиато** перешло в имя собственное и встречалось в их роду до последних отпрысков их, т. е. до конца 18-го века.
136. Капоккио. Как говорят многие древние комментаторы, это ровесник Данте и с юности близкий ему. Что Данте знал его, доказывают данные стихи. Был сожжен живым в Сиене, в 1293 г. «Он занялся подделкой металлов и в этом проявил себя удивительно». (Бианки).
139. «Хорошей обезьяной» — ловко подделывал металлы.

ПЕСНЬ ТРИДЦАТАЯ

- 1-2. Семела была фиванская девушка, которую полюбил Зевс и она родила от него Вакха, за что ее возненавидела ревнивая Гера. Ненасытимая, она принялась преследовать различными способами весь род фиванский. (Бианки).
4. Атамас — царь фиванский, муж Ино.
13. «Державшие на все» — например, ложная клятва Лаомедонта и похищение Елены.
15. «Погиб и царь Приам».
16. Гекуба, жена Приама.
17. Поликсена ее дочь, принесенная греками в жертву на могиле Ахилла.
18. Полидор — младший сын Гекубы, которого она доверила Полинектору, царю Фракии; греки подкупили его своими дарами и он погубил Полидора. Гекуба нашла труп Полидора на берегах Фракии.
22. Но такого жестокого бешенства не было ни в Атамасе, ни в Гекубе, ни в зверях, ни в каком-либо человеке: как видел я в двух тенях. (Скартаццини).
31. Аретинец Гриффолино (Ад, XXIX, 109).
32. Джианни Скикки, из рода Кавальканти, во Флоренции, отличался умением принимать чужое обличие и благодаря этому совершал разные мошенничества.
38. Мирра, дочь Кинира, царя Кипрского. Воспылала любовью к собственному отцу. Удовлетворяя своим нечестивым желанием, она прикинулась другою женщиной, в чем ей помогла кормилица и посодействовала темнота. Плодом этого нечестия явился Адонис.
42. «...Подобно тому удаляющемуся» — Джианни Скикки.
44. Одно из мошенничеств Скикки состояло в том, что он принял облик Буозо Донати и по подложному завещанию получил знаменитую кобылу, «красу конюшни».
51. «Раздвоение», где начинаются ноги.
61. Я перевожу **маэстро**, а не **мастер**, хотя последнее с формальной стороны правильное. В слове **маэстро**, мне нравится по-русски оттенок иронии: маэстро фальши-

вомонетчиков! — Родом Адамо был из Брешни. Призванный в Ромену, он подделывал там флорентинский золотой флорин, выбивая его «по чекану Коммуны Флоренции, правильно по весу, но не того состава. Его флорин содержал 21 карат, а должен был содержать двадцать: так что три карата было там меди, или другого металла» (Анон. Фиорентино). «Когда обнаружили виновника, то сожгли его живым на дороге, ведущей из Флоренции в Ромену. И еще теперь сохранилось место, где, как полагают, маэстро Адамо претерпел казнь: оно называется грудой камней мертвого человека». (Тройя).

65. Казентин — область близ границ территории Арещо.
69. Водянка.
77. Гвидо II, сын Гвидо I, графа Ромены. Александр I, брат названного Гвидо II, муж Катерины дель Фантолини из Фаэнцы; был еще жив в 1316 г. «Брат» — Агинольфо, брат обоих этих графов, третий подделыватель, умерший в самом начале 1300 года.
78. Фонте Бранда — источник в Сиене, очень известный. Но в Ромене был тоже источник с тем же названием. Какой из них имел в виду маэстро Адамо? Скартаццини считает, что роменский. Вопрос, разумеется, открытый. Смысл же слов тот, что несмотря на жажду, мучающую его, ему приятнее было бы видеть муки соблазвивших его, чем источник.
80. Тени Джианни Скикки и Мирры, может быть, какие-либо другие.
97. Жена Пентефрия. Иосиф, сын патриарха Иакова. Общеизвестна история соблазнения Иосифа женою Пентефрия.
98. Синон — грек, обманами побудивший троянцев ввести в город рокового деревянного коня.
109. Синон.
128. «Зеркало Нарцисса» — вода. Засмотревшись на свое отражение в ней, Нарцисс влюбился в себя и умер.
129. Т. е. и ты жаждешь воды.

140. Все его смущение, и стыд уже как-бы просили прощения, помимо слов.

ПЕСНЬ ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

1. Слова Вергилия, его упреки.
- 4-7. Телеф, сын Геркулеса и царь минийский, был ранен копьем Ахилла, которое тот получил по наследству от своего отца Пелея; Телеф исцелился только тем, что ему прикладывали пластырь с ржавчиной этого же самого копья.
16. «Горестное поражение» — при Ронсевале, где по преданию, было избито много тысяч христиан, оставленных Карлом Великим под начальством Роланда.
17. Священную дружину паладинов; он называет ее **священной**, ибо она погибла сражаясь с сарацинами. Почти все комментаторы понимают под словом *la santa gesta* изгнание неверных из Испании. Но объясняя так, они заставляют Данте говорить совершенно неверное. Согласно всем романам и хронике Псевдо-Турпин, Карл не проиграл **сражения** при Ронсевале, ибо хотя паладины и пали, он тотчас же жестоко отмстил за них, водворился в Сарагоссе и во всей Испании, которая силой была обращена в христианство. (Скартаццини).
39. Неопределенный ужас уходил — Данте знает теперь уже, что это не башни, а Гиганты; страх же перед ними возрастал.
41. Монтереджионе, старинный замок близ Сиены, воздвигнутый в марте 1213 г. Замок подымается над уединенным холмиком, в форме сладкого пирога: диаметр его окружности 165 метров; с одной стороны до другой замок венчался двенадцатью высочайшими башнями. (Скартаццини).
51. Марс — бог войны.
- 52-54. Слоны и киты хотя и очень велики по размерам, но не так страшны.
59. Бронзовая шишка святого Петра некоторое время укра-

- шала мавзолеем Адриана. (Замок св. Ангела).
64. Фрисландцы считались очень высокими людьми.
 65. Пальма — мера протяжения, равная величине ладони, считая большой палец. Согласно вычислениям рост Немврода почти 27 метров.
 67. «*Rafel mai amech zabi almi*» — строка, вызвавшая целую литературу о себе. Предложены всевозможные толкования. Однако Немврод говорит на языке «собственном, никому неизвестном». Поэтому усилия понять его язык, язык вавилонского смещения, безнадежны.
 77. Немврод возымел «злой замысел» построить Вавилонскую башню.
 94. Эфиальт — сын Нептуна и Ифимедии, жены Алая, брат Ота, оба назывались Алоидами, знаменитые гиганты, громаднейшей величины, которые в битве с Зевсом показали себя сильнее и смелее других.
 100. Антей — гигант вышиною в 60 браччий, сын Нептуна и Земли; питался львиным мясом и спал на голой земле, от которой, как от матери, получал каждый раз новую силу. Был убит Геркулесом.
 103. Бриарей.
 104. Закован как Эфиальт.
 113. Алла — фландрская мера, приблизительно две браччии с половиной. (Анонимно Фиорентино).
 115. Долина близ Замы, где Сципион одержал победу над Аннибалом. В этой долине у Антея была, согласно Лукану, пещера.
 116. После победы над Аннибалом Сципион получил название **Африканского**.
 118. Сведения о том, что Антей «взял тысячу львов в добычу», приводятся у Лукана в «Фарсале».
 119. Антей не участвовал в битве гигантов с Зевсом. Вергилий говорит ему, что если бы он присутствовал там, гиганты может быть выиграли бы сражение. Эта лесть имеет целью смягчить дикого гиганта и побудить его снизить к просьбе: «спусти нас вниз».
 124. Сделай это ты, не заставляй нас обращаться к какому-нибудь другому гиганту.

125. «Спутник» — Данте. Дать он может славу.
132. Геркулес сразился с ним.
136. Каризенда. Одна из двух знаменитых башен в Болонье. «Надо сказать, что в Болонье, на площади называемой Порта Равиньяна, есть две башни: одна более высокая по имени Азинелла, принадлежащая роду Азинелли; другая не так высока, но толще, и наклонена в сторону Азинеллы; **поэтому**, когда облака идут к части башни противоположной наклону, глядющему кажется, что она наклоняется; и эта башня называется Каризенда, по имени рода Каризенди». (Лана Болонский).
- 137-138. Человек стоит под наклоном Каризенды; облако движется против ее наклона. Тогда глядющему кажется, что она склоняется, падает на него. Таким представился Данте и Антей.

ПЕСНЬ ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

3. Все остальные круги. Здесь — как бы фундамент Ада.
10. Жены — Музы.
11. Амфион, сын Антиопа, строитель Фив. Под звуки его лиры камни горы Киферона сами скатывались и слагались в стены.
17. Антей, опуская их, ссадил Поэтов ниже, чем стояли его собственные ноги.
21. «Братьев» — на нас двоих, братьев.
25. Танаис — наш русский Дон, для Данте, как и для античных людей находящийся уже «под хладным небом».
28. Большинство древних комментаторов считает, что эта гора в Славонии.
29. Пьетрапана, **Петра Арвана**, довольно высокая гора в Тоскане, между Моденой и Луккой.
32. Летом.
34. До лиц, ибо щеки краснеют от стыда.

41. «Двоих, столь слитых» — это «бедные, истомленные братья», см. стр. 21.
56. Бизенцио — небольшая речка в Тоскане, вблизи Пра-то; впадает в Арно.
57. Альберто дельи Альберти, граф ди Мангона. «Эти двое братьев были граф Наполеоне и граф Алессандро, из графов Альберти, которые были столь извращены душами, что дабы отнять друг у друга крепости, которые принадлежали им в Валь ди Бизенцио, дошли до такого гнева и злобности, что убили друг друга, и так вместе погибли». (Ан. Фиорентино).
58. Каина — так называется все отделение 9-го круга, где караются убийцы родственников, по имени Каина, первого братоубийцы.
61. Мордарет, сын короля Артура, покушался из засады убить отца. Но Артур пробил его грудь своим копьем, насквозь, так что в его тени получилось отверстие для лучей солнца. Поэтому сказано: «пробита грудь и тень».
63. Фокаччия де Канцелльери из Пистойи. «В то время был в роде Канцелльери из Партии Белых юноша по имени Фокаччия, сын мессера Бертакко ди Риньери, который был смел и очень крепок, его очень боялись люди из партии Черных, благодаря его извращенности, ибо он занимался только убийствами и ранениями». (Истор. Пистойи, у Муратори, XI, 370). Мстя за одного кавалера Бертино, убитого Черными, Фокаччия убил своего двоюродного брата.
65. Сассоль Маскерони, из семьи Тоски во Флоренции, предательски убил единственного сына своего дяди, чтобы получить наследство. «...Был брошен в бочку с гвоздями, и так его волочили, катя бочку по земле, и затем ему отрубили голову...» (Ан. Фиорент.). По словам комментатора, об этом деле все знали в Тоскане, поэтому и сказано: «Если ты из Тосканы, то теперь уже его знаешь».
68. Камиччион де Пацци, из Валь д'Арно. Предательски убил своего двоюродного брата Уберти (по Ан. Фио-

рент.), а по Бути дялю; Ландино и Оттимо говорят — просто родственника.

69. Карлино — тоже де Пацци, из Валь д'Арно. Когда флорентийские изгнанники, среди них и Данте, возвратились после неудачного нападения на Ластри, в 1302 г., Карлино де Пацци продал Черным замок Пьянтревинье в Валь д'Арно, «за деньги»; затем, вновь продал его Белым». (Дж. Виллани). «Оправдал бы меня» — он еще гораздо грешнее меня, в сравнении с ним я оказался бы не таким уж виновным».
81. При Монтеапerti Бокка отрубил руку Якопо ди Пацци, знаменосцу флорентийского войска, что и было началом поражения флорентинцев. Бокка был предателем.
88. Антенора, второе отделение девятого круга, названное так по имени Антенора троянского. По Гомеру это был мудрый и красноречивый человек. Другие, напротив, изображают его предателем, передавшим грекам Палладнум, подавшим им знак светильником, и отворившим деревянного коня. Данте, не зная греческого языка, не читал Гомера, и придерживался традиции, обращавшей Антенора в предателя своей родины.
90. Бокка думает, что перед ним тень осужденного, а не живого.
- 103-105. С изменником Боккой Данте более, чем суров. За все странствие по Аду это первый случай, что он бьет грешника. Кажется, что не смотря на всю горечь причиненную ему Флоренцией, воспоминание о том, как была предана его родина, вызывает в нем взрыв гнева, граничащего с бешенством. Здесь Данте больше, так сказать, вышел из себя, чем даже когда видит Иуду, предавшего самого Христа.
106. «Некто другой» — Буозо да Дуэра.
114. О том, кто так быстро сообщил тебе о моем имени. Своим возгласом Буозо да Дуэра как бы выдал Бокку: последний не желал, чтобы Данте знал его имя, и повествовал о нем в миру.

116. Буозо да Дуэра — из рода Дуэра, или Довара, из Кремоны. Ломбардские гибеллины поставили его во главе сильного войска в направлении Пармы, чтобы помешать проходу французского войска, спускавшегося под предводительством Гвидо ди Монфора: это Карл Анжуйский шел в Италию против Манфреда на завоевание Неаполитанского королевства. Но подкупленный деньгами, Буозо не оказал ему действительного сопротивления.
119. Тезауро Беккериа, из Павии, аббат Валломброзы, генерал Ордена, легат Папы Александра IV во Флоренции. После того, как гибеллины были изгнаны из Флоренции в 1258 г., в ближайший сентябрь этого года народ флорентийский схватил аббата Валломброзы. (который был знатный человек из синьоров Беккериа в Павии Ломбардской), так как за ним подсмотрели, что он по увещаниям вышедших из Флоренции гибеллинов замышлял измену, и пыткой заставили его сознаться в этом, преступно при криках народа, на площади Санто Аполлино отрубили ему голову, не обращая внимания ни на его сан, ни на святость Ордена; благодаря чему Коммуна Флоренции и флорентийцы были отлучены Папой от Церкви». (Дж. Виллани).
121. Джианни дель Солданиер — флорентийский гибеллин. «После поражения Манфреда при Беневенте, когда граф Гвидо Новелло с гибеллинскими вождями покинул Флоренцию, Джианни дель Солданиер покинул своих».
122. Ганелон — предатель, виновник поражения при Ронсевале и смерти Роланда. — Тибальделло. В 1281 г. Папа Мартин IV осаждал Фаэнцу, которую и взял, благодаря предательству Тибальделло.
130. Тидей один из семи царей, осаждавших Фивы. Он был смертельно ранен фиванцем Меналиппом. Так как ему удалось убить врага, он попросил товарища принести ему его голову. Когда ее принесли, он почти уже умирая, принялся грызть ее с таким бешенством, что товарищи не могли оторвать его от страшного кушанья.

ПЕСНЬ ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

11. (Ср. Ад, X, 25). В словах, направленных к графу Уголино в предшествующей песни, ст. 133-139, Данте употребил некоторые флорентийские выражения, благодаря чему Уголино и узнает в нем жителя Флоренции.
13. «Уголино деи Герардески, граф Доноратико, знатный пизанец и гвельф, в согласии с архиепископом Руджиери дельи Убальдини изгнал из Пизы Нино да Галлура, рожденного от одной из его дочерей, сдавшееся властителем города, и сам стал на его место. Но позже архиепископ из зависти, и частью из ненависти, главным же образом мстя за **племянника, убитого графом**, с помощью Сисмонди и Ланфранки, взяв крест, при стечении разъяренного народа, которому внушил, а по некоторым — и основательно, что Уголино продал некоторые крепости флорентинцам и лукканцам, — явился к домам графа, захватил в плен его, двух его сыновей Гаддо и Угуччионе, и трех племянников Уголино, называвшихся Бригата, Арриго и Ансельмуччио. Лишенные чрез некоторое время пищи, были они предоставлены жестокой смерти от голода». (Бианки).
- 22-23. «Маленькая щель» — небольшое оконце. «Клеткой» Уголино называет башню, где он сидел, и которая благодаря ему получила название **Башни голода**.
26. По лунам Уголино считает время. Прошло уже много месяцев. По сохранившимся документам, можно заключить, что он сидел там восемь месяцев.
28. «Этот» — предатель, которого я грызу, архиепископ Руджиери.
- 29-30. Гора, мешающая пизанцам видеть Лукку, называется Сан-Джулиано, и находится она между Пизой и Луккой.
32. Гваланди, Ланфранки и Сисмонди, знатные пизанские фамилии, гибеллины.
57. «В четырех лицах собственное изображение» — т. е. юноши чувствовали приблизительно то же, что и он, и выражения их лиц были сходны.

75. Знаменитый стих, вызвавший целую литературу. Скартаццини объясняет его в том смысле, что «голод оказался сильнее горя, и убил меня». Он очень резко, по обыкновению, отзывается о тех; кто с ним не согласен. Однако надо сказать, что стих весьма загадочен. Если принять во внимание то, что в ст. 61-62 говорят Уголино-отцу — дети, и что с другой стороны во льду он с бешенством грызет череп врага своего Руджиери, то невольно приходит в голову, что голод преодолел в нем другие, отцовские и человеческие чувства и он стал есть их. Говорят, что если допустить это, то все сочувствие рушится. Мне кажется, это не так. Быть может, именно здесь показал Данте великий трагизм двойственности человеческого существа. Уголино и жалок, и ему сочувствуешь, но, конечно, он и страшный, свирепый и необузданный человек тех суровых времен. (Б. З.).
79. Проклятие, похожее на то, которое он направляет на Пистойю. (Песнь XXV, 10).
80. Восхитительная страна, где звучит Si — Италия.
81. «Соседи» — флорентинцы и лукканцы, враги пизанцев.
82. Капраия и Горгона, два островка в Тирренском море, недалеко от устья Арно.
84. «Чтобы затопить всех твоих людей». «Не знаю, кто свирепее — Уголино, вонзающий зубы в череп предателя, или Данте, который, мстя за четверых невинных обрекает на смерть всех невинных целого города, отцов и детей, и детей детей. Библейская ярость». (Де Санктис).
89. Новые Фивы. Свирепость, проявленная в Пизе, относительно Уголино и его семьи, напоминают Поэту то, что было сделано в Фивах с родом Кадма.
90. «Еще двое» — Гаддо и Ансельмуччио.
91. Мы прошли далее, в отделение по имени Толомеа. В Каине осужденные погружены в лед до головы, обратив лицо вниз, так же и в Антеноре, но там головы держат прямо; в Толомее лицо обращено вверх и лишь оно одно свободно от льда; наконец, в Джуидекке тени погружены совсем.

99. «Сорро» — у меня переведено «впадина», а собственно это «кувшин». Так называлась в Тоскане чаша для воды.
108. Причина ветерка, о котором спрашивает Данте, движение гигантских крыльев Люцифера.
110. Говорящий эти слова дух думает, что Поэты это души предателей, проходящих по Толомее вниз к Джиудекке, где назначена им казнь.
118. Фрате Альбериго деи Манфреди из Фаэнцы, где был одним из вождей гвельфской партии, второго мая 1285 года приказал предательски убить родственников своих Манфреда и Альбергетто деи Манфреди. Был кавалером «Веселых братьев», с 1267 г., и назван был Фрате Альбериго. (Ад, XXIII, 103).
119. Намек на слова «подавайте фрукты» — это был сигнал, по которому во время пира вбежали убийцы и убили его родственников.
120. Получаю кару за свои грехи. Смысл как бы из «огня да в полымя».
121. Данте удивляется, что Фрате Альбериго здесь. В 1300 г., когда совершалось странствие, Фрате Альбериго был еще жив.
126. Атропос — та из трех Парок, которая обрезает нити жизни.
130. Не всем предателям назначена такая участь, но только находящимся в третьем отделении. Вероятно, это взято из слов Евангелия: «И после сего куска вошел в него сатана». (Иоанн, XIII, 27). Надо думать, что и в четвертом отделении, Джиудекке, грешники подвержены той же участи.
137. Бранка д'Ориа — генуэзец; пригласил к обеду Микеле Цанке, своего тестя. (Ад, XXIII, 88) и предательски убил его. Убийство произошло в 1275 году; следовательно, прошло уже 25 лет, как душа его заключена в Толомее.
142. В верхний ров — в лог взяточников. (Ад, XXII). Дьявол вошел в тело Бранка д'Ориа и отправил душу его в Ад, прежде, чем Микеле Цанке попал в пятый лог. Так же

и здесь Данте, кажется, имеет ввиду выше приведенное место священного писания. Как сатана вошел в Иуду прежде, чем тот совершил свое предательство, так же он воплотился в сэра Бранка, прежде чем тот предательски убил Микеле Цанке.

150. Для такого грешника даже подобная грубость была как бы слишком мягка, является «вежливостью».
154. Фрате Альбериго.
155. Бранка д'Ориа.

ПЕСНЬ ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

1. «*Vexilla Regis prodeunt Inferni*» — знамена царя ада приближаются, выступают. Первые три слова — начало гимна, который поют на Страстной неделе (произведение Фортунато ди Ченеда, епископ Паутье, в шестом веке). Данте, который считает, что находится в аду также на Страстной, применяет эти слова, добавляя «*Inferni*» к крыльям Люцифера не иронически, но скорее, чтобы указать на противоположность между знаменем князя тьмы и князя света. Знамена — это распростерты крылья Люцифера.
18. Люцифер — до своего восстания на Бога был из числа прекраснейших ангелов Господних.
20. Дис — Люцифер, как в «Аду», XI, 65.
38. Три лица — согласно древним комментаторам символизирует три порока — какие именно, об этом мнения чрезвычайно расходятся. Большинство современных толкователей считают, что три лица и их цвета, обозначают страны света, известные во времена Данте, Европа, Азия, Африка; и указывают, что Люцифер обладает подданными во всех частях света.
45. Из Эфиопии. Здесь разумеются вообще чернокожие.
52. Коцит, последняя ледяная адская река.
65. Марк Юний Брут и Лонгин Кассий — два главных заговорщика в убийстве Цезаря. Некоторые удивляются, что Данте поместил этих двух благородных римлян

в пасть, пожирающую Иуду Искаротского. Но это только необходимое последствие Дантовской системы. Христос, преданный Иудой, есть представитель духовной власти; Цезарь, преданный Кассием и Брутом, представитель власти гражданской. Обе эти власти установлены с соизволения Божия. Иуда Искарот есть прототип предателей высшей духовной власти, Брут и Кассий прототипы изменников высшей гражданской власти, и поэтому Поэт помещает их вместе с Иудой, в пасти Люцифера. Все трое по Дантовскому мировоззрению суть предатели человечества: первый предал человечество в том, что касается его духовного счастья, двое других в том, что касается счастья земного. (Скартаццини).

68. Ночь с субботы на воскресенье.
79. «Повернул голову туда, где были ноги» — Поэты находятся в центре земного шара, и для того, чтобы восходить на противоположную сторону земли, к горе Чистилища, им необходимо произвести изменение в положении своих тел.
81. Головы их повернулись к Аду, и Данте показалось, что они возвращаются.
85. «Через расселину — от пупа вверх, Люцифер находится в северном полушарии, от пупа вниз — в южном. Верхняя часть тела наполовину наружи, наполовину во льду; нижняя — наполовину окружена утесом, образующим другую сторону Джиудекки (ст. 117). Наполовину (ноги и ступни) находится в воздухе, в бесформенной пещере». (Скар.). Здесь Вергилий и ссаживает Данте.
93. «Через какую грань» — через центр земли.
96. В стихе 68 сказано — «наступает ночь», а теперь «Солнце близится к 8 утра». Поэты перешли в другое полушарие, и там уже утро, когда в северном был вечер. Данте поэтому и спрашивает в стихе 104-105 «почему в столь малое время совершило Солнце путь от утра до вечера».

103. Ледник Коцита. Данте как будто еще не понимает, что он миновал уже центр земли.
108. Злостный червь — Люцифер.
114. Великая мель — Данте полагает, что Иерусалим, который он имеет здесь в виду, находится в центре нашего полушария.
117. См. примечание к ст. 85.
120. Всажен — в лед, снова Люцифер.
121. Со стороны южного полушария.
123. Из страха перед Люцифером, падавшим с неба.
125. Гора Чистилища образовалась по Данте из той земли, которая утрашила падающего Люцифера, оставила за собой пустоту, или пещеру, и возникла вверх.
127. Доселе говорил Вергилий, теперь Данте сам начинает описывать возвращение свое на поверхность земли.
128. Могила — Ад.
129. Не взором, ибо там полная темнота. Слышен только шум ручейка.
132. Ручеек: Некоторые предполагают, что этот ручеек вытекает из Леты и несет вниз, в Ад, слезы искупления. Адские же реки: Ахерон, Стикс и Флегетон сводят в Ад из мира слезы греха. (Ад, XIV). Следует думать, что и воды **ручейка** обращаются в лед, вблизи Люцифера, так как они текут в направлении к нему.
137. «Дивные создания» — звезды (см. Ад, I, 37-40). Собств. «вещи», но по русски это очень неприятное слово.
139. Когда они начали восхождение от Люцифера, было 7½ утра; когда прибыли к подножию Чистилища, вставало Солнце. (Чист. I, 19). Следовательно, Поэты употребили около 24 часов на странствие от Люцифера до поверхности земли; почти столько же, сколько длилось их схождение в Ад. — Каждая из 3-х частей поэмы кончается словом «звезды». (См. Рай, XXX, 145).

Tous droits réservés.
Copyright 1961 by YMCA-PRESS
11, r. de la Montagne Ste-Geneviève
P a r i s - 5^e